

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

1
2020

VESTNIK RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»
RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya, 125993

e-mail: novikova.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: novikova.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph. D, associate professor, University Paris 8 (France)

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University (USA)

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D, professor of Communication, Eastern Washington University (USA)

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University (USA)

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria)

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- B. Shteltsel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria), vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Viena (Austria)
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

- N.A. Medushevsky*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
- A.A. Novikova*, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет (США)

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет (США)

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена (Австрия)

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D, доцент, Университет Париж 8 (Франция)

Д. Фоглесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс (США)

Т.А. Шаكليша, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена (Австрия)

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, РГГУ

А.А. Новикова, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные исторические исследования античности

Елена В. Бульчева

Священные земли Аттики после завершения Пелопоннесской войны
в V–IV вв. до н. э.: по материалу эпиграфики 12

Эдуард Е. Мейер

К вопросу о репрезентации власти Юстиниана I Великого:
по материалам письменных источников 22

Современные исторические исследования Нового и новейшего времени

Елена Д. Браун

Кто был важнее для лондонца XVI в.: мэр, лорд или государь?
Иерархия отношений лояльности в «Хрониках» Роберта Фабиана 30

Григорий Д. Галдилов

Русские послы в Париже (1807–1812 гг.): на пути к конфронтации 43

Елизавета И. Новикова

Влияние Октябрьской революции 1917 г. и деятельности Коминтерна
на взгляды и методологические подходы польских и чешских
историков межвоенного периода: на примере работ Ю. Мархлевского,
Зд. Нееды и Я. Швермы 52

Наталья В. Ростиславлева

Восприятие интернирования в годы Первой мировой войны
в эгодокументах и литературных произведениях:
на примере наследия К.А. Федина 64

Елена В. Гулынская

Британская политика в Палестине в первой половине XX в. 78

Современная теоретическая политология

Анатолий В. Курочкин

Механизм ограничения электоральной конкуренции
между российскими политическими партиями 89

Николай В. Литвак

Научная дипломатия в войнах, революциях и конфликтах:
философский и социополитический аспекты 99

Международные процессы в политике

<i>Александр С. Левченко</i> Евроатлантический вектор в военной доктрине Украины в 1990 – начале 2019 г.	109
<i>Наталья Б. Помозова</i> Желтый уровень опасности	122
<i>Кайл Томашевский</i> Международное сотрудничество России и США в космосе: куда мы направляемся?	135

CONTENTS

Contemporary historical research on Antiquity

Elena V. Bulycheva

Sacred lands of Attica after Peloponnesian war in 5th – 4th century BC
on the epigraphic materials 12

Eduard E. Meyer

On the question of the representation of the authority
of Justinian I the Great (according to written sources) 22

Current historical research on Early Modern Contemporary times

Elena D. Braun

Who was more important for 16th century Londoner: his mayor,
his lord or his king? The ties of loyalty in Robert Fabyan's "Chronicles" 30

Grigory D. Galdilov

Russian ambassadors in Paris (1807–1812).
On the way to confrontation 43

Elizaveta I. Novikova

The influence of the 1917 October Revolution and the activities
of the Comintern on the views and methodological approaches
of Polish and Czech historians of the interwar period (on the example
of the works of Julian Marchlewski, Zdeněk Nejedlý, Jan Šverma) 52

Natalia V. Rostislavleva

Perception of Internment during the First World War
in the Ego-Documents and Literary Works
(on the example of the heritage of K.A. Fedin) 64

Elena V. Goulynskaya

British policy in Palestine in the first half of 20th century 78

Modern theory of political science

Anatoly V. Kurochkin

The limitations mechanism of electoral competition between
Russian political parties 89

Nikolay V. Litvak

Scientific diplomacy in wars, revolutions, and conflicts.
Philosophical and socio-political aspects 99

International processes in politics

<i>Alexander S. Levchenkov</i>	
Euro-Atlantic vector in the military doctrine of Ukraine in the 1990s – early 2019	109
<i>Natalia B. Pomezova</i>	
Yellow warning	122
<i>Kyle Tomaszewski</i>	
International cooperation between Russia and USA regarding space exploration. Where are we headed?	135

Актуальные исторические исследования античности

УДК 321

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-12-21

Священные земли Аттики
после завершения Пелопоннесской войны
в V–IV вв. до н. э.: по материалу эпиграфики

Елена В. Бульчева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bulychevalena@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния Пелопоннесской войны на состояние священных земель (теменосов) в Аттике в конце V–IV в. до н. э. Пелопоннесская война – конфликт между двумя крупнейшими греческими полисами – Афинами и Спартой, безусловно, привела к большим проблемам, связанным с эксплуатацией сельскохозяйственных угодий. Прежде всего, военные действия затронули земельные участки Аттики (области Афин). При этом со времен античности историки и экономисты ведут спор о масштабах нанесенного ущерба. В данной статье внимание обращено на положение священных земель (теменосов) после Пелопоннесской войны. Статус этих земельных участков отличается от всех остальных, поскольку они были связаны с особым поклонением богам и героям древней Эллады. Основным источником является эпиграфический материал, договоры о сдаче в аренду священных угодий в конце V–IV в. до н. э. На основании этого материала автор приходит к определенным выводам. Священные земли были постоянно под контролем полисных властей, что объясняется их высоким статусом. Сельскохозяйственные работы на этих землях велись постоянно, что свидетельствует о заботливом отношении к ним со стороны полиса и их эффективном использовании.

Ключевые слова: Аттика, полис, священная земля, арендатор, аренда, договор, проблема, война

Для цитирования: Бульчева Е.В. Священные земли Аттики после завершения Пелопоннесской войны в V–IV вв. до н. э.: по материалу эпиграфики // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-12-21

© Бульчева Е.В., 2020

Sacred lands of Attica
after Peloponnesian war in 5th – 4th century BC
on the epigraphic materials

Elena V. Bulycheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bulychevalena@yandex.ru*

Abstract. This article is devoted to the issue of the influence of the Peloponnesian war on the sacred lands (temenos) in Attica in the end of 5th – 4th centuries BC. The Peloponnesian war, the conflict between the two largest Greek polises Athens and Sparta, certainly led to great difficulties related to the exploitation of agricultural land. Firstly, the military actions affected the land plots of Attica (Athens region). Since antiquity, however, historians and economists have debated the extent of the damage. This article draws attention to the situation of the sacred lands (temenos) after the Peloponnesian war. The status of those plots of land was different from all the others, as they were associated with a special worship of the gods and heroes of Ancient Greece.

The main source is epigraphic material, such as agreements on the leasing of sacred land in the 4th century BC. On the basis of that material the author comes to some conclusions. Sacred lands were constantly under the control of the political authorities, due to their high status. Agricultural work on those lands was carried out constantly, what indicates a caring attitude towards them on the part of the polis and their effective use.

Keywords: Attica, polis, sacred land, tenant, lease, contract, issue, war

For citation: Bulycheva, E.V. (2020), “Sacred lands of Attica after Peloponnesian war in 5th – 4th century BC on the epigraphic materials”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-12-21

Введение

Военные конфликты и сражения представляют собой постоянную реальность в истории человечества. Вряд ли можно вспомнить какой-то этап развития человечества, когда не существовало военной агрессии. В древности война была источником естественного существования народов. Постоянные конфликты из-за территорий, природных ресурсов и личной неприязни правителей были обычным явлением повседневной жизни древневосточного или античного обществ. При этом в древней литературе война воспевалась, как нечто божественное и героическое. Известный

отечественный ученый Н.И. Басовская отмечает, что основные тексты, сохранившиеся до нашего времени из глубины веков, в основном посвящены военным событиям [Басовская 2014, с. 10]. Одним из таких военных конфликтов стала Пелопоннесская война между двумя крупнейшими греческими полисами – Афинами и Спартой (431–404 гг. до н. э.). Этому событию посвящено немало научных работ, начиная с труда древнегреческого историка Фукидида. Исследователи, как правило, обращают внимание на характер военных действий, их причины и итоги, общую политическую и экономическую ситуации в полисах до, в период и после войны, на положение населения в разгар военных событий [Vadian 1993]. При этом мало внимания уделено одной из важнейших проблем – положению сельскохозяйственных угодий Аттики (области Афин) после завершения военного конфликта [Kagan 1987]. В связи с этим цель настоящей статьи – представить положение земельных участков, имеющих статус священных, в Аттике после завершения Пелопоннесской войны. Данная проблема выбрана не случайно. Храмовые земли (теменосы) имели особое значение для древнегреческого полиса, поскольку они считались владением не обычных, земных граждан, а богов и героев, и их сохранность представляла для полиса особую важность [Меланченко 2007, с. 133].

Священные земли Аттики (теменосы) и их состояние после завершения Пелопоннесской войны

До нашего времени сохранилось немало свидетельств эпиграфического материала, благодаря которым можно понять, что представлял собой теменос классического и позднеклассического периода. Как показывает содержание надписей¹, теменос – это прежде всего земельный участок, посвященный какому-либо божеству или герою, почитаемому в полисе. При этом различалось хозяйственное назначение этого вида земель [Андреев 1972, с. 12]. В некоторых случаях теменос включает сад². В других надписях говорится о том, что теменос представляет собой земельный

¹ Надписи – это основной источник по данному вопросу. Большинство древнегреческих надписей, на которые будут сделаны ссылки в данной статье, содержатся в сборнике *Inscriptiones Graecae*. 2 ed Berlin, 1903. В статье использовано общепринятое сокращение названия этого сборника – IG. II², а последующие цифры указывают соответственно на номер надписи и строки документа, в которых содержится необходимая информация.

² IG. II². 1035, 2492, 2494, 2498, 2499.

участок с хозяйственными постройками³. Данные археологии свидетельствуют о том, что священными землями часто становились места, где находились могилы мифических героев, жертвенники и статуи⁴. Можно предположить, что свой теменос имело каждое святилище. По мнению В.Н. Андреева, подобный факт можно объяснить тем, что священное землевладение складывалось в очень древнюю эпоху, когда возникали местные культы и посвящение земельного участка местному божеству считалось необходимым [Андреев 1972, с. 13]. Со временем эта ситуация мало изменилась. Граждане полиса также продолжали посвящать земли богам и героям, а контроль за их использованием возлагали на территориально-административные объединения полиса – демы и фратрии, а также на религиозные сообщества оргеонов⁵. Как показывают сведения надписей и археологических раскопок, большая часть священных угодий была расположена как на территории самого города Афины, так и в сельскохозяйственной местности Аттика⁶. Судя по сведениям эпиграфического материала, уход за теменосами проводился с помощью сдачи их в аренду. Благодаря этим надписям и отдельным сообщениям древнегреческих авторов можно постараться представить состояние священных земель после завершения Пелопоннесской войны. Вопрос о том, насколько пострадали земельные участки Аттики после Пелопоннесской войны, волнует историков, начиная с античных времен. У Фукидида в его «Истории» встречаются сообщения о появлении многочисленных сельскохозяйственных поселений на территории Аттики после Пелопоннесской войны⁷. При этом сложно установить причину их появления, т. е. понять связано ли это с проблемами военного времени, потерями земельного фонда или объясняется тем, что землям Аттики не было нанесено слишком большого урона. С одной стороны, Фукидид весьма ярко рисует картину бедствий Пелопоннесской войны, после которых пострадало сельское хозяйство Аттики. Он представляет разорение, которому спартанцы подвергли Аттику, особенно в ходе вторжения в 427 г. до н. э.⁸ При этом его дальнейший рассказ показывает, что военная ситуация, хотя и нарушала экономический баланс, но не препятствовала жителям Аттики

³ IG.II². 2496, lines. 15–30; 36–37.

⁴ Фукидид. История / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1993. С. 23.

⁵ Аристофан. Плутос / Пер. Ф.А. Петровского. М.: Искусство, 1983. С. 11.

⁶ Там же. С. 11–12.

⁷ Фукидид. История. V. 42.

⁸ Там же.

работать на своих полях⁹. Комедиограф Аристофан рисует картину опустошения земель, обнищания крестьян во время и после Пелопоннесской войны¹⁰. Другой греческий автор Ксенофонт отмечает, что в целом земля не была в безраздельном господстве спартанцев, лакедемоняне не стали поработать афинский народ и истреблять его земли, как настаивали жители других греческих полисов¹¹. При этом сообщения Ксенофонта не могут рассматриваться как весьма объективные, поскольку известно, что он долгое время находился на службе у спартанцев и высоко ценил спартанский строй¹². При этом Фукидид и Ксенофонт пишут о сельскохозяйственных угодьях в целом, не обращая специального внимания на какие-то отдельные категории. О состоянии священных земель в Аттике после завершения Пелопоннесской войны упоминает оратор Лисий. В частности в своих «Речах» он сообщает о теменосах, на которых пострадали священные оливы¹³. Безусловно, сведения этих авторов весьма фрагментарны и не представляют общей ситуации, происходившей со священными угодьями после Пелопоннесской войны. В связи с этим материал надписей о сдаче в аренду теменосов является более информативным. До нашего времени сохранились договоры о сдаче в аренду священных земель, которые датируются периодом после завершения Пелопоннесской войны¹⁴. Их содержание позволяет представить состояние теменосов после окончания военного конфликта. Судя по их сведениям, хотя военные действия завершились, обстановку в полисе трудно назвать спокойной. В договорах содержатся предупреждения для арендаторов о том, что на территории полиса могут возникнуть какие-то беспорядки или разрушения, вызванные войной¹⁵. При этом следует обратить внимание, что надписи относятся к началу и середине IV в. до н. э., когда Пелопоннесская война уже давно была завершена, а о каких-либо крупных военных действиях в афинском полисе в это время нам неизвестно. В связи с этим можно высказать некоторые предположения. Возможно, что на афинской земле повсеместно находились собственные войска, которые поддерживали порядок

⁹ *Фукидид*. История. VIII. 27, 3–5.

¹⁰ *Аристофан*. Плутос. С. 16–18, 21–23.

¹¹ *Ксенофонт*. История Греции / Пер. Л.И. Горбачевского. М.: Астрель, 2009. II. 21, 22.

¹² Там же. С. 274.

¹³ *Лисий*. Речи / Пер. С.И. Соболевского. М.: Ладомир, 1994. VII. 7.

¹⁴ *Демосфен*. Речи / Пер. В.Г. Боруховича. М.: Памятники исторической мысли, 1994. С. 301–302.

¹⁵ IG. II². 2492, lines. 15–16; IG. II². 1241, lines. 25–26.

в полисе. В то же время это могли быть спартанские военные силы, которые имели право после завершения войны находиться на территории Афин и их области [Kagan 1987, p. 161].

Взимание чрезвычайного налога (эйсфоры) со священных земель в IV в. до н. э.

События Пелопоннесской войны надолго оставили отпечаток в жизни афинского полиса, особенно отразились на его экономике. В частности, это проявилось во взимании чрезвычайного налога (эйсфоры). Этот налог был введен во время Пелопоннесской войны, но его сбор продолжался и после завершения военных действий [Андреев 1983, с. 15–23]. В надписях о сдаче в аренду священных земель постоянно говорится о необходимости для участников сделки (арендаторов и арендодателей) вносить эйсфору в казну полиса¹⁶. При этом характерно то, что эйсфора взимается в большинстве случаев не только с арендаторов (частных лиц), но также и с арендодателей, которыми являлись территориально-административные объединения полиса – демы и религиозные сообщества – оргеоны. В договоре о сдаче в аренду эксонейцами сказано, что дем должен выплачивать чрезвычайный налог в соответствии с оценкой стоимости имущества¹⁷, в надписи о сдаче в аренду теменоса оргеонами последним предписано также платить эйсфору¹⁸. Возможно, что полис, налагая определенную ответственность на арендодателей священных земель, преследовал определенные цели. Демы и оргеоны, занимающиеся арендой священных угодий, были наиболее ответственными налогоплательщиками, поскольку от полиса они получали право на распоряжение этими землями и, конечно, не собирались нарушать существующие законы. Кроме того, после завершения Пелопоннесской войны в афинском полисе существовала социальная напряженность. По словам оратора Демосфена, многие граждане считали подобный налог обременительным и старались его не вносить¹⁹. В связи с этим полисные власти предпочитали взимать эйсфору с наиболее надежных плательщиков, среди которых оказались арендодатели храмовых земель. Кроме того, распорядители священных земель, судя по всему, относились к выплате эйсфоры весьма спокойно, поскольку понимали, что из

¹⁶ IG. II². 2492, lines. 36–39; 2499, lines. 27–29.

¹⁷ IG. II². 2492, lines. 36–39.

¹⁸ IG. II². 2499, lines. 27–29.

¹⁹ Демосфен. Речи. XXV. 57.

чрезвычайного налога он превращался в постоянный. В частности, в договоре о сдаче в аренду теменоса в деме Прасий арендатору земельного участка и его потомкам в качестве поощрения за соблюдение ими всех условий аренды предоставляется льгота: они освобождаются от уплаты ряда пошлин, а также эйсфоры²⁰. Таким образом, информация об эйсфоре, содержащаяся в договорах о сдаче в аренду теменосов, показывает, что ситуация в полисе после Пелопоннесской войны оставалась весьма напряженной в течение долгого времени, что отражалось в разных явлениях социально-экономического характера, в том числе влияла на состояние священных земель и их распорядителей.

Хозяйственные работы на священных землях Аттики после завершения Пелопоннесской войны

Судя по содержанию надписей, полис и его отдельные подразделения (демы и религиозные сообщества) старались тщательно заботиться о сохранении фонда священных земель. Во всех договорах об аренде теменосов содержатся предписания арендаторам, связанные с постоянным проведением работ на этих землях, обязательным уходом за растениями и ремонтом хозяйственных построек, расположенных на этих земельных участках. При этом характерно то, что подобные работы на теменосах предписывалось проводить постоянно вне зависимости от военной ситуации. В надписи плотейцев о сдаче в аренду священных угодий, датированной примерно 450 г. до н. э. (время до начала войны), арендодателям предписано содержать в полном порядке земельные угодья и выдавать средства на их благоустройство²¹. К 418 г. до н. э., когда происходили события Пелопоннесской войны, относится договор о сдаче в аренду теменосов Кодра, Нелея и Басилы²². В нем весьма подробно говорится о том, какие работы следует выполнять работникам на священных землях. В частности, сказано, что на территории святилища следует постоянно поддерживать порядок, высадить не менее 200 оливок, а также необходимо заботиться о водоемах, проведенных на этой земле²³. В договорах, составленных после завершения Пелопоннесской войны постоянно содержатся предписания арендатору о необходимости

²⁰ IG. II². 2497, lines. 5–7.

²¹ IG. II². 1172, lines. 5–7.

²² IG. II². 94.

²³ IG. II². 94, lines. 10–15.

заботиться о землях святилища. В частности, говорится о том, что следует выращивать оливковые деревья, виноградник²⁴, ухаживать за зерновыми культурами и пастбищами²⁵, а также проводить ремонтные работы хозяйственных помещений²⁶. Таким образом, мы видим, что власти и граждане полиса старались тщательно следить за поддержанием порядка, достойной обработкой священных земель, пытались не допускать потери каких-либо растений и снижения урожая. Возможно, что такая забота объясняется прежде всего характером (точнее статусом) данного вида земель. Греческое общество и государство относятся с особым почтением к землям храмов, считая их принадлежностью не земных людей, а самих богов. Кроме того, арендодателями этих категорий земель выступали не обычные граждане, а полисные структуры, которые были заинтересованы в поддержании и сохранении земель, находящихся в их распоряжении. Безусловно, в их распоряжении было гораздо больше средств для поддержания земельного фонда, чем у обычных земледельцев [Finley 1953, p. 258–260]. В сравнении с другими категориями земель, можно отметить, что теменосы находились в привилегированном положении.

Безусловно, что более всего от Пелопоннесской войны пострадали мелкие земледельцы, участки которых были расположены в сельскохозяйственных районах Аттики [Finley 1953, p. 258–260]. Основные проблемы аттического крестьянство испытало во время так называемой Декелейской войны (413–404 г. до н. э.), когда спартанцы вторглись в пределы Аттики и нанесли урон сельскохозяйственным угодьям. Так, в речи Лисия, которая была произнесена практически после заключения мира между Афинами и Спартой (404 г. до н. э.) говорится о том, что во время войны большая часть оливковых деревьев была вырублена²⁷. При этом В.Н. Андреев отмечает, что не следует преувеличивать ущерб, нанесенный крестьянству войной. По его мнению, Пелопоннесская война не привела к ослаблению связи крестьян с землей [Андреев 1983, с. 306–307]. Несмотря на тяготы, связанные с восстановлением разрушенного войной хозяйства, крестьяне Аттики не прибегают к продаже земельных участков, а стараются их восстановить [Kagan 1987, p. 79–81]. Судя по сохранившимся закладным камням, крестьяне крайне редко прибегают также к закладу земли [Kagan 1987, p. 73–98].

²⁴ IG. II². 2492, lines. 15–20.

²⁵ Ibid.

²⁶ IG. II². 2499, lines. 25–35.

²⁷ *Лисий*. Речи. VII. 7.

Это свидетельствует о том, что большинство земледельцев не было разорено войной и имело возможность спокойно обрабатывать свои земельные участки.

Заключение

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать некоторые выводы. После завершения Пелопоннесской войны священные земли, безусловно, пострадали, поскольку война всегда наносит урон различным земельным угодьям. При этом власти полиса весьма активно заботились о сохранении земельного фонда храмов, что во многом объясняется их статусом, граждане полиса представляли их, как владения богов и героев. Сельскохозяйственные работы на них велись весьма активно, что свидетельствует об эффективном использовании данного вида земель. Говоря в целом о состоянии землевладения Аттики после завершения Пелопоннесской войны, можно отметить, что граждане полиса старались сделать все возможное для его восстановления.

Литература

- Андреев 1983 – *Андреев В.Н.* Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. // Античная Греция. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 247–327.
- Басовская 2014 – *Басовская Н.И.* Война и мир в истории цивилизации (постановка проблемы на материале древней и средневековой истории) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2014. № 13 (135). С. 9–15.
- Меланченко 2007 – *Меланченко И.В.* Афинская демократия. М.: Крафт +, 2007.
- Badian 1993 – *Badian E.* From Plataea to Potidaea. John Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Finley 1953 – *Finley M.I.* Land, debt and the man of property in classical Athens // Political Science Quarterly. 1953. LXVIII. № 2. P. 248–268.
- Kagan 1987 – *Kagan D.* The fall of the Athenian Empire. Cornell University Press, Ithaca, USA.

References

- Andreev, V.N. (1983), “Agrarian relations in Attica in the 5th – 4th centuries BC”, in *Antichnaya Greция* [Ancient Greece], issue. 1, Nauka, Moscow, Russia, pp. 247–327.
- Badian, E. (1993), *From Plataea to Potidaea*. John Hopkins University Press, Baltimore, USA.

- Basovskaya, N.I. (2014), "War and peace in the history of civilization (statement of the issue on the material of the ancient and medieval history)". *Vestnik RGGU. Series "History. World History"*, vol. 135, no. 13, RGGU, Moscow, Russia, pp. 9–15.
- Finley, M.I. (1953), Land, debt and the man of property in classical Athens. *Political Science. Quarterly*, LXVIII, no. 2, pp. 248–268.
- Kagan, D. (1987), *The fall of the Athenian Empire*. Cornell University Pres, Ithaca, USA.
- Melanchenko, I.V. (2007), "Afinskaya demokratiya" [Athinean democracy], Kraft+, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Булычева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; bulychevalena@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Bulycheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; e-mail: bulychevalena@yandex.ru

К вопросу о репрезентации власти
Юстиниана I Великого:
по материалам письменных источников

Эдуард Е. Мейер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия, meyer_ed@mail.ru*

Аннотация. В статье определены актуальные для времени правления императора Юстиниана I Великого (527–565) методы, с помощью которых поддерживалось ощущение легитимности существовавшего в Восточной Римской империи политического строя, именуемого в источниках *полιτεία* или *res publica*. В центре этой репрезентационной политики находилась личность императора, она становилась символом, олицетворением и гарантом существования *полιτεία* или *res publica* для ромейского народа. Наличие такого согласия между населением и управителями раннесредневековой империи и приводило к легитимизации власти, а черты и действия, присущие Юстиниану I, хорошо описаны в различных письменных и не только письменных источниках. В процессе исследования были изучены письменные источники начиная с откровенно панегиристических работ, прославлявших гений императора – «De aedificiis» Прокопия Кесарийского или речах Хорикия – до памфлетов в виде «Тайной истории» того же Прокопия. Путем сравнительного анализа и дискурс-анализа письменных источников разных жанров выявлены основные механизмы, реализующие главную цель репрезентации власти – обеспечение эффекта присутствия политического «центра» в лице императора на местах, вовлеченности его во внутренние дела провинций, пограничных территорий и соседних социально-политических образований.

Ключевые слова: Византия, император, репрезентация, власть, Ромейская империя, Юстиниан

Для цитирования: Мейер Э.Е. К вопросу о репрезентации власти Юстиниана I Великого: по материалам письменных источников // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 22–29. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-22-29

On the question of the representation
of the authority of Justinian I the Great:
(according to written sources)

Eduard E. Meyer

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, meyer_ed@mail.ru*

Abstract. The article examines how the sense of legitimacy of the political system — referred to in the sources as *πολιτεία* or *res publica* — was maintained in the Eastern Roman Empire during the reign of Justinian I the Great (527–565). The features and actions associated with Justinian I are well described in various written and non-written sources. According to those sources, persona of the Emperor was at the center of this representational policy. It became the symbol, personification and the guarantor of the existence of the *πολιτεία* or *res publica* for the Eastern Romans. The existence of such an agreement between the general public and the rulers of the early medieval Empire led to the legitimization of power. During the research process various sources were studied, beginning with the openly panegyric works that glorified the genius of the Emperor, such as the “*De aedificiis*” of Procopius of Caesarea or the speeches of Choricus, to pamphlets in the form of the “*Secret history*” of the same Procopius. Using comparative analysis and discourse analysis of written sources, the author identified the principal mechanisms that implemented the main goal of power representation, which ensured the effect of the presence of the political “center” embodied in the Emperor’s figure, his involvement in the internal affairs of the provinces, border territories and neighboring socio-political entities.

Keywords: Byzantium, emperor, representation, authority, East Roman empire, Justinian I

For citation: Meyer, E.E. (2020), “On the question of the representation of the authority of Justinian I the Great (according to written sources)”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 22–29. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-22-29

Введение

Формирование новых методов обработки и рассмотрения исторических источников, новых объяснительных моделей развития социального пространства расширяет объект исторического исследования и меняет понимание феномена власти. Изучение ранних практик конструирования образа правителя важно, потому что это

позволит лучше понять механизмы жизнедеятельности ранних государств.

Отражение исследуемой проблемы мы можем найти в ставших уже классикой исследованиях А. Грабара [Грабар 2000], Г.Л. Курбатова [Курбатов 1984] и других работах современных авторов. Поскольку вопрос о политическом строе империи на юридических материалах в достаточной мере обработан в трудах Вальденберга [Вальденберг 2008] и Калделлиса [Калделлис 2016], в этом исследовании большее внимание было уделено историческим трудам.

Власть между дискурсами

Имперская администрация, понимая всю шаткость своего положения и стремясь сохранить свой политический, символический и культурный капиталы, насаждала культ императорской власти.

Можно наблюдать определенную раздвоенность императорского образа. Он позиционировался как центр власти и являлся частью республиканско-корпоративной системы. О богоизбранности империи писал Анастасию Синезий, епископ Кирены¹ и Агапит Дьякон Юстиниану². В юридических актах императорская власть предстает и как дар свыше, наделенный тем или иным свойством «запредельного», и как акт передачи народом управления одному человеку.

Императоры становились арбитрами в религиозных делах. Юстиниан участвовал в организации V Вселенского собора в Константинополе [Грацианский 2016, с. 148–161] и признал постановления соборов в качестве законов³. Император назначал епископов по просьбе местных правителей, становился восприемником во время крещения, стремясь превратить его в акт символического договора. Правители эрулов, боспорский гуннов и готов, гепидов – Греспес, Боа, Грод, сын вождя гепидов Моунд, правитель готов – лично прибывали в Константинополь с войском и ближними родственниками.

Мистический дискурс содержится и в текстах нерелигиозных авторов. Хорикий, раскрывая мистику императорского превосходства, писал, что величие зашифровано в именах императора и его жены Феодоры⁴. Приводились мифы о видениях, якобы по-

¹ Sin. De regno 4, 8.

² Agap. Cp. Diac. Ex. I. (A).

³ Evagr. Schol. Hist. ecc. VI. 38–41.

⁴ Chor. Or. XIII. 12–13.

сещавших будущих императоров, описание которых присутствует, например, у Фредегара⁵. В «Тайной истории» негативные черты имеют гиперболизированный характер, Прокопий именует императорскую чету демонами⁶. Вокруг императора ходили слухи о превращении его в кусок мяса, об отсутствии у него головы, о гулявших по дворцу привидениях, демоне на троне⁷. Евагрий Схоластик оставил только тягу к раздору и падкость до чужого имущества⁸.

Методы и способы обеспечения контроля

Главная цель коммуникации центра и периферии – обеспечить эффект присутствия центра на местах, чтобы избежать формирования вакуума власти и выстраивания альтернативных институтов управления.

Проблемой всегда были войска. Они действовали от имперского правительства, но могли стать основой для военного мятежа, если «хватка» центра начинала ослабевать, создавая альтернативный политический центр в провинции. Военачальники прибегали к угрозам подчиненным гневом императора за неисполнение приказов⁹. Император старался находить компромиссы с военными¹⁰. Юстиниан отправлял лояльных командиров, как Юстина в Колхиду¹¹.

Переименовывали города. Были созданы несколько Юстинианополей, епископы которых присутствовали на Втором константинопольском соборе¹², Юстиниан, Феодорополей по всей империи от ее восточных до фракийских рубежей. Крепости Анасарды и Соусис были переименованы в Феодориаду и Юстинианополис соответственно, причем первому дали права полиса¹³. Карфаген был назван именем императора после освобождения от вандалов¹⁴.

⁵ Fredegarius Chron. II. 62.

⁶ Proc. Caes. Hist. arc. XII. 14, 15, 26, 32; XVIII. 1, 36, 37.

⁷ Ibid. XII. 20, 21–23, 26.

⁸ Evagr. Schol. Hist. ecc. IV. 30, 39; V. 1.

⁹ Agath. Hist. I. 17; Proc. Caes. Hist. arc. XXX. 27.

¹⁰ Proc. Caes. Bella (Goth.) VIII (IV). 13:14.

¹¹ Agath. Hist. IV. 21.

¹² Деяния Вселенских соборов. Т. 4: Собор Константинопольский 2-й, Вселенский пятый / Ценз. проф. академии М. Богословский. Казань: Центральная типография, 1908. С. 98.

¹³ Ioannes Malala Chron. XVIII. 31.

¹⁴ Proc. Caes. De aedificiis: VI. V:8.

На конструирование эффекта присутствия были направлены изображения и статуи, которые получали статус правителей во плоти, например, на Августеоне¹⁵. Покоренные же правители ставились в тень, иногда буквально, путем закрашивания фресок, как в Базилике Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне [Щукин 2005, с. 159]. В условиях, которые император выдвинул итальянским готам, содержался запрет на установку статуй местных королей без сопровождения их императорскими статуями¹⁶. Одежду и различные аксессуары тоже показывали народу. Ярким примером было вывешивание императорского платья в церкви Кассиона в Антиохии после землетрясения¹⁷.

Демонстрировались народу и побежденные враги. Велисарий увез пленным из Равенны Вигитиса, короля готов, которого показали в Константинополе¹⁸. Боа, победившая во внутренних распрях, отправила в Константинополь Тираикса, которого вывели толпе, а затем убили¹⁹. Аналогично на ипподроме были проведены болгарские князья²⁰.

Проводились показательные суды со множеством церемоний и излишней торжественностью²¹. Иоанн Малала указывает, что Юстиниан ответил на нападки родственников династии Анастасия в суде²².

Нормой было участие высших лиц в общественных действиях – ристалищах и празднествах²³. В 530 г. Юстиниан шел крестным ходом вместе с народом, уступив свою колесницу патриарху²⁴. Во время восстания Ника император появился с евангелием на ипподроме²⁵. В Рождество 550 г. император участвовал в процессии без венца и так прошел до церкви в честь траура по Антиохии²⁶. После землетрясения 550 года он в течение нескольких дней не надевал императорский венец, демонстрируя тем самым солидарность с населением

¹⁵ Ioannes Malala Chron. XVIII. 94; Theophanes Chron. 6036 536.

¹⁶ Proc. Caes. Bella (Goth.) V (I). 6:3–4.

¹⁷ Ioannes Malala Chron. XVIII. 45.

¹⁸ Marii Ep. Aventicensis Chr. 540.

¹⁹ Ioannes Malala Chron. XVIII. 13.

²⁰ Theophanes Chron. 6032 532.

²¹ О суде, состоявшемся над Губазом и его сторонниками-колхами: Agath. Hist. IV. 1.

²² Ioannes Malala Chron. XVIII. 22.

²³ Ibid. XVIII. 71.

²⁴ Theophanes Chron. 6030 530.

²⁵ Ioannes Malala Chron. XVIII. 71.

²⁶ Theophanes Chron. 6051 550.

пострадавшего города²⁷. Императорское окружение путешествовало по империи: Феодора посещала провинциальные храмы²⁸.

Долгое отсутствие на публике могло иметь негативные последствия. То, что Юстиниан не появлялся на публике после начала мора, чуть не привело к политическому кризису в стране, когда слухи о его болезни и даже смерти стали выходить за пределы столицы, а командиры начали готовить восстание с целью захвата власти²⁹.

Строительство – еще одна практика центральной власти. Ему полностью посвящен труд Прокопия *De aedificiis*. Иоанн Малала описывает строительство храмов и цистерн в Антиохии³⁰. Ф. Курта называет около шестисот укрепленных пунктов³¹.

Подарки формировали определенную систему взаимоотношений, построенных на подчиненности местных правителей, старшинстве императора, показывающего особое отношение к местным народам за выполнение необходимых действий. Юстиниан назначал правителей эрулов и арабов³². Возникший спор между Сандилхом и Заберганом, а также распри между лангобардами и гепидами решает император³³. Дарами склоняли славян к войне с «гуннами», утигуров напасть на кутригуров³⁴. Подарками сопровождалась и письма императоров, например, франкам и эрулам накануне Итальянской кампании³⁵.

Власть византийского императора не подвергалась сомнению, особенно когда империя оказывалась способна на карательные операции. Во время восстания гуннов на Босфоре, императором был направлен комит Иоанн с войском готов, возможно, из босфорских федератов³⁶. Боа, посредством установления взаимоотношений

²⁷ Theophanes Chron., Л. М. 6050, Р. X. 550; Ioannes Malala Chron. XVIII. 124.

²⁸ Ioannes Malala Chron. XVIII. 25.

²⁹ Proc. Caes. Hist. arc. IV. 1.

³⁰ Ioannes Malala Chron. XVII. 19.

³¹ Procopius *Caesariensis Bella* (Pers). Перевод по изданию: Прокопий из Кесарии. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекалова. М.: Наука, 1991. С. 157.

³² Proc. Caes. *Bella* (Goth.) VIII (IV). 25:11; Proc. Caes. *Bella* (Pers.) XVII. 47; XIX. 10.

³³ Agath. Hist. V. 24; Ioannes Malala Chron. XVIII. 13, 14, 16; Proc. Caes. *Bella* (Goth.) VII (III). 14:29, 33; 15:30–36.

³⁴ Proc. Caes. *Bella* (Goth.) VII (III). 14:33–34; VII (III). 17:21, 19:16–18, 22.

³⁵ Ibid. V (I). 5. 10.

³⁶ Ioannes Malala Chron. XVIII. 14.

с императорским двором, использовала свое положение для решения внутренних споров³⁷. Существовал институт заложничества: союзники прибывали к императору с родственниками, которые принимались как залог мирного сосуществования, например Ильдигис³⁸.

Заключение

Грандиозные постройки, пышная ритуалистика, созданные вокруг правителей ореолы таинственности, демонстрация «силы» путем передвижения войск и карательных рейдов в земли противника, а также более высокий уровень жизни населения империи становились отличными трансляторами в соседние народы и своему населению, создавая эффект покорности и единства территории империи.

Эта тщательно выстраиваемая имперской администрацией картина получала отклик и провоцировала население перемещаться на территорию провинций, особенно, когда эти границы оставались открыты. Имперские звания, статус и служба привлекали иноземцев своими гарантиями повышения статуса как внутри имперской элиты, в рамках которой представители оставались при успешном развитии событий, так и в инородной среде, где умение воевать в условиях конфликтогенной среды барбарикума имело большое значение.

Литература

- Вальденберг 2008 – *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 222 с.
- Грабар 2000 – *Грабар А.Н.* Император в византийском искусстве / Пер. с фр. Ю.Л. Грейдинга; вступ. ст. Э.С. Смирнова. М.: Ладомир, 2000. 238 с.
- Грацианский 2016 – *Грацианский М.В.* Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М.: Изд-во Московского ун-та, 2016. 391 с.
- Калделлис 2016 – *Калделлис Э.* Византийская республика: Народ и власть в Новом Риме / Пер. и отв. ред. В.И. Земскова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 448 с.
- Курбатов 1984 – *Курбатов Г.Л.* Политическая теория в ранней Византии; Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция: Культура Византии: IV– первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 98–119.
- Щукин 2005 – *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

³⁷ Ioannes Malala Chron. XVIII. 13.

³⁸ Proc. Caes. Bella (Goth.) VIII (IV). 23:1–26.

References

- Grabar, A.H. (2000), *“Imperator v vizantiiskom iskusstve”* [The emperor in Byzantine art], Ladomir Press, Moscow, Russia.
- Kurbatov, G.L. (1984), *“Politicheskaya teoriya v rannei Vizantii. Ideologiya imperatorskoi vlasti i aristokraticeskaya oppozitsiya. Kul'tura Vizantii IV– pervaya polovina VII v.”* [Political theory in early Byzantium. The ideology of the imperial power and the aristocratic opposition. Culture of Byzantium 4th – first half of 7th centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Waldenberg, V.E. (2008), *“Gosudarstvennoe ustroistvo Vizantii do kontsa VII veka”* [The state structure of Byzantium until the end of the 7th century], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
- Kaldellis, A. (2016), *“Vizantiiskaya respublika. Narod i vlast' v Novom Rime”* “Byzantine Republic. The people and power in New Rome”, Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia.
- Gratsiansky, M.V. (2016), *“Imperator Yustinian Velikii i nasledie Khalkidonskogo sobora”* [Emperor Justinian the Great and the heritage of the Council of Chalcedon], Moscow University Press, Moscow, Russia.
- Schukin, M.B. (2005), *“Gotskii put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura)”* [Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)], Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Эдуард Е. Мейер, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; meyer_ed@mail.ru

Information about the author

Eduard E. Meyer, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; meyer_ed@mail.ru

Современные исторические исследования Нового и новейшего времени

УДК 321.5(420)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-30-42

Кто был важнее для лондонца XVI в.:
мэр, лорд или государь?

Иерархия отношений лояльности
в «Хрониках» Роберта Фабиана

Елена Д. Браун

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия, braun-helen@yandex.ru*

Аннотация. Цель данной статьи – на основе анализа «Новых хроник Англии и Франции», написанных лондонским торговцем Робертом Фабианом, реконструировать иерархию отношений лояльности лондонцев начала XVI столетия. Городские хроники не содержат «открытой» информации о системе ценностей их авторов. Для того чтобы попытаться понять, кто был важнее для горожан – их мэр, лорд или государь – автору статьи пришлось проанализировать семантическое наполнение терминов, обозначающих разрыв социальных связей («измена», «предательство», «предатель» и т. п.).

Если верить результатам количественного анализа, создается впечатление, что лондонцы начала XVI в. ощущали себя, в первую очередь, лояльными подданными – примерно в 65% случаев Фабиан подразумевал под «предательством» «государственную измену». Однако для хрониста короли вовсе не были существами, стоявшими над законом и моралью. Роберт Фабиан утверждал, что междоусобная война за трон – сама по себе не что иное, как предательство. Более того, он полагал, что верность горожанина должна в первую очередь принадлежать его городу, а верность дворянина – его лорду. Таким образом, на деле более узкие социальные идентичности не только превалировали над верностью королю, но и ограничивали ее.

Ключевые слова: Англия XVI в., Роберт Фабиан, «Новые хроники Англии и Франции», измена, предательство, отношения лояльности

Для цитирования: Браун Е.Д. Кто был важнее для лондонца XVI в.: мэр, лорд или государь? Иерархия отношений лояльности в «Хрониках» Роберта Фабиана // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 30–42. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-30-42

© Браун Е.Д., 2020

Who was more important for 16th century Londoner:
his mayor, his lord or his king?
The ties of loyalty in Robert Fabyan's "Chronicles"

Elena D. Braun

*Russian President Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia, Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, braun-helen@yandex.ru*

Abstract. The main purpose of this article is reconstruction of 16th century Londoner's hierarchy of the ties of loyalty. The main source is the "New Chronicles of England and France" written by London merchant Robert Fabian in the beginning of the 16th century. City chroniclers never spoke about their scale of values. In order to understand who was more important for 16th century Londoner – his mayor, his lord or his king – the author of this article analyzes the context in which the words, denoting the break of social ties ("treason", "betrayal", "traitor", "traitorous"), were used in Fabian's "Chronicles".

It seems that, according to the results of quantitative analysis, Londoners at the beginning of the 16th century first of all felt themselves to be loyal subjects – in about 65% of cases Fabian meant "treason" as "high treason". But for the chronicler a king wasn't a being above morals. Fabian believed that fratricidal strife for a throne was a kind of treason. Even more, he argued that the loyalty of the citizen should belong first of all to his town, and the loyalty of noblemen – to his lord. In fact narrow social identities always overwhelmed and limiter the loyalty to the king.

Keywords: 16th century England, Robert Fabyan, "The new chronicles of England and France", treason, betrayal, ties of loyalty

For citation: Braun, E.D. (2020), "Who was more important for 16th century Londoner: his mayor, his lord or his king? The ties of loyalty in Robert Fabyan's 'Chronicles' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 30–42. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-30-42

Введение

В данной статье предпринята попытка реконструировать иерархию отношений лояльности лондонцев начала XVI столетия. Тема это исключительно интересная и малоизученная. Мы довольно много знаем о том, как жили горожане в эту эпоху, по каким улицам они ходили, в какую одежду одевались, в каких политических событиях участвовали, но зачастую можем только гадать, что они думали по тому или иному поводу. Крайне ограниченное число на-

ходящихся в распоряжении исследователей текстов делает такой анализ трудным и даже отчасти рискованным. Хотя для Англии начало XVI столетия – это уже эпоха Возрождения, «человеческое измерение» источников улавливается с трудом. Традиции создания письменных текстов, Войны Роз и беспокойные годы становления династии Тюдоров сделали лондонцев очень осторожными. Они крайне редко высказывали свои политические симпатии и антипатии, на всякий случай предпочитали не отзываться плохо о королях и аристократах и уж тем более никогда открыто не писали о том, кого из власть имущих – мэра столицы, владетельного лорда или короля – они готовы поддержать против остальных.

В моем случае в качестве основного источника были выбраны «Новые хроники Англии и Франции», написанные около 1512 г. лондонцем Робертом Фабианом¹. Выбор хроники как источника для изучения истории ментальности на первый взгляд представляется весьма спорным. Труд Фабиана – это, в общем-то, достаточно типичный пример городской летописи рубежа Средневековья и Нового времени. Он исключительно обширен по хронологическому охвату (в лучших традициях хронистики Фабиан начинает повествование от Адама), довольно сух в изложении фактов и крайне беден оценочными суждениями. Однако если обратиться не к внешней, событийной, стороне повествования Фабиана, а к семантическому наполнению социальных и политических терминов, картина разительно меняется.

В данном небольшом исследовании «ключом» к пониманию иерархии отношений лояльности, в которые был включен Роберт Фабиан, стало смысловое наполнение терминов, обозначавших разрыв привычных социальных связей, а именно: “treason”, “betrayal”, “traitor” и т. п. Причиной такого выбора является неоднократно отмечавшаяся исследователями политическая корректность, осмотрительность текста «Новых хроник»². Если Фабиан не выражает свои социально-политические взгляды напрямую, их можно реконструировать, выяснив, кого он называл предателями, в каких случаях нарушение верности расценивалось им как дозволенное, а в каких – как недопустимое.

¹ *Fabyan R.* The new chronicles of England and France / Ed. by H. Ellis. L.: Wilke and Robinson, 1811. 843 p. (Далее в тексте: *Fabyan R.* The new chronicles.)

² *Ellis H.* Preface to the New chronicles of England and France // *Fabyan R.* The new chronicles of England and France / Ed. by H. Ellis. London: Wilke and Robinson, 1881. P. 18–20. См. также [Gransden 1996, p. 245–246; Wolf 2000, p. 13–15].

*Иерархия отношений лояльности
в «Новых хрониках Англии и Франции»
Роберта Фабиана*

Прежде, чем перейти к терминологическому анализу, стоит чуть более подробно остановиться на личности Фабиана и на особенностях созданного им текста. Роберт Фабиан (?–1513) был очень интересным человеком. В нем удивительным образом сочетались делец, чиновник и утонченный интеллеktуал. Фабиан был членом гильдии торговцев мануфактуры, в 1493 г. он исполнял обязанности шерифа, а в 1494–1502 гг. – олдермена. В сентябре 1496 г. он вошел в состав делегации, направленной Генрихом VII во Фландрию для переговоров о налогообложении английских тканей.

В 1502 г. под предлогом бедности Фабиан сложил с себя обязанности олдермена. Любопытно, что это был именно предлог – завещание Роберта Фабиана, составленное 10 лет спустя, показывает, что он был очень обеспеченным господином. Якобы неспособный свести концы с концами Фабиан оставил супруге два участка земли в Лондоне, девять поместий в Эссексе, золотые кольца с алмазами, рубинами и изумрудами, расшитую золотом и серебром одежду и т. д. и т. п.³ Исследователи предполагают, что на самом деле Фабиан завершил политическую карьеру, так как узнал, что его намерены избрать мэром столицы; эту должность он, по-видимому, считал чрезмерно хлопотной⁴.

Роберт Фабиан был человеком очень основательным и в делах, и в личной жизни – он был женат один раз, стал отцом 16 детей, оставил детальнейшее завещание длиной более 6 тысяч слов и хронику в тысячу страниц, описывающую события от начала времен до конца правления Генриха VII Тюдора.

«Новые хроники Англии и Франции» Роберта Фабиана широко известны в узком кругу историков. Без цитирования этого текста не обходится ни одна работа по политической истории Англии второй половины XV – начала XVI в. Столь же часто труд Фабиана используется при реконструкции истории историописания [Hanham 1975, p. 110–112; Womersley 2010, p. 15–17; Payne 2011]. Однако для анализа менталитета горожан начала XVI в., в том числе для реконструкции системы идентичностей их автора, «Новые хроники» практически не привлекались. Поставленная в данной статье задача позволяет «снять» новый

³ Robert Fabyan's Will // Fabyan R. The new chronicles of England and France / Ed. by H. Ellis. L.: Wilke and Robinson, 1811. P. III–XIII.

⁴ Ellis H. Op. cit. P. 14–15. См. также [Wolf 2000, p. 16].

пласт информации с источника, давно и прочно введенного в научный оборот.

Итак, что же Фабиан понимал под «предательством»? Для того чтобы материал, полученный на основе анализа «Новых хроник», не повисал в воздухе, отправной точкой исследования должен стать анализ семантического наполнения слова «предательство» в Англии второй половины XV в. В современном английском языке есть два термина, обозначающих предательство: “treason” (известно с XV в.), чаще всего употребляющееся в словосочетании “high treason” – «государственная измена», покушение на жизнь и здоровье главы государства, – и “treachery” (известно с XIII в.), что можно условно перевести как «частное предательство», злоупотребление доверием⁵. Границы между этими терминами не четкие, слово “treason” в наши дни может употребляться и как синоним вероломства, коварства, никак не затрагивающего государственные интересы.

Анализ текстов XV столетия показывает, что в этот период термин “treachery” употреблялся крайне редко. Во всяком случае, мне не удалось найти ни одного примера употребления указанного слова или производных от него в обширных эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов, в хрониках и политических памфлетах. Термины “treason”, “traitor”, “traitorous” в XV столетии чаще всего использовались в официальных документах для обозначения тех, кого обвиняли в государственной измене. В частности, протоколы восьми из двенадцати парламентов, заседавших в период Войн Роз (1455–1485), содержат акты, осуждающие государственных изменников (traitors)⁶. В том же значении указанные слова употреблялись в хрониках и эпистолярных комплексах⁷, при этом наиболее распространенным словесным клише было словосочетание “rebels and traitors” – «бунтовщики и предатели». Фактически в словаре XV в. предательство было равнозначно заговору, мятежу или иному посягательству на авторитет законных властей.

⁵Encyclopedia Britannica [Online]. Available at: <http://www.britannica.com> (Accessed 2 Jun 2019).

⁶Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in parliament / Ed. J. Strachey et al. Vol. 5. P. 346, 349–350, 479; vol. 6. P. 29, 145–146, 244, 250, 276 etc.

⁷Cotton Vitellius A-XVI. Chronicles of London / Ed. Ch. Kingsford. Oxford: The University press, 1905. P. 170, 179, 180, 182, 199 (далее в тексте: Cotton Vitellius); Plumpton correspondence. L.: Clarendon Press, 1839. P. 18, 19, 120, 142; The Stonor letters and papers / Ed. Ch. Kingsford. L.: Clarendon Press, 1862. P. 116, 134, 178.

Обратимся к семантическому наполнению термина «предательство» в «Хрониках» Фабиана. Первым шагом анализа стали банальные подсчеты. В итоге выяснилось, что слова, обозначающие предательство, а именно: “betray”, “betrayal”, “treason”, “traytoure”, “traytoursly” в «Новых хрониках» употребляются 151 раз или же в 122 случаях (числа не совпадают, так как применительно к одному и тому же событию вышеуказанные термины могут иногда использовались два и более раз). Результаты количественного анализа следующие: в 49% случаев речь идет о предательстве, совершенном по отношению к королю; второе-третье место (по 16%) делят: переход на сторону врага во время военных действий и измена интересам города; в 7% случаев «предательством» называются неблагоприятные, недостойные методы ведения войны (например, нападение из засады); 6% упоминаний – это измена сюзерену; в 2% случаев обвинения в предательстве использовались как инструмент политической борьбы; наконец, самым редким (1%) была идентификация ереси как предательства. В более удобном для восприятия виде указанные результаты отображены в диаграмме 1.

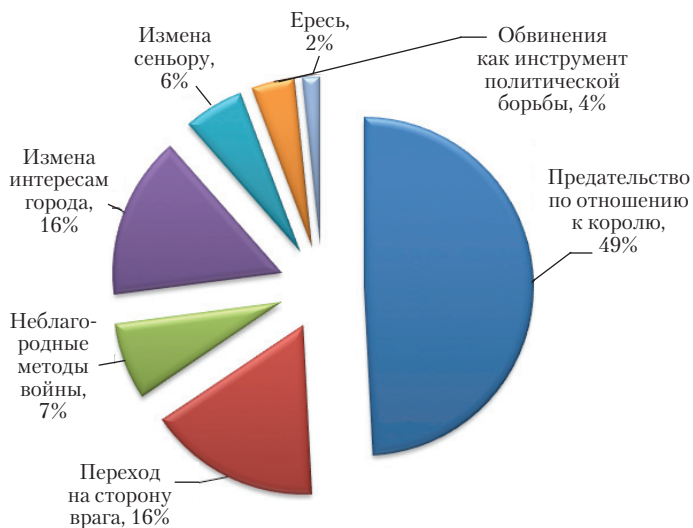

Диаграмма 1. Термины «измена» и «предательство» в «Хрониках» Фабиана

Источник: Kingsford. Oxford: The University press, 1905. P. 170, 179, 180, 182, 199 (далее в тексте: Cotton Vitellius); Plumpton correspondence. L.: Clarendon Press, 1839. P. 18, 19, 120, 142; The Stonor letters and papers / Ed. Ch. Kingsford. L.: Clarendon Press, 1862. P. 116, 134, 178.

На первый взгляд, подсчеты дают вполне стандартную картину – в подавляющем большинстве случаев под «предательством» Роберт Фабиан понимал то, что можно обозначить словосочетанием «государственная измена» (предательство, совершенное по отношению к королю и переход на сторону врага во внешних войнах в совокупности составляют около 65% упоминаний). Если верить этим данным, лондонцы в первую очередь осмысливали себя как лояльные подданные. Дальнейший анализ покажет, так ли это.

Прежде всего попытаемся разобраться, какие действия, идущие вразрез с интересами короны, автор «Новых хроник» расценивал как предательство. Так как число таких случаев довольно велико (60 прецедентов), для удобства восприятия данные также имеет смысл представить в форме диаграммы (диаграмма 2).

Диаграмма 2. Предательство, совершенное по отношению к королю и членам королевской семьи

В вышеприведенной диаграмме не все группы упоминаний одинаково интересны. Более чем очевидно, что мятеж, т. е. выступление против законной власти с оружием в руках, должен расцениваться как предательство. Столь же понятно, что посягательство на жизнь венценосца или его пленение не может интерпретироваться иначе.

Действительно примечательны случаи, в которых предательством названы усобицы внутри королевской семьи (их в «Новых хрониках» восемь). В высшей степени любопытно, что все восемь «предательств» относятся к удаленным от жизни Фабиана временам – самое позднее оценочное суждение такого рода появляется

при описании беспорядков в Нормандии в начале XI в. «Новые хроники» сообщают, что герцог Нормандии Ричард III был «предательски убит его братом Робертом (slayne by treason of his brother Robert)»⁸. Риску предположить, что здесь мы имеем дело с уже отмеченной ранее осторожностью Роберта Фабиана. Границы допустимого и безопасного хронист обозначил сам: «Достоинно одобрения занятие – рассказывать правду о делах принцев... но лишь когда принц ушел из жизни, люди могут без опаски говорить то, что они раньше утаивали из страха»⁹. Вряд ли Фабиан действительно думал, что в далеком прошлом узурпация власти ближайшими родственниками правителя или его убийство этими же родственниками – не что иное, как предательство, а те же самые действия, совершенные в эпоху Войн Роз, оценивал совершенно иначе. Скорее он предпочитал не высказываться на скользкие темы и сознательно избегал резких оценочных суждений в отношении недавнего прошлого.

Важно подчеркнуть, что патриотизм Фабиана не подлежит сомнению. В прологе к «Хроникам» их автор ясно говорит, что взялся за перо в первую очередь для того, чтобы «прославить этот цветущий остров [Англию]... и донести до всего мира рассказ о деяниях его королей»¹⁰. Однако, по-видимому, король и королевство не были для автора «Новых хроник» нерасторжимым единством. В представлении Фабиана, носитель верховной власти или член королевской семьи вполне мог стать предателем.

Более того, при неблагоприятном раскладе короля или королеву можно было счесть опасной, деструктивной, недостойной повиновения политической фигурой. Например, в Лондонской хронике, составленной в то же время, что и текст Фабиана, присутствует следующее высказывание. Зимой 1460/61 гг. лондонцы пребывали в боевой готовности, так как «королева [имелась в виду супруга Генриха VI Маргарита Анжуйская. – Е. Б.] и северяне намеревались прийти, чтобы разграбить и опустошить город, и полностью разрушить его, а также весь Юг (Quene with the Northern men wold come downe to the Citie and robbe and dispoile the Citie, and distroy it vtterly, and all the Sowth Cuntre)»¹¹. Опасавшиеся за свои жизни и имущество лондонцы закрыли ворота перед армией законных короля и королевы, а затем впустили в столицу войска претендента на престол Эдуарда Марча, который в марте 1461 г. короновался как

⁸ *Fabyan R.* The new chronicles. P. 237.

⁹ *Ibid.* P. 281.

¹⁰ *Ibid.* P. 3.

¹¹ *Cotton Vitellius.* P. 173–174.

Эдуард IV Йорк при горячем одобрении жителей столицы¹². Собственно, вся история Войн Роз показывает, что верность горожан правителю была категорией условной.

Анализ «Новых хроник» позволяет предположить, что речь шла не просто о практике политической борьбы, расходящейся с убеждениями лондонцев, а о гораздо более серьезных вещах. В лондонских хрониках в принципе отсутствует представление о непогрешимости носителей верховной власти и о необходимости хранить им верность во что бы то ни стало. Лондонцы, конечно же, осмысливали себя как лояльные подданные, но, по-видимому, эта самоидентификация не была приоритетной.

Рассмотрение употребления термина «предательство» по отношению к переходу армии, части армии или кого-то из офицеров на сторону врага дает схожие результаты. «Новые хроники» ожидаемо осуждают такие действия, но один случай касается того, что условно можно обозначить как конфликт идентичностей. Фабиан писал, что в десятый год правления Вильгельма Рыжего (1087–1100) в Нормандии вспыхнул мятеж. Возглавлявший осаду одного из городов капитан был «предан [по-видимому, своими людьми], схвачен и приведен к королю (but by treason he was taken and brought to the kynges presence)»¹³. Если смотреть на ситуацию отстраненно, это, конечно, было предательство, но ведь имелась в виду передача мятежника в руки законного государя. Если бы Фабиан ощущал себя в первую очередь верным подданным короны, он, скорее всего, описал бы произошедшее как торжество справедливости.

Анализ встречающихся в «Новых хрониках» упоминаний о нарушении феодальной верности позволяет подтвердить вышеуказанную гипотезу. В двух случаях также описывается конфликт идентичностей. Рассказывая о противостоянии герцога Бургундии Карла Смелого (1465–1477) и короля Франции Людовика XI (1461–1483), Фабиан отмечает – герцог «боялся, что его горожане могут предать его (feryng that his owne cytezyns wolde betraye hum)»¹⁴. Подчеркну, здесь говорится о предательстве сеньора «в пользу» французского короля, т. е. термин употребляется в довольно спорном, с точки зрения современного человека, контексте.

Второй случай еще более показателен, так как касается человека, которого английские власти с полным основанием считали своим врагом – Уильяма Уоллеса (1270–1305). Любопытно, что в отношении лидера шотландского сопротивления Фабиан употребляет

¹² Cotton Vitellius. P. 175.

¹³ *Fabyan R.* The new chronicles. P. 251.

¹⁴ *Ibid.* P. 648.

то же словосочетание, что и по отношению к вполне легитимному герцогу Бургундии. Как и Карл Смелый, Уильям Уоллес «опасался, что указанные люди [имелись в виду “лорды и рыцари, находящиеся в замке Эстрэлин”] предадут его и приведут его к королю (he feryd sore, that the sayd company wolde betray hym, and brynge hym vnto the kunge)»¹⁵. Таким образом, те, кто действовали в интересах короля, но при этом нарушали верность своему сюзерену, с точки зрения Фабиана были не верными гражданами, а самыми настоящими предателями. Лояльность по отношению к сеньору в «Новых хрониках» оценивалась куда выше, чем верность королю.

Теперь попытаемся проанализировать, что Роберт Фабиан писал о тех, кто предавал интересы собственного города. Важно помнить, что Фабиан, как и любой автор городской летописи, был горячим патриотом своей малой родины. Для того чтобы убедиться в этом, не обязательно вдаваться в семантические тонкости, достаточно просто взглянуть на структуру «Новых хроник». Свой труд Фабиан разделил на два тома. Второй том начинается с правления Ричарда Львиное Сердце (1189–1199). Причем главным обоснованием такого членения является важнейшее, с точки зрения Фабиана, обстоятельство – с этого времени сохранились данные лондонских муниципальных архивов¹⁶. В прологе ко второму тому Фабиан воздает пышную стихотворную хвалу Лондону, кратко рассказывает о каждом церковном приходе, перечисляет все церкви столицы¹⁷. Кроме того, во втором томе применительно к Англии повествование ведется по годам правления лондонских мэров, под которые подгоняется вся остальная хронология (членение по царствованиям также присутствует, но является вторичным).

Предательство интересов города (в оригинале “betrayal of the city”) для Фабиана – это прежде всего передача его врагам в годы войны. Любопытно, что в «Новых хрониках» иные, более мягкие виды пренебрежения интересами малой родины предательством не называются. В общей сложности в тексте хроник передача населенных пунктов в руки противников упоминается 19 раз.

Стоит подчеркнуть, что все без исключения упоминания о том, что кто-то из горожан открывает ворота осаждающим, понимаются и описываются Фабианом именно как предательство. Такое понимание вполне обоснованно, ведь за захватом города, как правило, следовало его трехдневное разграбление. Даже в тех случаях, когда горожанам позволялось сохранить имущество, их судьба могла ока-

¹⁵ *Fabyan R.* The new chronicles. P. 401.

¹⁶ *Ibid.* P. 294.

¹⁷ *Ibid.* P. 294–298.

заться довольно печальной. Например, после взятия Кале в 1347 г. король Эдуард III выслал всех тех, кого сочли недостаточно лояльными; на смену им пришли английские колонисты. К тому же был нанесен серьезный удар по финансовым интересам значительной части горожан – пожелавшие перебраться в Кале английские торговцы получили ряд привилегий перед коренными жителями.

Очевидно, что с точки зрения интересов города люди, предающие его в руки врагов, совершают предательство. Столь же очевидно, что именно интересы города и горожан для Фабиана являются приоритетными. Автору «Новых хроник» не важно, идет ли речь о сдаче французского города англичанам¹⁸, или о том, чтобы передать английский населенный пункт французам¹⁹, для него такие действия были категорически неприемлемы. В «Хрониках» Фабиана патриотизм неизменно отступал перед гораздо более сильной и значимой местной идентичностью.

Заключение

Подведем итоги. Прежде всего стоит отметить малую эффективность количественных методов в изучении истории Англии рубежа Средневековья и Нового времени. Исследователи уже не раз отмечали это принципиально важное в методологическом плане обстоятельство [Richmond 1996, p. 395–396]. Анализ данных «Новых хроник Англии и Франции» еще раз продемонстрировал – банальные подсчеты не только ничего не прибавляют к пониманию исторических реалий, они дают совершенно неадекватные результаты. Если просто зафиксировать, кого Роберт Фабиан называл «изменниками» и «предателями», получится, что в Англии начала XVI в. верноподданнические чувства отчетливо преобладали над всеми остальными социально-политическими связями; лондонцы якобы ощущали себя в первую очередь лояльными подданными короля и ценили расположение государя превыше всего.

Однако при ближайшем рассмотрении картина получается прямо противоположной. Анализ семантического наполнения терминов «измена» и «предательство», а также контекста, в котором они употреблялись на страницах «Новых хроник», позволяет дать совершенно другой ответ на вопрос, вынесенный в название статьи, – «Кто важнее: мэр, лорд или государь?» Главный в этой триаде определенно не государь. Каждый раз, когда в «Новых хро-

¹⁸ *Fabyan R.* The new chronicles. P. 461, 496, 512.

¹⁹ *Ibid.* P. 608, 610.

никах» описывается конфликт идентичностей, те, кто жертвовали интересами своей социальной группы ради блага короны, характеризуются как «предатели». Роберт Фабиан полагал, что солдаты, прежде всего, должны хранить верность командиру, дворяне – своему лорду, а горожане – родному городу. Безусловной, самодовлеющей, инвариантной была обязанность всеми силами отстаивать интересы своего населенного пункта и своей социальной страты. Верность королю, напротив, зависела от обстоятельств, при любом расхождении интересов «правильным», с точки зрения Фабиана, было пренебречь интересами государства ради несравненно более важной локальной идентичности.

Благодарности

Научно-исследовательская работа в рамках исполнения государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год. Тема НИР № 17.18 «Механизмы формирования Западноевропейской имперской идентичности: сравнительно-исторический анализ».

Руководитель темы: старший научный сотрудник лаборатории комплексных исторических исследований РАНХиГС Браун Е.Д.

Acknowledgements

Scientific research paper has been completed under the RANEPА state task for 2019. Research topic No. 17.18 “Mechanisms of formation of Western European imperial identity: a comparative historical analysis”.

Research topic supervisor: Senior researcher of Laboratory for comprehensive historical research of RANEPА, Braun E.D.

Литература

- Grandsden 1996 – *Grandsden A.* Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century. Routledge, London, 1996.
- Hanham 1975 – *Hanham A.* Richard III and his early historians, 1483–1535. Clarendon Press, London, 1975.
- Payne 2011 – *Payne M.T.* Robert Fabyan and the Nuremberg Chronicle // Library. 2011. Vol. 12, Iss. 2. P. 164–169.
- Richmond 1996 – *Richmond C.* Quantitative methods: The nobility and the Wars of the Roses // Journal of historical sociology. Vol. 9, no. 4. P. 395–409.

Wolf 2000 – *Wolf D.R. Reading History in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Womersley 2010 – *Womersley D. Divinity and State*. Oxford: Oxford Scholarship Online, 2010.

References

Gransden, A. (1996), *Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century*, Routledge, London, UK.

Hanham, A. (1975), *Richard III and his early historians, 1483–1535*, Clarendon Press, London, UK.

Payne, M.T. (2011), “Robert Fabyan and the Nuremberg Chronicle”, *Library*, vol. 12, iss. 2, Oxford, UK, pp. 164–169.

Richmond, C. (1996), “Quantitative methods: the nobility and the Wars of the Roses”, *Journal of historical sociology*, vol. 9, no. 4, pp. 395–409.

Wolf, D.R. (2000), *Reading History in Early Modern England*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Womersley, D. (2010) *Divinity and State*. Oxford Scholarship Online, Oxford, UK.

Информация об авторе

Елена Д. Браун, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; braun-helen@yandex.ru

Information about the author

Elena D. Braun, Cand. of Sci. (History), associate professor, The Russian President Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; braun-helen@yandex.ru

Русские послы в Париже (1807–1812 гг.): на пути к конфронтации

Григорий Д. Галдилов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ggaldilov@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена дипломатическим коллизиям, связанным с русскими послами в Париже. Начало XIX в. для взаимоотношений России и Франции стало крайне плодотворным на заключенные союзы о дружбе и «войны за справедливость». Недаром взаимоотношения Александра I и Наполеона не раз становились объектом исследований, однако многие феномены этой эпохи оставались за скобками исследовательских интересов. Русское посольство и его экспертно-аналитическая деятельность один из таких сюжетов.

Русские послы в Париже являлись непосредственными проводниками воли русского императора на политической арене международных отношений, однако при этом оставались полностью зависящими от него «переменными» дипломатической игры двух императоров. Несмотря на кажущуюся самостоятельность, они едва могли претендовать на обособленность. В статье показан пример двух русских послов, графа П.А. Толстого и князя А.Б. Куракина, противоположных по своим взглядам, но проводившим политику на сближение с Францией, идеи которых, однако, никак не влияли на уже идущую партию самого Александра I, сделавшего их заложниками ситуации.

Ключевые слова: Россия, Париж, Наполеон Бонапарт, Александр I, русское посольство, дипломатия

Для цитирования: Галдилов Г.Д. Русские послы в Париже (1807–1812 гг.): на пути к конфронтации // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2020. № 1. С. 43–51. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-43-51

Russian ambassadors in Paris (1807–1812). On the way to confrontation

Grigory D. Galdilov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ggaldilov@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to the diplomatic conflicts associated with the Russian ambassadors in Paris. For relations between Russia and France the beginning of the 19th century became extremely productive in terms of the concluded friendship alliances and for the “wars for justice”. For good reason the relationship between Alexander I and Napoleon more than once became an object of research, but many of the phenomena of that era remained outside the scope of research interests. The Russian Embassy and its expert-analytical activity is one of such subjects.

Russian ambassadors in Paris were the direct guides of the will of the Russian Emperor in the political arena of international relations, but being completely dependent on him they remained the “variables” in a diplomatic game of the two emperors. Despite their apparent independence, they could hardly claim apartness. The article shows the example of two Russian ambassadors, the count P.A. Tolstoy and prince A.B. Kurakin, opposite in their views, still they were pursuing a policy of rapprochement with France. Their ideas, however, did not affect the already running political game of Alexander I, who made them hostages of the situation.

Keywords: Russia, Paris, Napoleon Bonaparte, Alexander I, Russian embassy, diplomacy

For citation: Galdilov, G.D. (2020), “Russian ambassadors in Paris (1807–1812). On the way to confrontation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 43–51. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-43-51

Введение

Внешняя политика Российской империи первой четверти XIX в. не раз становилась объектом исследований. Особый интерес исторической науки почти всегда был прикован к личным взаимоотношениям двух императоров: Наполеона и Александра I, тем самым выпуская из исследовательского поля проблемы функционирования международных сношений на европейском континенте. Не последнюю роль для четкого понимания и выстраивания политической направленности всей политики Российской империи

в Европе сыграло посольство в Париже, редко фигурирующее в исследованиях¹.

Таким образом, изучение российских дипломатических ведомств с позиций экспертно-аналитической деятельности определяет значение гибкости Российской империи на внешнеполитической арене. А находившееся на основном фронте дипломатической войны первой четверти XIX в. русское ведомство в Париже стало центром политических интриг во всей Европе, проводниками которых явились и два посла – граф П.А. Толстой и князь А.Б. Куракин.

На пути к миру

После поражения под Аустерлицем и фактическим разгромом Третьей антифранцузской коалиции российский император, едва избежавший французского плена на поле битвы, решил переосмыслить внешнюю политику. Под предлогом обмена пленными в Париж был отправлен П.Я. Убри. Его фактическое задание было крайне трудным. Он, не имея полномочий посла, должен был представлять внешнюю политику и «предварительно» дружеские намерения Российской империи перед недавно самопровозглашенным императором Бонапартом и его министрами, к тому же скованный необходимостью согласовывать любые вопросы с союзнической Англией в лице лорда Ярмута, «заложника сложившейся ситуации»².

Переговоры вновь шли тяжелейшим путем. Галейран, знавший о слабостях и наивности молодого русского дипломата, легко вывел из миссии Убри выгоду для Франции, на которую император Александр I не мог пойти из принципа. Этой «выгодой» оказался «Мир на вечные времена», подписанный Петром Яковлевичем на свой страх и риск³, превысив делегированные ему полномочия. «Я должен думать, как оправдаться в Петербурге», – говорил он [Труайя 1997, с. 100–101], показывая в Берлине текст мирного

¹ См. подробнее: *Иощенко О.С.* Русские дипломаты в Париже: 1800–1812 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. Автор рассматривает в своей диссертации вопросы, касающиеся составления исторических портретов русских дипломатов в Париже, однако берет непосредственно лишь личности послов.

² Дипломатические отношения России и Франции в эпоху Наполеона (1800–1808 гг.) / Под ред. А.С. Трачевского // Сборник Русского исторического общества. Т. 82. СПб., 1890–1895. С. 396–434.

³ *Tour J. de la.* Les premiers de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthelemy Lesseps a Saint-Petersbourg. Paris, 1914. P. 17.

договора К.В. Нессельроде⁴. Убри был в невыгодном положении. С одной стороны, ореол побед французского императора не представлял ему иной возможности для торга, с другой – Наполеон воплотил в жизнь давнюю идею канцлера Франции Мазарини [Губер 2000, с. 244–247] о создании оборонительного союза [Lossky 1994, р. 60–61], что также сковало Россию в «германском вопросе».

В Петербурге договор был встречен еще хуже, чем мог представить себе Убри. Граф Строганов писал: «Невозможно называться русским и не умереть от стыда, читая этот необыкновенный документ» [Труайя 1997, с. 101]. Даже огромные потери армии, о которых заявляли генерал М.И. Кутузов и адмирал П.В. Чичагов, не остановили жажду войны, а ушедший с поста министра иностранных дел А. Чарторыйский уже не мог защищать позицию мирного договора. Сменивший его на этом посту барон А.Я. Будберг был непреклонен, договор был отправлен на «свалку истории», а П.Я. Убри понижен в должности и отправлен секретарем в российское посольство в Берлине⁵. «Наполеон протягивает руку мира, а русский царь ее отвергает», – шептались в кулуарах дипломатии [Сироткин 1966, с. 55]. Однако скорые поражения под Прейсиш-Эйлау и Фридрихсбург вновь заставили обратиться к доводам о мире.

Посольство графа П.А. Толстого: конфронтация на фоне дружбы

Небольшой город Тауроген, расположившийся на живописных берегах реки Юры, 20 июня 1807 г. стал местом, где предпринимались первые шаги по установлению мира в Европе. Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский в составе небольшой делегации отправился в расположение французской ставки Бонапарта с предложением о перемирии. В переговорах с маршалом Бертье, а затем и самим Наполеоном было решено устроить личную встречу между императорами на нейтральной приграничной территории, а не доверять заключение союза очередному «молокососу вроде Убри»⁶. Это место – Тильзитский замок на Немане, ставший главной «политической столицей» всей Европы.

⁴ *Нессельроде К.В.* Воспоминания // Русский архив. СПб., 1905. Кн. 2. № 8. С. 504–505.

⁵ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования: с 12-ю таблицами портретов и рисунков. 2-е изд. СПб., 1914. С. 51.

⁶ Там же. С. 56–57.

Заключение Тильзитского мира вскрыло недоверие «английской партии» к политике императора, а порой и открытое ей противостояние. Ближайшее окружение Александра I неминуемо должны были покинуть такие деятели, как Н.Н. Новосильцев, С.Н. Воронцов, В.П. Кочубей, П.А. Строганов, А.Е. Чарторыйский и многие другие. Во внешней политике Российской империи наметился курс на сближение с Францией, а «негласный комитет», как никто другой, противился этой мысли. Политика императора вызывала недоумение в высших политических и общественных кругах Петербурга, вследствие этого новым послом в Париж был назначен не умелый дипломат, но великолепный военный, беспрекословно подчиняющийся приказам императора. Им стал генерал от инфантерии, граф П.А. Толстой, известный своими открытыми антифранцузскими настроениями⁷.

Державшийся в стороне от настроений петербургского общества П.А. Толстой должен был лишь в точности выполнять поручения императора⁸. Основной его задачей в Париже было «взрастить связь, образовавшуюся между Россией и Францией, стараться сделать ее теснее при каждом случае»⁹. Посол Наполеона в Париже Рене Савари, герцог Ровиго, писал о нем в своих «Мемуарах»: «Один из важнейших людей при дворе императора Александра I»¹⁰.

По прибытию в Париж Толстой провел ряд встреч с министрами Бонапарта и произвел большое впечатление человека прямолинейного и порой даже недипломатичного. По воспоминаниям графа Нессельроде, прибывшего в составе миссии Толстого, можно судить о бесцеремонности чрезвычайного посла Российской империи. «Он имел много здравого смысла, благородный и твердый характер, однако не привык жить в высшем свете»¹¹.

Высказывание графа Нессельроде не лишено смысла. П.А. Толстой, не будучи профессиональным дипломатом, боялся выйти за

⁷ Фигура П.А. Толстого является очень неоднозначной в ряду русских послов в Париже первой четверти XIX в., для более четкого понимания личности см. подробнее: *Коробко М.Ю.* Граф Петр Александрович Толстой (1769–1844): материалы к биографии // Московский журнал. 2011. № 12. С. 2–9.

⁸ *Шильдер Н.К.* Посольство П.А. Толстого в Париже (1807–1808) // Сборник Русского исторического общества. Т. 89. СПб., 1893. С. LXXII.

⁹ Там же. С. 97–100.

¹⁰ *Savary A.J.M.R.* Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Paris, 1828. Т. 3. Р. 120–122.

¹¹ *Нессельроде К.В.* Воспоминания // Русский архив. СПб., 1905. Кн. 2. № 8. С. 510–511.

рамки предоставленных ему инструкций, и почти на любые намерения Бонапарта «обсудить дела внешней политики»¹² старался уйти в тень. «Он хороший человек, но наполнен предрассудками, недоверием к Франции и вовсе не в уровень с высотой Тильзитских договоренностей», – писал о нем Наполеон¹³. К тому же антифранцузские настроения русского посла стали в скором времени трудно скрываемы в беседах с высшими кругами французской знати.

«Цели Бонапарта очевидны... Он хочет превратить нас в Азиатскую державу и отбросить к старым границам», – сообщал в личной переписке с графом Румянцевым П.А. Толстой¹⁴. Все последующие письма, содержания которых отрывочно доходили и до Бонапарта, включали в себя главную мысль, что России необходимо готовиться к новой войне с Францией. Однако столь яростное противодействие миру между двумя державами и инструкциям, данным ему в Петербурге, заставили усомниться в его способности следовать приказам и самого Александра. Необходим был повод для снятия П.А. Толстого с должности, и вскоре он нашелся – русско-французский Конгресс в небольшом городке Эрфурт.

«Милостивый государь, брат мой!..»

На протяжении двух недель в прусском городке Эрфурт проходила встреча двух императоров. Основным вопросом мероприятий, проводившихся в декорациях балов, великолепных приемов и показной дружбы двух могучих империй, стал пересмотр франко-русского соглашения 1807 года [Манфред 1980, с. 603]. Мир Тильзита подходил к концу, в отношениях между Наполеоном и Александром I намечался разлад. Все вопросы, интересовавшие Бонапарта, наталкивались на решительное сопротивление русской стороны, лишь незначительные уступки разбавляли отрицательные ответы императора России, например, назначение на пост русского посла А.Б. Куракина, человека известного своими профранцузскими речами.

Опытный дипломат, прозванный в высшем свете «бриллиантовый князь», принимал участие в разработке Тильзитских соглашений, что только импонировало Бонапарту. В отличие от Толстого, не верящего в дружбу России и Франции, А.Б. Куракин, напротив,

¹² Соловьев С.М. Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 163.

¹³ Там же.

¹⁴ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 185–190.

очень хотел стать связующим звеном между двумя императорами. Однако это стремление можно трактовать как проявление обыкновенной зависти к доверительным отношениям между Александром I и французским послом в Петербурге А. де Коленкурором.

Выступающий за примирение двух стран еще после Аустерлицкого сражения¹⁵, А.Б. Куракин верил, что политика царя по отношению к Франции имела дружественный характер. Однако несмотря на это вдовствующая императрица Мария Федоровна, перед его отъездом в Париж, старалась повлиять на его будущее отношение к Бонапарту¹⁶. А уже упоминавшийся граф К.В. Нессельроде отзывался о Куракине крайне негативно: «Человек недалекий и с большим багажом странностей»¹⁷.

Однако после нескольких месяцев в Париже русский посол стал осознавать, что дружба императора Александра была лишь иллюзией, хорошо сохраняемая перед Бонапартом Ш.-М. Талейраном, пусть уже и не занимавшим пост министра внешних сношений. Положение Куракина во французской столице становилось все труднее, инструкций из Петербурга поступало все меньше, а ситуация стремительно приобретала негативный характер. Омрачались отношения между двумя империями и началом экономической войны между Россией и Францией¹⁸. Наполеон не шел на уступки России.

В одном из последних разговоров Куракина и французского императора русский посол спросил: «...Мне непонятно, во имя чего Ваше Величество жертвует Россией?»¹⁹. Ответа на этот вопрос ему не суждено было получить, он спешно покинул Париж в удрученном состоянии, а уже спустя несколько дней французская армия вторглась на территорию Российской империи. По меткому определению Талейрана: «Это было начало конца» [Борисов 1986, с. 253].

Через поражения французской армии получила логическое завершение в «заговоре Мале» и торжественном входе русской армии в Париж, получившем нового чрезвычайного посла Россий-

¹⁵ *Куракин А.Б.* Записка поданная Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения // Русский архив. СПб., 1869. С. 1125–1138.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Нессельроде К.В.* Воспоминания // Русский архив. СПб., 1905. Кн. 2. № 8. С. 512–513.

¹⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века // Сборник документов российского министерства иностранных дел. Серия 1. М.: Госполитиздат, 1960–1979. Т. 4. С. 422.

¹⁹ *Tour J. de la.* Op. cit. P. 285.

ской империи. Им стал корсиканец, дальний родственник свергнутого императора французов, К.О. Поццо ди Борго. Однако начать активную деятельность российское диппредставительство в Париже смогло лишь в 1815 г., после известного периода, получившего название «Сто дней».

Заключение

Русское посольство в Париже 1807–1812 гг., как и в предшествующий период, находилось на передовой международной политики всей Европы. Можно с уверенностью сказать, что компетенции послов варьировались в зависимости от направления вектора внешней политики русского императора. Приход к власти Александра I кардинально поменял ситуацию, полномочия послов приобрели весьма номинальный характер, что не могло положительно сказаться на внешнеполитических взаимоотношениях двух государств.

Политика конфронтации сменялась дружбой и вновь возвращалась к противостоянию. Именно поэтому русское представительство в Париже, действовавшее в эпоху международной нестабильности, находилось в двойственном положении. В случае обострения кризиса, экспертная оценка посла могла сыграть определяющую роль в принятии решений. Разумеется, так было не всегда, порой Санкт-Петербург и министерство иностранных дел перетягивало «одеяло» на себя. Чаще всего это лишь благоприятствовало эскалации политической напряженности, в которой, однако, и были заинтересованы правящие круги, желавшие стать «спасителями Европы».

Литература

- Борисов 1986 – *Борисов Ю.В.* Шарль-Морис Талейран. М.: Междунар. отношения, 1986. 320 с.
- Губер 2000 – *Губер П.* Мазарини / Пер. с фр. Л. Тарасенковой, О. Тарасенкова. М.: Крон-Пресс, 2000. 512 с.
- Манфред 1980 – *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980. 775 с.
- Сироткин 1966 – *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1802–1812 гг. М., 1966. 208 с.
- Труайя 1997 – *Труайя А.* Александр I: «Северный сфинкс» / Пер. с фр. Н.Т. Уна-нянц. М.: Молодая гвардия, 1997. 320 с., ил.
- Lossky 1994 – *Lossky A.* Louis 14th and the French Monarchy. New Brunswick, 1994.

References

- Borisov, U.V. (1986), “*Sharl'-Moris Taleiran*” [Charles-Maurice de Talleyrand], International relations, Moscow, Russia.
- Goubert, P. (2000), “*Mazarini*” [Mazarin], Kron-Press, Moscow, Russia.
- Manfred, A.Z. (1980), “*Napoleon Bonapart*” [Napoleon Bonaparte], Mysl', Moscow, Russia.
- Sirotkin, V.G. (1966), “*Duel' dvukh diplomatii: Rossiya i Frantsiya v 1802–1812 gg.*” [The duel of two diplomacies: Russia and France in the years 1802–1812]. Moscow, Russia.
- Troyat, H. (1997), “*Aleksandr I: 'Severnyi sfinks'*” [Alexander I: “The Northern Sphinx”]. Molodaya Gvardia, Moscow, Russia.
- Lossky, A. (1994), *Louis XIV and the French Monarchy*. New Brunswick, USA.

Информация об авторе

Григорий Д. Галдилов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; ggaldilov@inbox.ru

Information about the author

Grigory D. Galdilov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; ggaldilov@inbox.ru

Влияние Октябрьской революции 1917 г.
и деятельности Коминтерна
на взгляды и методологические подходы
польских и чешских историков межвоенного периода:
на примере работ Ю. Мархлевского, Зд. Нееды
и Я. Швермы

Елизавета И. Новикова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС при Президенте РФ),
Москва, Россия, Leonsia21@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются личности, судьбы и методологические подходы историков Польши и Чехословакии межвоенного периода. На основе анализа биографий ученых, а также методологических подходов в историографических трудах Ю. Мархлевского, Зд. Нееды и Я. Швермы автор прослеживает взаимосвязь этих подходов с общественно-политическими реалиями исследуемого периода.

В 1918 г. на карте мира появились независимые государства Польша и Чехословакия. Их возникновение совпало с непростым, насыщенным социально-политическими событиями периодом. Тяжелые последствия Первой мировой войны, череда революций – все это оказало огромное влияние на умонастроение европейцев, которые искали новые ориентиры и новые смыслы. Так, в новообразованных независимых Республиках Польше и Чехословакии такими ориентирами, среди прочих, выступали коммунистические идеи.

Общественно-политические события 1910–1920-х гг. вызвали глубокую рефлексию и потребность переосмысления и поиска новых подходов к пониманию событий прошлого. Октябрьская революция и деятельность Коминтерна оказали существенное влияние на общественно-политическую и историческую жизнь в Польше и Чехословакии.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., Коминтерн, польская историография, чешская историография, марксизм, Польша, Чехословакия, межвоенная Европа, Юлиан Мархлевский, Зденек Нееды, Ян Шверма

Для цитирования: Новикова Е.И. Влияние Октябрьской революции 1917 г. и деятельности Коминтерна на взгляды и методологические под-

ходы польских и чешских историков межвоенного периода: на примере работ Ю. Мархлевского, Зд. Неядлы и Я. Швермы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 52–63. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-52-63

The influence of the 1917 October Revolution
and the activities of the Comintern on the views
and methodological approaches
of Polish and Czech historians of the interwar period
(on the example of the works of Julian Marchlewski,
Zdeněk Nejedlý, Jan Šverma)

Elizaveta I. Novikova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА),
Moscow, Russia, Leonsia21@mail.ru*

Abstract. The article examines the personalities, destinies and methodological approaches of historians from Poland and Czechoslovakia of the interwar period. Based on the analysis of biographies of scientists and methodological approaches in the historiographical works of Julian Marchlewski, Zdeněk Nejedlý and Jan Šverma the author traces the relationship of these approaches to the socio-political realities of the period under study.

In 1918, independent States of Poland and Czechoslovakia appeared on the world map. Their appearance coincided with a difficult period of the intense socio-political events of the period. The severe consequences of the First World War, a series of revolutions – all that had a huge impact on the mentality of the Europeans. They were looking for new guidelines, new meanings and in the newly formed independent, Republic of Poland and Czechoslovakia, among others, such guidelines were Communist ideas.

Socio-political events of 1910–1920s. caused a deep reflection, the need to rethink and search for new approaches to understanding the events of the past. The October revolution and the activities of the Comintern had a significant impact on the social, political and historical life in the Republic of Poland and Czechoslovakia.

Keywords: October revolution of 1917, the Comintern, the Polish historiography, the Czech historiography, Marxism, Poland, Czechoslovakia, interwar Europe, Julian Marchlewski, Zdeněk Nejedlý, Jan Šverma

For citation: Novikova, E.I. (2020), The influence of the 1917 October Revolution and the activities of the Comintern on the views and metho-

dological approaches of Polish and Czech historians of the interwar period (on the example of the works of Julian Marchlewski, Zdeněk Nejedlý, Jan Šverma), *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 52–63. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-52-63

Введение

В данной статье рассмотрены труды, личности и судьбы таких историков и государственных деятелей межвоенной Польши и Чехословакии, как Юлиан Мархлевский, Зденек Неедлы и Ян Шверма. Выбор был сделан не случайно: они представляют собой три поколения историков, а пик их творчества пришелся на межвоенный период. Эти ученые занимались не только научной, но и государственной деятельностью, они были наиболее яркими и заметными исследователями среди представителей коммунистических взглядов и внесли существенный вклад в развитие исторической науки в новообразованных государствах Польше и Чехословакии. Так, Зденек Неедлы вплоть до 1970-х гг. определял направление чехословацкой историографии.

Большое внимание польские и чешские историографы межвоенного периода уделяли темам, связанным с национальной идентичностью. Их интересовали:

- образование первых государств у западных славян;
- отсутствие государственного единства в Средние века и вытекающие из этого факта ослабление стран и потеря ими независимости;
- национальное движение чехов и поляков за независимость и создание самостоятельных государств.

Под воздействием Октябрьской революции в России и деятельности Коминтерна ученые связывали многие исторические проблемы с социальной борьбой. Они считали, что снятие социального напряжения в обществе и его гармоничное развитие возможно, если Польша и Чехословакия пойдут по советскому пути развития. Эти взгляды подвергались критике в родных странах. Так, Юлиан Мархлевский за свою активную коммунистическую и просоветскую деятельность даже был вынужден эмигрировать, однако не отказался от своих социально-политических воззрений.

Цель данного исследования – изучив биографии и научные труды обозначенных историков Польши и Чехословакии межвоенного периода понять, как события Октябрьской революции 1917 г. и деятельность Коминтерна повлияли на формирование мировоззрения и складывание методологических концепций ученых.

Исследование это тем более актуально, что формировавшаяся в межвоенный период национальная историография Польши и Чехословакии оказывала большое влияние на становление национальной идентичности и формирование определенных настроений в обществе. В наши дни данные механизмы по-прежнему востребованны.

На сегодняшний день проблематика польской и чешской историографии 1920–1930-х гг. в отечественной историографии практически не изучена. Стоит отметить коллективный труд «Историография истории южных и западных славян» [Горина, Карасев, Матвеев, Ненашева, Созин 1987] ученых и преподавателей Московского государственного университета, в котором подробно освещены взгляды историков культурно-национального направления. Однако эта работа написана более 30 лет назад и на сегодняшний момент устарела. Представляет интерес работа Т.И. Мурадовой «Социокультурные аспекты идеологии чешского реализма на рубеже XIX–XX вв.», в которой уделяется внимание влиянию чешской политики на формирование национальной историографии [Мурадова 2008].

Польский коммунист Мархлевский: эмигрант или патриот?

Среди изучаемых историков особо примечателен Юлиан Мархлевский (1866–1925). Он был активным участником современных ему общественно-политических событий. Не только старший из исследуемых ученых, но и человек, который был связан с коммунистической идеей и с революционным движением еще до 1917 г., Мархлевский стоял у истоков социал-демократии в Российской империи.

Он родился в обедневшей шляхетской семье поляка и немки, получил прекрасное образование – закончил Цюрихский университет, отлично владел немецким и русским языками. Мархлевский попал в общее русло революционного движения в среде образованной молодежи. Он, несмотря на свое благородное происхождение, ратовал за преобразование общества на социальных началах, поддерживал рабочих и крестьян. В 1893 г. вместе с соратниками основал Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – социал-демократическую марксистскую партию. Ученый был дружен с такими выдающимися деятелями, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Под воздействием этих событий Мархлевский начал активно публиковаться, его дореволюционные труды посвящены в основном политической экономии и борьбе рабочих за свои права. Стоит

отметить такие труды этого периода, как «Политическая экономия. Что это и чему учит?»¹, и «Борьба рабочих в условиях царизма»², выдержавшие несколько переизданий. В этих трудах он отстаивал необходимость диктатуры пролетариата.

В 1900 г. Ю. Мархлевский познакомился с В.И. Лениным. Ученый проявил солидарность во взглядах с ним на международных конгрессах II Интернационала в 1907 г. в Штутгарте и в 1910 г. в Копенгагене – по колониальному вопросу отстаивал право наций на самоопределение.

Мархлевский принимал активное участие в антивоенной деятельности в Германии, за что в 1916 г. был заключен германскими властями в концлагерь. В 1918 г. советское правительство обменяло его на пленного немецкого генерала, и Мархлевский вместе с семьей перебрался в Москву. Здесь Мархлевский стал активным участником Коминтерна. В Советской России были опубликованы новые труды ученого и переизданы старые, он много работал над созданием положительного образа новой России за границей.

Во время советско-польской войны в 1919 г. от имени советского правительства Мархлевский вел переговоры с представителями Ю. Пилсудского о приостановке военных действий между Красной Армией и поляками. В своем труде «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией»³ исследователь отметил стремление советской стороны разрешить конфликт, а польской, наоборот, усугубить сложившееся положение:

Россия не хотела этой войны, она прилагала все усилия, чтобы завязать дружеские отношения с Польским государством. Поэтому господам польским дипломатам пришлось отчаянно искать повода к ссоре⁴.

Отношения с действующей польской властью у Мархлевского не сложились. В 1920 г. по инициативе историка и при поддержке Коминтерна был создан Польский революционный комитет, который ставил своей задачей, опираясь на поддержку трудящихся, установить в Польше революционную власть по типу Советов. Ученый отмечал, что новая власть не выполнила своих обяза-

¹ *Marchlewski J.B.* Ekonomia polityczna. Czym jest i czego uczy. Warszawa, 1902.

² *Marchlewski J.B.* Walka robotnicza pod caratem. Kraków, 1905.

³ *Мархлевский Ю.Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М.: Госиздат, 1921.

⁴ Там же. С. 5.

тельств перед польским народом. Поляки обрели желаемое независимое государство, но это государство было буржуазным и не отвечало надеждам и потребностям рабочего класса:

Десятки тысяч рабочих поверили, что если Польша освободилась от хозяйничанья царя и кайзера, если во главе правительства стоят социалисты Дашинские, Морачевские и Пилсудские, то все должно пойти хорошо. Польская Социалистическая Партия (П.П.С.), которая в течение четверти столетия обманывала рабочих, сбивая их с пути классовой борьбы, эта партия, дорвавшись теперь до власти, предала рабочий класс, вошла в позорный союз с буржуазией и деятельно помогала обращению Польши в государство не только буржуазное, но и до мозга костей реакционное, в государство, которое сделалось жандармом Восточной Европы.

Это государство начало войну с пролетарской Россией. Почему? Потому, что эта пролетарская Россия так же была бельмом на глазу польской буржуазии, как она была бельмом на глазу буржуазии английской и французской⁵.

В последние годы жизни Мархлевский уделял много времени преподаванию. По его инициативе в 1920 г. в Минске была образована польская партийная школа, после перевода в Москву она была преобразована в польское отделение Коммунистического университета народов Запада.

В 1922 г. он способствовал созданию Международной организации помощи революционерам, председателем которой стал сам.

В исторических исследованиях Ю. Мархлевский придерживался марксистской методологии. Исторический процесс виделся ему борьбой классов, развитие истории было связано с развитием производительных сил общества. Как историк он видит движущую силу общественного прогресса современного ему общества в пролетариате:

...борьба пролетариата, его победоносная революция, его диктатура есть единственный путь, который выведет Польшу на путь истинной свободы⁶.

В работах Мархлевского наблюдается симпатия к крестьянам. Он использовал такие термины, как «капиталисты», «гнет», «милитаризм».

⁵ *Мархлевский Ю.Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. С. 5.

⁶ *Мархлевский Ю.Ю.* Польша и мировая революция. М., 1920.

В статье «Польская Конституция 3 мая 1791 года» Юлиан Мархлевский писал:

Авторы Конституции, отстаивали и обеспечивали права и привилегии угнетателей крестьянства, не изменили невыносимо тяжелого положения крестьянства. Классовый эгоизм польского дворянства и польской буржуазии в 1794 г. и в 1831 и 1863 гг. стали причинами, обречшими на неудачу героические выступления восставших⁷.

Во всех трудах Мархлевского прослеживается антиклерикальность, что также осложняло его принятие польским обществом, традиционно католическим и консервативным. Так, ученый отметил:

Католическое духовенство никогда и нигде не служило Родине, оно всегда было готово продать и подавить народ, всегда заботилось только о делах церкви, своих доходах. Были единичные личности, горевшие любовью к Родине, готовые к жертвам, но с ними церковная власть никогда не была солидарна и духовные сановники всегда отрезались от них⁸.

Мархлевский не преуменьшал заслуг Тадеуша Костюшко, но упрекал его в том, что он, обещая приобретение крестьянами воли, не обещал вместе с ней заветной земли.

Исторический процесс виделся Мархлевскому эволюцией производительных сил общества. Как историк он рассматривал движущую силу общественного прогресса современного ему общества в пролетариате и подчеркивал, что борьба пролетариата, его победоносная революция, его диктатура – единственный путь, который приведет Польшу к истинной свободе.

Чешские исследователи Ян Шверма и Зденек Неедлы

Среди чешских исследователей межвоенного периода стоит отметить Яна Шверму и Зденека Неедлы. Они были представителями разных поколений, так Зденек Неедлы начал свою деятельность еще на рубеже XIX и XX столетий, а Ян Шверма был представителем уже новой, независимой Чехословакии. Однако они

⁷ Мархлевский Ю.Ю. Польша и мировая революция. С. 23.

⁸ Мархлевский Ю. (Карский Ю.). Сочинения. М.; Л., 1931. Т. 6. С. 127.

оба были приверженцами коммунистических идей, что повлияло на становление их методологических подходов.

Зденек Неедлы (1878–1962) стоит некоторым особняком среди исследователей, так как он прежде всего являлся литератором и музыковедом, а уже потом историком и государственным деятелем.

Неедлы родился в семье учителя и музыканта Романа Неедлы. Зденек изучал историю и эстетику на философском факультете Карлова университета в Праге, после был лектором и издателем журналов “Smetana” (Сметана) и “Var” (Кипение).

В созданной в 1918 г. Чехословакии сложились благоприятные условия для развития национальной истории и культуры. В отличие от Польши, здесь уживались представители различных политических взглядов. Зденек Неедлы был одним из первых членов Коммунистической партии Чехословакии. В 1925 г. он стал инициатором создания «Общества культурного и экономического сближения с Новой Россией», был его председателем, являлся одним из руководителей Союза друзей СССР, часто посещал страну Советов, участвовал в деятельности Коминтерна.

Активное участие Неедлы принял в создании в 1935 г. Чехословацкого комитета действия по укреплению мира. Был председателем Комитета друзей республиканской Испании, в 1936 г. посетил эту страну в составе делегации деятелей чехословацкой культуры.

Главнейшим трудом Зденека Неедлы является монография о Бедржихе Сметане. Неедлы подчеркнул, что на личность Сметаны оказали существенное влияние революционные события в Европе, что отец воспитывал его в революционном, свободолюбивом духе, по мнению исследователя, композитор с детства сохранил воспоминания об июльской, греческой и польской революциях (революцией он называл восстания).

Зденек Неедлы считал, что чешская музыка выросла из революции. Все повествование о великом композиторе пронизано революционными мотивами. Употребляются такие понятия, как «борьба масс», «классовая борьба». В Сметане историк видит настоящего революционера:

Наступил 1848 год, а с ним настало время Сметаны. Свобода, пронесшаяся над Европой с запада на восток, увлекла его в свой упительный водоворот. Он чувствует, как в народе пробуждаются новые силы, как народ готовится к великому размаху, и это его восхищает. Он слагает поэтому для революционной национальной гвардии песни и марши и создает свое первое большое оркестровое произведение

«Ликующую увертюру», в которой впервые раздаются победные звуки новой жизни⁹.

Работы Неедлы, хоть и марксистского толка, но отличаются красотой и выразительностью слога, аллегоричностью, сравнениями.

Душа Сметаны словно связана оковами, которыми была опутана вся жизнь народов Австрии. Она поэтому неспособна свободно взлететь туда, куда она так стремилась¹⁰.

Зденек Неедлы стал называть Сметану «вождем» обновленной чешской музыки 1860-х гг. Он видел в нем символ, пробудивший любовь к национальной музыке, а в дальнейшем и всей культуре чешского народа. Неедлы отмечал, что до Сметаны национальная музыка народов Европы была чем-то диковинным, развлекательным, Сметана же вывел ее на совершенно иной уровень, заставил полюбить и воспринимать всерьез. Эта деятельность Сметаны стала одним из факторов пробуждения в чехах национального самосознания и желания обрести новое государство.

Самым младшим из исследуемых ученых является Ян Шверма (1901–1944). На момент создания Чехословакии ему было всего 17 лет. Он совсем юным свежим взглядом оценивал исторические события, современником которых он был.

Ян Шверма из семьи адвоката. В 1920 г. поступил на юридический факультет Карлова университета, но не окончил его. С 1921 г. Шверма состоял в коммунистической партии, был одним из близких друзей и соратников Клемента Готвальда¹¹.

В 1926 г. Ян Шверма вместе с супругой уехал в Москву, где окончил двухгодичную Международную Ленинскую школу, учебное заведение Коминтерна, основанное в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки.

В 1928 г. Шверма принял участие в VI конгрессе Коммунистического интернационала, проходившем в Москве. По возвращении из Москвы выступил за большевистский курс в Чехословакии.

Участие в Интернационале существенно повлияло и на исторические взгляды Швермы. Он придерживался марксистской методологии, считал, что Русская революция повлияла на размах

⁹ *Неедлы Зд.* Бедржих Сметана. Прага: Орбис, 1924. С. 17–18.

¹⁰ Там же.

¹¹ Клемент Готвальд (чеш. Klement Gottwald, 1896–1953) – политический деятель Чехословакии, руководитель Коммунистической партии Чехословакии, премьер-министр и президент Чехословакии.

освободительного движения в Чехии, которое сыграло выдающуюся роль в освобождении от Австрии.

Ян Шверма много писал о феодализме, использовал в своих работах термины «империализм», «царизм»¹². Называл гуситские войны революцией. Не видел разницы между крестьянином и фермером:

«Мы – чешский народ, который восстал для битвы за свободу. А Европа – Европа феодальных панов, Европа средневекового гнета, Европа – контрреволюция».

«Под звуки гуситской песни пропала тень черного креста, который хотел задушить нашу землю».

«Гуситские войны – это была социальная революция чешского народа против эксплуатации, против угнетения и за свободу».

«В гуситских войнах родился чешский крестьянин (фермер), крестьянин заострил свою косу и железом обил свою цепь, освободился от государства панов, взял почву с земли своим потом. В гуситских войнах восстал весь чешский рабочий народ, чтобы освободиться от церкви, которая тогда владела одной третью всей земли и которая была главным богачом и эксплуататором»¹³.

Ян Шверма пронес теплое чувство к Советскому Союзу и коммунистической идее через всю жизнь и свое творчество. После начала Великой Отечественной войны в «Чехословацких письмах» он отмечал:

Советский Союз поможет всем славянским народам освободиться от фашизма и с его помощью будем идти к новой, настоящей демократии, к народной демократии и социализму¹⁴.

Не чужды Шверме и идеи тесного славянского диалога. В 1943 г. в статье «Славянская идея в нашей чешской политике» он писал:

Теперь идея славянской взаимности очищена от всяких панславянских элементов царского империализма, вступает в силу настоящий демократический характер, который чешский человек всегда носил под своим сердцем. У славян нет экспансионистских целей, их солидарность не в противостоянии с другими народами, а в их великой дружбе¹⁵.

¹² Šverma J. Vybor z dila, 1. Praha, 1981. S. 125–127.

¹³ Ibid. S. 100.

¹⁴ Ibid. S. 14.

¹⁵ Ibid. S. 18.

Выводы

Подводя итоги стоит отметить, что несмотря на разность в возрасте, происхождении, жизненном опыте, Мархлевский, Шверма и Неедлы с радостью и упоением принимали революционные события в России и установление Советской власти. Они стали активными участниками Коминтерна и польско-российского диалога. И представляющий классических исследователей-революционеров конца XIX – начала XX в. Мархлевский, и уникальный исследователь и издатель новой Чехословакии Неедлы, и совсем молодой коммунист Шверма видели правильность в советском пути развития, пропагандировали коммунистические идеи в родных им странах.

Основной период творчества ученых пришелся именно на межвоенный период. Важно отметить, что общественно-политическая жизнь в Польше и Чехословакии в это время различалась: в Чехословакии было больше свободы выражения, здесь сосуществовали исследователи и государственные деятели с разными политическими взглядами, в Польше же, особенно после режима «санации» Ю. Пилсудского существовала жесткая цензура и неприятие оппозиционных настроений. Поэтому для польских исследователей-коммунистов Коминтерн выступал настоящим спасителем, он не только давал возможность научной деятельности, но и поддерживал коммунистическую идеологию в новых странах – Польше и Чехословакии.

Ученые активно взаимодействовали с Коминтерном, а Юлиан Мархлевский и вовсе участвовал в его организации. Они симпатизировали Советской России, создавали ее позитивный образ в родных странах. Но при всех симпатиях они были солидарны в одном – и Польша, и Чехословакия должны оставаться независимыми национальными государствами.

Примечательно то обстоятельство, что в начале деятельности Коминтерна взгляды его участников были достаточно схожи, многие ратовали за установление коммунистических режимов в своих странах и мировую революцию, к концу же 1920-х гг. эйфория революционных перемен в Европе и мире угасала, а взгляды коммунистов-исследователей становились более умеренными, однако их социально-экономический подход к истории оставался прежним.

Все ученые, несмотря на разность происхождения: Мархлевский – дворянин, Шверма – из семьи адвоката, Неедлы – из семьи музыканта, были людьми интеллигентными, образованными, имели богатый жизненный опыт. Это обусловило их осмысленный, критический подход к общественно-политическим событиям, современ-

никами которых они были. Их обращение к коммунистической идее было не случайным, они видели кризисные моменты, мешающие гармоничному развитию общества, и искренне считали, что предоставление нациям права на самоопределение и переустройство общества на социальных началах будет способствовать благоденствию и процветанию их родных стран и народов.

Литература

- Горина, Карасев, Матвеев, Ненашева, Созин 1987 – Горина Л.В., Карасев В.Г., Матвеев Г.Ф., Ненашева З.С. (отв. сек.), Созин И.В. (отв. ред). Историография истории южных и западных славян. М., 1987. 132 с.
- Мурадова 2008 – Мурадова Т.И. Социокультурные аспекты идеологии чешского реализма на рубеже XIX–XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

References

- Gorina, L.V., Karasev, V.G., Matveev, G.F., Nenasheva, Z.S., Sozin, I.V. (1987), *Istoriografiya istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Historiography of the history of Southern and Western Slavs]. Moscow, Russia.
- Muradova, T.I. (2008), *Sotsiokul'turnye aspekty ideologii cheshskogo realizma na rubezhe XIX–XX vekov* [Sociocultural aspects of the Czech realism ideology at the turn of 19th – 20th centuries]. Abstract. Ph.D. dis., History, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елизавета И. Новикова, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; Leonsia21@mail.ru

Information about the author

Elizaveta I. Novikova, post-graduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; Leonsia21@mail.ru

УДК 94(100)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-64-77

Восприятие интернирования
в годы Первой мировой войны в эгодокументах
и литературных произведениях:
на примере наследия К.А. Федина

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается восприятие процесса интернирования в годы Первой мировой войны в эгодокументах и литературных произведениях известного советского писателя, первого секретаря Союза писателей СССР, а затем председателя Союза писателей СССР К.А. Федина. Автор на основе анализа документов Российского государственного архива литературы и искусства показывает, что в автобиографии К.А. Федина упоминается о своем интернировании на территории Германской империи в годы Первой мировой войны. Этот факт его биографии нашел отражение в романах «Города и годы» и «Я был актером». Автор, сопоставляя их содержание с документальными материалами, делает вывод, что в этих романах, несмотря на изменение имен и названий городов показаны особенности перцепции интернирования, указаны важнейшие особенности положения гражданского пленного в Германии, связанного с многочисленными ограничениями юридического, политического и личного характера. С точки зрения методологии истории эмоций в статье рассматриваются эмоциональные аспекты рецепции интернирования. Показана амбивалентность восприятия интернированных граждан враждебных государств немецким населением, а также рецепция Федина в последующей жизни своего положения интернированного и государства, которое его интернировало в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германская империя, интернирование граждан враждебных государств, К.А. Федина

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Восприятие интернирования в годы Первой мировой войны в эгодокументах и литературных произведениях: на примере наследия К.А. Федина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 64–77. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-64-77

© Ростиславлева Н.В., 2020

Perception of Internment during
the First World War in the Ego-Documents
and Literary Works
(on the example of the heritage of K.A. Fedin)

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow Russia,
ranw@mail.ru*

Abstract. The author considers the perception of the internment process during the First World War in the ego-documents and literary works of the famous Soviet writer, First Secretary and then Chairman of the Union of Writers of the USSR K.A. Fedin. The author of article, based on an analysis of documents from the Russian State Archive of Literature and Art, shows that in his autobiography K.A. Fedin mentions his internment on the territory of the German Empire during the First World War. That fact of his biography was reflected in the novels “Cities and Years” and “I was an actor”. The author, comparing their contents with documentary materials, concludes that, in spite of the change of names and cities, the features of internment perception are shown, the most important features of the situation with internees in Germany are indicated and are associated with numerous restrictions of a legal, political and personal nature. From the point of view of the methodology of the history of emotions, the article considers the emotional aspects of the perception of internment. It shows the ambivalence of the perception of interned citizens of enemy states by the German population. The ambivalence of the perception of interned is shown as well as the ambiguity of Fedin’s reception later in the life of his position as an internee and of the state that interned him during the First World War.

Keywords: the First World War, German Empire, Internment of Enemy Aliens, Konstantin A. Fedin

For citation: Rostislavleva, N.V. (2020), “Perception of Internment during the First World War in the Ego-Documents and Literary Works (on the example of the heritage of K.A. Fedin)”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science, History, International Relations”*. Series, no. 1, pp. 64–77. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-64-77

Одной из инноваций Первой мировой войны стал феномен интернирования граждан вражеских государств, который до сих пор остается одним из наименее изученных явлений. Общее число интернированных за годы Первой мировой войны до сих пор не подсчитано [Stibbe 2008, p. 49]. Нередко они находились в лагерях,

причем в Германии число субъектов, находящихся в заключении с июня 1915 г. до октября 1918 г. возросло от 48 513 до 111 879 человек [Stibbe 2006]. Точное число интернированных российских подданных неизвестно и, видимо, продуктивно изучать феномен гражданского плена относительно отдельных социальных групп.

Представляет интерес исследование отдельных случаев интернирования российских интеллектуалов, которые по разным причинам приехали в Германию, и с началом военных действий не могли ее покинуть в силу их возраста и пола¹.

Довольно репрезентативный пример – положение в качестве интернированного в будущем интеллектуала и крупного советского писателя, первого секретаря Союза писателей СССР в 1959–1971 гг., а затем председателя правления Союза писателей СССР (1971–1977) К.А. Фебина. Это абсолютно неизученный материал. Он представляет интерес в связи с введением в научный оборот новых, ранее неопубликованных документов, а также с использованием в качестве источника так называемого нелинейного нарратива, т. е. художественных произведений К.А. Фебина, где точность протокола сочетается с высотой художественного изложения, а также в рамках привлечения для изучения этих материалов методологии истории эмоций.

По понятным причинам в советское время в опубликованных биографиях К.А. Фебина о его интернировании писалось одной строкой, что он в качестве студента 4-го курса Московского коммерческого института (ныне это Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова) приехал в Германию для изучения языка, где его и застала Первая мировая война, и он был интернирован [Bauerkämpfer 2014, p. 5].

В неопубликованной автобиографии писателя, которая хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства, по этому поводу написано:

Сараевский выстрел застал меня в Баварии, в Нюрнберге. Жил я бедно, бил баклуши, дружил с рабочими от Шукерта и студентами из Эрлангена. <...> В деревне Штейн, на фабриках Фабера и других местах, где танцульки устраивались скрипачом был².

¹Интернированию в Германии подвергались граждане вражеских государств – мужчины от 17 до 45 лет. Действия России и Германии по интернированию граждан вражеских государств были практически зеркальными.

²Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

Вскоре Федин покинул Нюрнберг и отмечал в автобиографии, что повсюду по вокзалу были расклеены листовки о борьбе со шпионажем. Таким образом осуществлялось воздействие через информацию общественного пространства на эмоции немецкого населения, создавалась атмосфера истерии и шпиномании, формировалась необходимая для военного времени национальная культура безопасности [Старков 1987, с. 7, 16]. В Дрездене Федин был арестован германскими властями. Там образовалась большая группа русских гражданских пленных. В основном это были молодые интеллигенты [Чипига 1996, с. 146–147]. Страх и ужас не было. Федин так писал в автобиографии по поводу ареста: «Было смертельно скучно и, видно, со скуки, учился я рисунку у русского художника Сегалья»³, который также был интернирован. Федина и эту большую группу в дальнейшем сослали в г. Циттау, что на границе Чехии. Среди них был Борис Юхновский, с которым Федин подружился в Циттау. Будущий писатель осмысливал этот период не только с точки зрения его прав, а скорее эмоционально, поскольку насилие среди гражданского населения тесно связано с эмоциями. Он писал: «Королевская полиция оставила много горя и много радостей; был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52, был другом немцев-художников, немцев-социалистов, русских солдат и русских романтиков»⁴. В скупых строчках автобиографии нет осмысления самого процесса интернирования.

Какой была повседневность гражданского пленного? Интернированные сами себя содержали, они работали, причем, например, в качестве сезонных рабочих, которые также подвергались интернированию. Германия была заинтересована, так как они обеспечивали уровень и темпы производства [Плохотнюк 2018, с. 95]. Интернированные молодые интеллигенты содержали себя самыми разными способами. Так, Федин поступил хористом в городской театр города Циттау. Он писал в автобиографии: «Через месяц получил первую партию. <...> После чего утвердился в амплуа комического баса. Играл в театрах Герлица, Аннаберга, ездил с дрянненькими труппами по саксонским селам»⁵.

Федин всю жизнь вел дневники. Так, он отмечал в своем дневнике (от 21 октября 1928 г. до 14 мая 1930 г.), что этим занимался, начиная с 1913 г., когда он начал вести свой первый дневник. Второй дневник он вел в Циттау и добавлял, что это было «очень плодотворное время, записки о войне, о германском тыле, роман “Глушь”, рассказы» и

³РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

⁴Там же. Л. 3.

⁵Там же.

указывал: «Многое – в “Городах и годах”»⁶. Третий дневник он вел в Герлице летом 1918 г. Второй дневник, который содержит самую важную для нашей темы информацию, наряду с первым и четвертым дневниками, был им сожжен в 1925 г. в Москве. Третий дневник, где он описывал свою жизнь в Герлице, потерялся в Германии⁷.

В 1924 г. вышел роман Федина «Города и годы», где его пребывание в плену получило художественное осмысление. Позже он опубликовал новеллу «Я был актером», над которой работал в 1930, 1936–1937 гг. Писатель утверждал, что «в военной части “Городов” фальши нет»⁸. Роман «Города и годы» со сложной композицией и некоторым налетом экспрессионизма. Более автобиографична новелла «Я был актером».

Представляется важным на примере этого материала в рамках истории эмоций установить границы между публичным и частным пространствами чувств [Плохотнюк 2018]. Так, в дневнике от 29 сентября 1929 г. Федин размышлял над прочитанным им романом Ремарка «На западном фронте без перемен» и подчеркивал, что «это лучшая книга о войне, написанная со дня объявления войны. <...> Некоторые моменты чтения я чувствовал себя так же как осенью 1918 года, когда после четырехлетнего плена пробирался через Германию на родину, с котомкой за спиной, что нам осталось в этом мире? <...> я отметил несколько мест у Ремарка, удивительно совпадающих с отдельными мотивами в моих “Городах”. Особенно поразительные совпадения о нации (стране) и оскорблении»⁹. Советский писатель разглядел стилистические, а главное, эмоциональные совпадения. Ремарк писал: «...ритмика, тональность (патетически – “О жизнь, жизнь. Жизнь”. У меня – “о люди, люди, люди <...> ...именно в этом ритме я чувствовал, именно эти мотивы заполнили меня, я уловил их верно, они были свойственны этому времени, были законом. В распознавании этого закона я не допустил ошибки»¹⁰. Этот дневник до сих пор не опубликован, более того, наследники, отдав его в РГАЛИ, оговорили, что для доступа к нему требуется особое разрешение от них, т. е. это не советский официоз. Здесь мы сталкиваемся с глубоко личным переживанием интернированного человека, но Федин в своих эмоциях, эмоциях романа Ремарка разглядел закон, и тем самым замахнулся на пространство чувств нации [Langeweische 2012].

⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 52.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

В 1921 г. в автобиографии Федин писал: «После октября 17-го года тщетно добивался разрешения на въезд в Россию. При помощи друзей-спартаковцев был принят на службу в первое наше после войны посольство в Берлине, в отдел по охране военнопленных. Этого было достаточно, чтобы германские власти сопроводили меня на Восточный фронт, любезнейше вручив Советского посольства паспорт и смешав меня с толпой хромых, безруких, чахоточных и умирающих, которые звались солдатами Российской армии»¹¹. Это пронзительное описание конца гражданского плена Федина, для которого пребывание в Германии в качестве интернированного закончилось относительно благополучно.

К сожалению, не удалось пока обнаружить иных документальных материалов о пребывании Константина Федина в Германии в качестве интернированного, но уже упоминавшиеся его два художественных произведения, как отмечал это и сам писатель, вполне передают эмоциональное переживание, а также раскрывают многие общие моменты повседневной жизни интернированного русского интеллигента.

Как отмечалось, в Циттау была направлена целая группа интернированных. Так, в новелле «Я был актером», Федин проводил мысль, что все устали от войны: «Все мы думали одинаково: “Черт знает, когда же наступит конец распроклятой войне?”»¹². Повествование ведется от первого лица, и автор сравнивал Циттау с «благоустроенной богадельней», отмечал сдержанно вежливую атмосферу, т. е. той истерии, которая была на уровне политики, не было [Богомолов 2019, с. 89–114]. Автор писал: «Секретарь полиции раскланивается с нами точно с кумовьями. Городские собаки давно перестали на нас лаять. Домашние хозяйки со слезами сочувствия, штопали нам носки»¹³. Автор писал о проявлении со стороны немцев в повседневной жизни абсолютно человеческих чувств. Хозяйка арестованного и помещенного в тюрьму гражданского пленного из России Розенберга, которой он, кстати, остался должен за квартиру, просит передать ему туда баночку яблочного мармелада¹⁴.

С началом войны был арестован находившийся в Германии герой романа «Города и годы» студент Андрей Старцев, прототипом

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 3.

¹² *Федин К.А.* Я был актером // Федин К.А. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 6. С. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 53.

которого был сам Федин¹⁵. Старцев был сослан в вымышленный город Бишофсберг, под которым следует понимать Циттау. После прибытия на новое место, обязательна явка в полицию, куда нужно было приходить регулярно и в определенное время. Пятиминутное опоздание вызывало нарекания со стороны полицейских. В новелле «Я был актером» автор указывал, что «впредь за пятиминутное опоздание нас – подданных вражеского государства, находящегося с Германией в состоянии войны, – будут сажать в концентрационный лагерь»¹⁶. В романе «Города и годы», также показана эта рутинная процедура обязательного регулярного посещения полиции. «Каждый камень на этом пути, всякая живая тварь, всякий взгляд и каждый окрик давно известны, давно изучены, как ногти на руке, как обносившийся сапог, как разводы и пятна потолка над изголовьем постели. Вот здесь перед входом в полицию <...> тетка Майер»¹⁷. В романе Андрей Старцев был также интернированным под номером пятьдесят два, как и сам Федин в реальной жизни¹⁸, т. е. несмотря на вежливость немецкого населения, положение интернированного было сопряжено с жесткими нормами, которые регулировались законодательно.

Вторая проблема – поиск работы. Судя по роману, интернированные этим занимались сами. Кто-то нашел работу во фруктовом магазине, кто-то, например автор (читай К. Федин. – *Н. Р.*), в театре.

Что касается проявления чувств интернированных, то автор писал в новелле «Я был актером»: «Любовь нам запретил магистрат», уточняя: «За общение с немецкой женщиной нас, русских, сажали в лагерь. Приходилось ловчить, и только неотвязная страсть толкала девушек к рискованным аферам»¹⁹. Хотя это, безусловно, украшало и оживляло их повседневность. В обоих произведениях есть любовная линия героя. Герой новеллы «Я был актером» описывает любовь с немецкой девушкой Гульдой, с которой они вместе испытывали страсть к экспрессионизму, как художественному направлению, журналу “*Aktion*”, но необходима была строгая конспирация. Например, посадили в лагерь его знакомого Шера, которого якобы видели с немецкой девушкой, хотя на самом деле вместо него с девушкой шел другой человек. Но особо не разбирались. Его тут же пригласил секретарь полиции и отдал распоряжение посадить в лагерь на месяц. Рефрен властей

¹⁵ Федин К.А. Города и годы. М., 1987. С. 103–104.

¹⁶ Федин К.А. Я был актером. С. 11.

¹⁷ Федин К.А. Города и годы. С. 130.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Федин К.А. Я был актером. С. 18.

Германии – «...волочиться за немецкими девушками мы не допустим, нет! В нас еще не угас патриотизм, нет!»²⁰.

Любовная линия героев Федина соответствует истине. Так, в 1916 г. К.А. Федин познакомился в Циттау с любимой девушкой Ханни Мрва, которая и стала прототипом романов его героинь, посвященных западной теме. В фонде Саратовского музея К. Федина хранятся 25 писем от Ханни [Чипига 1996, с. 147]. Причем когда в 1928 г. Федин оказался в Германии, то он не скрывал, что главной его целью было посещение крошечного Циттау, где он прожил годы гражданского плена и встретил свою любовь. В 1928 г. в Циттау он посетил могилу Ханни [Чипига 1996, с. 147]. Это сильное индивидуальное чувство, которое резко отграничено от чувств нации. Насилие, которое он переживал со стороны Германии как враждебный иностранец, отчасти ушло в тень, было вытеснено эмоциями.

Произведения Федина показывают эмоциональную амбивалентность местного населения, т. е. не только приветливость, но и проявление враждебности. Молодые люди вызывали подозрительность уже тем, что если они молоды и здоровы, но не на фронте, значит они враждебные иностранцы. Федин описывал, как трех интернированных (актер, художник и книгочей папаша Розенберг в пенсне) из России чуть не зарубил тесаком баварский ландштурмист, который распознал в них русских²¹.

Проявление патриотизма интернированными вписывается в осознание ими чувства нации. Так, интернированный актер заявил в частной беседе, что в день рождения кайзера отказывается петь гимн: «Я не собираюсь участвовать в Вашей манифестации»²². Но это скорее бравада, так как интернированные старались вести себя осторожно, поскольку лагерь находился рядом с городом. «Он был обнесен колючей проволокой и между ней и задними стенами барakov ходили ландштурмисты»²³. Отмечалось, что летом, во время вызревания хлеба, учащались побегии, а осенью – самоубийства. «И летом, и осенью, во все времена года пленные мерли от голодного истощения». «Лагерь был скопищем обреченных, которых власти утешали вечным и единственным припевом: “Вам тут хорошо, а каково нашим у вас в Сибири?”». «Почти каждый день в лагере бывали похороны. <...> Сомкнутым солдатским строем разрастались там (на кладбище. – *Н. Р.*) ряды черных деревянных крестов». При захоронении соблюдали национальную традицию погребения:

²⁰ Федин К.А. Я был актером. С. 20–21, 29.

²¹ Там же. С. 19.

²² Там же. С. 29.

²³ Там же. С. 41.

отпевали, даже специально для этого существовал хор пленных. «Византия, ориент, ортодоксия» – слова, которыми описывали хор пленных в местной газете²⁴. С точки зрения истории эмоций создание такой ситуации следует оценивать как эмоциональный режим страха, т. е. это эмоциональные нормы, которые навязывали германские власти [Hitzler 2011, p. 9].

Интернированные постоянно сталкивались с немецкой пропагандой, более того, их самих пытались сделать орудием этой пропаганды. Например, чтобы сократить свое пребывание в плену, им предлагалось написать домой «как немцы человечны в обращении с ними, как они прощают своих врагов»²⁵. Впрочем, была пропаганда и с другой стороны, когда в лагере интернированных в Бишофсберге из романа «Города и годы» один из русских интернированных врач Сидоркин, пользуясь своим правом собирать у пленных различных насекомых, призывал воевать до победы над Германией, заявляя, что якобы царя свергли, потому что он был за мир. «Но слышны и другие бессмысленные голоса, что в Германии случилась революция, и будто бы тогда будет мир со всеми нациями»²⁶.

Надзор над гражданскими пленными проявлялся не только в необходимости им регулярно посещать полицию и не покидать места пребывания. Полиция контролировала квартиры, где проживали интернированные, проводила в них обыски. Что искали? В основном антивоенную литературу. Такие книжки выпускали часто швейцарские издательства, поэтому, например, как писал Федин, «у Розенберга забрали все издания швейцарских издательств, даже карту альпийской растительности». Вскоре он был арестован и помещен в тюрьму дрезденской полиции²⁷. В романе «Города и годы» показан обыск бельгийского интернированного гражданина Перси, которого арестовали за изъятую во время обыска тетрадь с изображением бельгийского флага и тенденциозно подобранными вырезками из газет²⁸.

Передвижение интернированных контролировалось властями: им не разрешалось покидать пределы населенного пункта, куда их направили. Эпизод в романе «Города и годы» показывает, как героя романа Андрея Старцева сняли с поезда, так как у него не оказалось при себе документов. Его поместили в вокзальную тюрьму, чтобы затем доставить в военную комендатуру. Он сумел сбежать, его спас

²⁴ Федин К.А. Я был актером. С. 41–42.

²⁵ Там же. С. 45.

²⁶ Федин К.А. Города и годы. С. 215–216.

²⁷ Федин К.А. Я был актером. С. 46, 52.

²⁸ Федин К.А. Города и годы. С. 138–139.

местный житель, знакомый его девушки, Шенау, который дал ему записку, что тот якобы «по слабости здоровья содержался у него в течение трех дней, чем и вызвана его неявка перед надлежащими властями»²⁹.

В романе «Города и годы» есть также подтверждение вывода, сделанного в работах Т. Маурер, что академические интересы оказывались во время войны нередко сильнее политических [Mauger 2019, p. 189]. Там же Федин описал эпизод, как декан медицинского факультета заявлял, что «до сведения медицинского факультета дошло, что во вверенном вам лагере интернирован русский дивизионный врач Сидоркин, собравший за время своего пленения особо замечательную коллекцию распространителей разного рода инфекций. <...> Настоящим письмом просим вас, Господин комendant, разрешить названному русскому пленному войти в письменные сношения с медицинским факультетом о приобретении последнему упомянутой коллекции»³⁰.

В обоих произведениях автор изображал дружбу с социал-демократами. Как известно, немецкие социал-демократы – это те представители гражданского общества, которые критиковали политику интернирования германских властей.

Факты, упомянутые в автобиографии К.А. Фебина и в его произведениях, нередко совпадали. Так, герой новеллы «Я был актером» описывал, как он заболел испанкой, а надо было исполнять Вагнера³¹. С таким же фактом мы сталкиваемся, изучая автобиографию Фебина. «Самое смешное и почему-то жуткое: как в Герлицком театре, больной испанкой, в хоре вагнеровских мастерзингеров запел чужую партию»³².

После заключения Брестского мира для героя из романа «Города и годы» наступила долгая дорога в Россию на фоне эмоциональных споров о германском патриотизме, который российским интернированным, возвращающимся домой воспринимался уже как ненависть к чужим, а не любовь к своему народу. Но несмотря на это, герой романа Андрей восклицал по поводу своего пребывания в Германии в качестве интернированного: «...оказывается здесь <...> в этой тюрьме я жил по-настоящему. И теперь я оставляю родного человека»³³.

Это ощущение настоящей жизни нашло затем отражение в дневниках писателя конца 1920 – начала 1930-х гг., когда Федин

²⁹ Федин К.А. Города и годы. С. 182–184, 191.

³⁰ Там же. С. 215.

³¹ Федин К.А. Я был актером. С. 72.

³² РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 3.

³³ Федин К.А. Города и годы. С. 228, 230.

с воодушевлением описывал свое путешествие по Германии. А его роман «Города и годы» «свидетельствует о том, что он был для Федина на протяжении всей его жизни путеводной звездой и своего рода талисманом» [Чипига 1996, с. 148].

На политическом уровне в Германии было резкое проявление враждебности к гражданским пленным, в том числе и в интеллектуальных рядах, что нашло отражение в существовании эмоциональной истерии и репрессивной политики интернирования. На уровне гражданского общества Германии, хотя и минимальная, но была поддержка интернированных граждан враждебных государств. В практиках повседневности политический аспект нередко уступал место академическому, экономическому, эмоциональному аспектам, что вполне можно установить при анализе эгодокументов и художественных произведений, созданных интернированными. Перцепция ситуации в эгодокументах и художественных произведениях также показывает амбивалентность ситуации.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914–1917 гг.» Российского фонда фундаментальных исследований и Немецкого научного сообщества, грант № 19-59-12006\19.

Выражаю благодарность внуку К.А. Федина К.А. Роговину, который позволил работать с фондами К.А. Федина в РГАЛИ, имеющими ограниченный доступ для исследователей.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and German Foundation and Deutsche Forschungsgemeinschaft of project “Security and Civil Society in German and Russia during the First World War. The Internment of Civilian “Enemy Aliens” in the bilateral Relationship 1914–1917”, no. 19-59-12006\19.

I express my gratitude to the grandson of K.A. Fedin, K.A. Rogovin, who opened access in order to work with K.A. Fedin archives at RGALI, which have a restricted access for researches.

Литература

- Богомолов 2019 – *Богомолов И.К.* «Охотно верилось, что крови не прольется»: русские подданные в Германии и Австро-Венгрии накануне и в начале Первой мировой войны // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью / Отв. ред. Н. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. М.: РГГУ, 2019. С. 89–114.
- Плохотнюк 2018 – *Плохотнюк Т.Н.* Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 93–98.
- Старков 1987 – *Старков А.* Вступительная статья // Федин К.А. Города и годы. М.: Советская Россия, 1987. С. 5–11.
- Чипига 1996 – *Чипига Г.И.* «Судьба моих книг страшит меня и печалит...» // Русская литература. 1996. № 2. С. 146–162.
- Bauerkämper 2014 – *Bauerkämper A.* Einleitung: Sicherheitskulturen. Konzeptionelle Überlegungen aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive. Sicherheitskulturen im Vergleich. Deutschland und Russland/UdSSR seit dem späten 19. Jahrhundert / A. Bauerkämper, N. Rostislavleva (Hg.). Paderborn: Schöningh, 2014. S. 7–31.
- Hitzer 2011 – *Hitzer B.* Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen [Электронный ресурс]. URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=1221&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte> (дата обращения 15 октября 2019).
- Langewiesche 2012 – *Langewiesche D.* Gefühlsraum Nation. Eine Emotionsgeschichte der Nation, die Grenzen zwischen öffentlichem und privatem Gefühlsraum nicht einebnet. Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2012. October. Vol. 15. Issue 1 Supplement. P. 195–215.
- Maurer 2019 – *Maurer T.* „Akademische Bürger“ und „feindliche Ausländer“: Rußländer an deutschen Universität im Ersten Weltkrieg // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью / Отв. ред. Н. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. М.: РГГУ, 2019. С. 280–290.
- Stibbe 2006 – *Stibbe M.* The Internment of Civilians by Belligerent States during the First World War and the Response of International Committee of the Red Cross [Электронный ресурс] // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41. No. 1. URL: <http://www.jstor.org/stable/30036367> (дата обращения 16 октября 2019).
- Stibbe 2008 – *Stibbe M.* Civilian internment and civilian internees in Europe, 1914–1920 [Электронный ресурс] // Immigrants & minorities. Vol. 26. No. 1–2. P. 49–81. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02619280802442597> (дата обращения 16 октября 2019).

References

- Bauerkämper, A. (2014), „Einleitung: Sicherheitskulturen. Konzeptionelle Überlegungen aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive“, in Bauerkämper, A., Rostislavleva, N., Hg., *Sicherheitskulturen im Vergleich. Deutschland und Russland/UdSSR seit dem späten 19. Jahrhundert*. Schöningh, Paderborn, S. 7–31.
- Bogomolov, I.K. (2019), “‘It was readily believed that blood would not be shed...’: Russian Subjects in Germany and Austria-Hungary on the eve and at the beginning of the First World War”, in Rostislavleva, N., Bauerkemper, A., eds., *Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voiny: mezhdru bezopasnost'yu i gumannost'yu* [Germany in the Years of the First World War: Between “National Security” and Humanity]. RGGU, Moscow, Russia, pp. 89–114.
- Chipiga, G.I. (1996), “*The fate of my books scares me and saddens...*”, *Russkaya literature*, vol. 2, pp. 46–162.
- Hitzer, B. (2011), *Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen* [Online], H-Soz-Kult 23.11.2011, available at: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=1221&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte> [Accessed on 16 Oct. 2019].
- Langewiesche, D. (2012), “Gefühlsraum Nation. Eine Emotionsgeschichte der Nation, die Grenzen zwischen öffentlichem und privatem Gefühlsraum nicht einebnet“, *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft*, vol. 15, issue 1 Supplement, pp. 195–215.
- Maurer, T. (2019), „Akademische Bürger“ und „feindliche Ausländer“: Rußländer an deutschen Universität im Ersten Weltkrieg, in *Rostislavleva N., Bauerkemper A., eds. Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voiny: mezhdru bezopasnost'yu i gumannost'yu* [Russia and Germany in the Years of the First World War: Between “National Security” and Humanity]. RGGU, Moscow, Russia, pp. 280–290.
- Plohotnyuk, T.N. (2018), “Regulation of the situation with Russian citizens in Germany after the outbreak of the First World War”. *Humanitarnye i uridicheskie issledovaniya*, vol. 4, pp. 93–98.
- Starkov, A. (1987), “Introductory article”, in Fedin, K.A., *Goroda i gody* [Cities and years, Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, pp. 5–11.
- Stibbe, M. (2006), “The Internment of Civilians by Belligerent States during the First World War and the Response of International Committee of the Red Cross” [Online]. *Journal of Contemporary History*, vol. 41, no. 1, available at: <http://www.jstor.org/stable/30036367> [Accessed 16 Oct 2019].
- Stibbe, M. (2008), “Civilian internment and civilian internees in Europe, 1914–1920” [Online], *Immigrants & minorities*, vol. 26, no. 1–2, pp. 49–81, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02619280802442597> [Accessed 16 Oct 2019].

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; ranw@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ranw@mail.ru

УДК 327(410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-78-88

Британская политика в Палестине в первой половине XX в.

Елена В. Гулынская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, evgoulynskaya@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается британская политика в Палестине в контексте развития арабо-еврейского противостояния. Великобритания, поддержав создание еврейского национального очага в Палестине, а также арабское антитурецкое восстание в годы Первой мировой войны, после получения мандата на данную территорию, оказалась связана обязательствами с обеими сторонами конфликта. Заинтересованное в достижении согласия между ними, Соединенное Королевство прилагало непрерывные усилия в этом направлении, которые, однако, не только не имели успеха, но и питали антибританские настроения как арабского, так и еврейского сообщества. Примером здесь может служить провал лондонской конференции 1939 г. с участием арабской и еврейской делегаций, которые отвергли британский проект федеративного государства в Палестине. Автор данного исследования выдвигает и аргументирует точку зрения о том, что подход Великобритании к урегулированию палестинской ситуации не был успешен ввиду наличия целого ряда акторов, заинтересованных в получении контроля над Палестиной: ишува, конкурирующих фракций палестинского политического истеблишмента, иорданского, египетского, сирийского правящих классов. Соединенное Королевство так и не нашло универсального решения, в результате отдало предпочтение присоединению части Палестины к Трансиордании, тем не менее не сумев удержать свои позиции на Ближнем Востоке благодаря трагическим для палестинцев последствиям Первой арабо-израильской войны 1948 г.

Ключевые слова. Великобритания, Палестина, мандатное управление, ближневосточная политика, Израиль

Для цитирования: Гулынская Е.В. Британская политика в Палестине в первой половине XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 78–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-78-88

© Гулынская Е.В., 2020

British policy in Palestine in the first half of 20th century

Elena V. Goulynskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, evgoulynskaya@yandex.ru*

Abstract. Present article examines British politics in Palestine in the context of the Arab-Jewish confrontation. Great Britain supported the establishment of a Jewish national home in Palestine, as well as the Arab uprising against Turkish rule during the First World War. By doing so it found itself bound by obligations with both conflicting parties after receiving a mandate to this territory. Being interested in reaching agreement between them, the United Kingdom made continuous efforts in that direction, which, however, not only were unsuccessful, but nourished anti-British feelings of both the Arab and Jewish communities. As an example one can be mention the failure of London conference in 1939, with participation of Arab and Jewish delegations, but both rejected British project of federal state in Palestine. Author of this study proposes arguments with the favor of idea, that British approach to resolving Palestinian situation was not successful due to the large number of actors interested in gaining control over Palestine: the Yishuv, rival factions of the Palestinian establishment, Jordanian, Egyptian, Syrian ruling classes. The United Kingdom, having failed to find a universal solution, finally preferred to give way to annexation of Arabian part of Palestine by Transjordan but in spite of that still failed to maintain its positions in the Middle East thanks to the tragic for Palestinians consequences of the First Arab-Israeli War of 1948.

Keywords: Great Britain, Palestine, the Mandate system, Middle Eastern Policy, Israel

For citation: Goulynskaya, E.V. (2020), "British policy in Palestine at the first half of 20th century". *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 78–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-78-88

В начале XX в. Великобритания выступала на международной арене как одна из крупнейших и сильнейших держав, с учетом ее экономической мощи и площади подконтрольных ей в той или иной степени территорий. После Первой мировой войны, над бывшими ближневосточными владениями Османской империи было установлено мандатное управление «великих держав», подразумевавшее передачу Ирака, Трансиордании (ныне Иордания) и Палестины под контроль Великобритании, Сирии и Ливана – Франции.

Управление следовало осуществлять от лица Лиги Наций. Также в текст мандата, в сущности, была включена «декларация Бальфура»¹ и он признал «историческую связь еврейского народа с Палестиной». Великобритания должна была содействовать созданию еврейского национального очага и подготовить страну к самоуправлению, одновременно обеспечивая соблюдение гражданских и религиозных прав всех жителей Палестины. Таким образом, формирование современной геополитической карты Ближнего Востока произошло не в результате внутренних процессов, а определено интересами и политикой «великих держав». Во многом неестественное прокладывание границ повлекло за собой формирование, сохраняющейся и в настоящее время, повышенной конфликтности региона [Гулынская 2017, с. 28].

Следует отметить, что на протяжении веков арабы и евреи являлись интегральными частями общего социума населяемых ими районов Западной Азии и Северной Африки. Но начавшийся с конца XIX в. рост численности еврейской общины Палестины привел к двойственным последствиям. С одной стороны, он сопровождался притоком капитала и квалифицированных специалистов, что способствовало развитию ряда отраслей экономики, улучшению медицинского обслуживания, появлением новых рабочих мест для арабов. С другой – на основе столкновения коммерческих интересов, ширилось недовольство различных слоев местного арабо-палестинского населения увеличением числа еврейских поселенцев. К примеру, конкуренция со стороны иммигрантов приводила к падению доходов и даже разорению арабских торговцев и ремесленников. Провозглашенный Всемирной сионистской организацией (ВСО)² в 1897 г. план создания «еврейского национального очага» в Палестине был негативно встречен арабскими националистами, как и последовавший процесс покупки сионистами земель у арабов. Тем не менее, на данном этапе существовало стремление добиться мирного сосуществования двух народов на одной территории, разрешив спорные вопросы путем диалога [Рыбаков 1995–2008, с. 341–343, 344].

¹ 2 ноября 1917 г. лорд Артур Бальфур, министр иностранных дел Великобритании, в своем послании лорду Ротшильду, представителю Всемирной сионистской организации в Соединенном Королевстве, подтверждал поддержку правительством Его Величества создания «национального очага еврейского народа» в Палестине.

² Основана в августе 1897 г. по инициативе общественного и политического деятеля, идеолога политического сионизма Теодора Герцля, ставшего ее первым президентом.

Характер управления подмандатными территориями и тип их будущего административного устройства был определен не сразу. 12–24 марта 1921 г. в Каире прошла конференция британских специалистов по региону под председательством министра по делам колоний Уинстона Черчилля. Программа включала обсуждение будущего Ирака, Палестины, взаимоотношений с правителем Неджда Абдель Азизом ибн Саудом. Особое внимание было уделено Трансиордании, ставшей плацдармом антифранцузской и антисионистской деятельности арабских националистов [Аганин 2003, с. 71]. Ранее в том же месяце на ее территорию прибыл эмир Абдалла ибн ал-Хусейн, один из лидеров «великой арабской революции»³, с намерением собрать ополчение, проследовать далее на Дамаск. Участники конференции постановили предложить эмиру создать в Трансиордании администрацию и взять под контроль антифранцузские и антисионистские выступления⁴. Таким образом, страна превращалась в буфер между Палестиной и Ираком, вследствие чего достигался четкий раздел зон французского и британского влияния [Shlaim 2007, p. 21–22].

28–30 марта 1921 г. в Иерусалиме состоялись переговоры У. Черчилля и Абдаллы ибн ал-Хусейна, по итогам которых было заключено временное соглашение о создании в Трансиордании национального правительства во главе с эмиром, полной административной самостоятельности этого правительства и гарантиях финансовой помощи ему со стороны Великобритании в размере 180 тыс. фунтов стерлингов для укрепления безопасности страны. С этой же целью планировалось размещение в Аммане британской военной базы и аэродрома. Управление должно было осуществляться при участии британского Верховного комиссара в Палестине, как представителя мандатной власти⁵. К августу 1921 г. оформилось важное

³ Термин арабской историографии, характеризующий антитурецкое восстание 1916–1918 гг., инициированное правителем Хиджаза Хусейном ибн Али при поддержке Великобритании. Арабским ополчением руководили трое сыновей Хусейна: Абдалла, Фейсал и Али при помощи британских военных советников.

⁴ Conference on Middle Eastern affairs to meet in Cairo, March 1921; telegraphic communications: no. 1 Mr. W. Churchill to Colonial Office, 15 March 1921; telegraphic communications: no. 6 Mr. W. Churchill to Prime Minister, 18 March 1921; no. 9 Prime Minister to Mr. W. Churchill, 22 March 1921; no. 10 Mr. W. Churchill to Prime Minister, 23 March 1921. Records of Jordan. I. P. 298, 303–304, 306–308.

⁵ First, second and third conversations on Transjordan, 28 March, 1921. Records of Jordan. I. P. 323–331.

решение Великобритании отделить Трансиорданию от Палестины и был разработан 25-й параграф проекта мандата, позволивший отменить положения «декларации Бальфура» применительно к территории эмирата. 24 июля 1922 г. он был принят Советом Лиги Наций⁶.

Одним из направлений внешнеполитической деятельности правителя Трансиордании стало палестинское, основанное на стремлении монарха расширить свои владения на запад. Для этого имелся ряд существенных причин: Иерусалим с его древней историей и святынями ислама, выход к Средиземному морю, людские и экономические ресурсы. В ходе иерусалимской встречи с Черчиллем в марте 1921 г., эмир Абдалла высказал желание включить в число своих владений Палестину, и несмотря на то что получил недвусмысленный отказ⁷, никогда не оставлял попыток обрести желаемое путем тонкого диалога с тремя сторонами: Соединенным Королевством, сионистами и палестинскими арабами. По иронии судьбы, трансирданскому правителю оказалось куда сложнее договориться с палестинскими националистами, в большинстве своем не желавшими идти на диалог с союзником Великобритании, чем с лидерами еврейского сообщества Палестины, которые хотя и не видели необходимости отдавать себя во власть правителя-араба, тем не менее имели заинтересованность в обретении партнера в регионе.

Постепенно арабо-еврейское противостояние в Палестине усиливалось. К 1929 г. антиссионистские выступления получили политический антибританский оттенок, а вскоре против мандатных властей, обвинявшихся в пренебрежении правами палестинского арабского населения, начинают применяться террористические методы борьбы. Все политические партии и движения арабской Палестины в той или иной степени были ориентированы на сопротивление еврейской иммиграции и непризнание мандатных властей. Внутри этой общей идеологической канвы, разворачивалось политическое противостояние двух крупных кланов – Хусейни и Нашашиви. Результатом их борьбы за влияние стало то, что в определенный момент успехи сионистских лидеров в деле объединения еврейской палестинской общины, а также формирования государственных и военных структур, начали существенно превосходить достижения арабов на соответствующих направлениях [Ланда 2016, с. 41–42].

⁶ Minutes of League of Nations meeting on Palestine mandate, 16 September 1922. Records of Jordan. I. P. 613–614.

⁷ First conversation on Transjordan, 28 March, 1921. P. 325.

Непримиримым противником экспансионистских планов Абдаллы ибн ал-Хусейна выступил лидер палестинских националистов, иерусалимский муфтий Хадж Амин ал-Хусейни, возглавлявший Высший исламский совет Иерусалима. В апреле 1936 г. он был избран главой Высшего арабского комитета Палестины, ставшего руководящим органом национального арабо-палестинского движения. Политическим оппонентом муфтия и сторонником интересов эмира Абдаллы выступала Партия национальной обороны (ар. *Хизб ад-Дифа' ал-Ватаний*), созданная в декабре 1934 г. Структуру возглавил один из крупнейших землевладельцев Палестины Рагиб ан-Нашашиби⁸. Первой масштабной акцией Комитета стала всеобщая забастовка арабского населения Палестины в знак протеста против политики мандатных властей и роста еврейской иммиграции. Следуя необходимости снизить напряженность обстановки, Великобритания инициировала совместное обращение 9 октября 1936 г. четырех арабских монархов: королей Ирака, Саудовской Аравии, эмира Трансиордании и имама Йемена к Высшему арабскому комитету. Оно содержало призыв прекратить забастовку и восстание, полагаясь на «благие намерения нашего друга – правительства Великобритании», подкрепленный обещанием продолжать поддержку палестинских арабов. Инициатива имела успех и уже 11 октября забастовка прекратилась⁹.

В том же 1936 г. британское правительство направило в Палестину специальную комиссию во главе с лордом Пилем в целях исследования положения дел на месте. 22 июня 1937 г. был опубликован доклад по итогам ее работы, признавший неэффективность британской политики и рекомендовавший раздел Палестины на два государства: арабское и еврейское, при этом объединив арабскую часть Палестины с Трансиорданией¹⁰. Доклад вызвал новый всплеск восстания палестинских арабов, достигшего своей кульминации в середине 1938 г. Хадж Амин ал-Хусейни категорически отверг право на существование еврейского государства и выдвинул идею образования единого арабского государства на всей территории Палестины [Соколов 1978, с. 11].

Поскольку арабо-еврейское противостояние переросло в недовольство мандатными властями, британская политика на этом

⁸ British Consulate General, Jerusalem, 5 November 1949. Summary of events in Arab Palestine, October 1949. Records of Jordan. VI. P. 285–286.

⁹ Extract from Palestine political summary no. 3, 13 October 1936. Records of Jordan. IV. P. 479–480.

¹⁰ “Palestine commission report”; summary of report of Palestine Royal Commission, June 1937. *Ubid.* P. 591–626.

направлении подверглась пересмотру. В ноябре 1938 г. правительство Соединенного Королевства опубликовало заявление о политике в Палестине, основанной на отказе от принципа раздела, и пригласило представителей арабов Палестины, соседних стран и евреев к участию в конференции для обсуждения будущего Палестины, которая началась в Лондоне 7 февраля 1939 г. Однако предпринятые шаги имели обратный эффект и повлекли дальнейшее ухудшение отношений западной державы как с арабами, так и с сионистами. Предложенный на Лондонской конференции проект федеративного государства был отвергнут и Хаджем Амином ал-Хусейни, представлявшим палестинских арабов, и еврейскими делегатами [Shlaim 1988, p. 68–69]. Публикация 17 мая 1939 г. так называемой Белой книги, подчеркивавшей необходимость ограничения потока еврейской иммиграции в Палестину¹¹, встретила негодование еврейского сообщества. События Второй мировой войны и холокоста сделали эту идею нереализуемой.

После Второй мировой войны произошел целый ряд значительных изменений, отразившихся на будущем Ближневосточного региона. Благодаря вовлеченности Трансиордании в боевые действия, Абдалле ибн ал-Хусейну удалось значительно укрепить свои позиции на международной и региональной политической арене. В то же время Хадж Амин ал-Хусейни, разочаровавшись в британской политике в Палестине, выступил в годы войны на стороне противницы Соединенного Королевства – фашистской Германии¹². Этим он серьезно дискредитировал себя не только в глазах мирового сообщества и Великобритании, но и части палестинских арабов, симпатии которых теперь обратились к эмиру Абдалле.

Ослабление европейских держав и Великобритании способствовало выдвиганию в лидеры капиталистического мира Соединенных Штатов Америки, которые начали планомерное расширение своего экономического и военно-политического влияния. Не менее прочные позиции занял Советский Союз, как государство, сыгравшее решающую роль для победы. Его стремление к формированию мировой социалистической системы, и практические шаги в направлении создания блока идеологических союзников, вызывали все большие опасения политических кругов Велико-

¹¹ Lords Sitting of 23 May 1939 Series 5 Vol. 113 // UK Parliament [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/lords/1939/may/23/palestine> (date of reference 10 Jan 2012).

¹² Эмигрировав в Германию в 1939 г., он вел агитационную деятельность в поддержку «держав оси», и руководил рекрутированием добровольцев-мусульман для особой дивизии в Югославии.

британии и США. Внешнеполитическая линия Соединенного Королевства постепенно адаптировалась к новому положению государства, период колониального могущества которого остался в прошлом. С учетом новой международной обстановки и сложной экономической ситуации внутри страны, Великобритания не могла и далее нести огромные расходы, обеспечивавшие сохранение ее контроля на всех пространствах империи [Abadi 1982, p. 5–9, 11].

В конце 1940-х гг. проблема арабо-еврейского противостояния в Палестине, достигла своей кульминации, и на десятилетия стала фактором, определяющим ближневосточную политику всех уровней. Ситуация к западу от р. Иордан ухудшалась год от года. В феврале 1947 г. Великобритания обнародовала своё решение отказаться от мандата, в силу неспособности остановить эскалацию конфликта, и заявила о готовности передать на рассмотрение ООН вопрос о дальнейшей судьбе Палестины. 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 181 (II) об образовании двух независимых государств – еврейского и арабского, которым отводилось, соответственно, 56 и 43% бывшей подмандатной территории. Иерусалим должен был получить особый статус и перейти под международный контроль. Сроком окончания мандата, а вместе с ним и вывода британских вооруженных сил, называлось 1 августа 1948 г. Независимость обоих государств требовалось провозгласить не позднее 1 октября 1948 г. Окончательную демаркацию границ надлежало провести специально созданной Палестинской комиссии ООН¹³.

Однако в дальнейшем события развивались по иному сценарию. С момента принятия резолюции Палестину захлестнула волна арабо-еврейских столкновений, в которой плохо организованные силы арабского сопротивления потерпели сокрушительное поражение, и поток беженцев устремился в соседние страны. В апреле 1948 г. британское правительство назвало сроком окончания мандата на Палестину 14 мая того же года. Лига арабских государств выступила категорически против положений резолюции ООН 181 (II), и 29 апреля 1948 г. Политический комитет организации постановил, что арабские страны должны подготовить свои войска к вторжению в Палестину 15 мая – на следующий день после истечения срока британского мандата. В ночь с 14 на 15 мая

¹³ Резолюция № 181 (II) Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.: «Будущее правительство Палестины» // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/040/42/IMG/NR004042.pdf?OpenElement> (дата обращения 17 мая 2017).

1948 г., в Тель-Авиве, Временное консультативное правительство еврейско-палестинского сообщества провозгласило создание государства Израиль. На следующий день объединенные войска стран-членов ЛАГ: Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Трансиордании и Саудовской Аравии, вступили на территорию Палестины, начав боевые действия против отрядов «Хаганы» – вооруженных сил еврейского государства. Главнокомандующим войсками ЛАГ был назначен король Абдалла.

Отказ от мандата не означал, что Великобритания оставила политическую линию, сформулированную еще в «декларации Бальфура»: поддержка создания национального очага для еврейского народа при одновременном уважении гражданских и религиозных прав нееврейских общин Палестины. Соединенное Королевство стремилось реабилитировать себя перед арабами, одновременно поддерживая другого союзника – Израиль. В глазах региональной общественности такая политика выглядела двойственной и воспринималась с негодованием. Трагедия в Дейр Ясине¹⁴ и другие последовавшие за ней факты гибели мирного населения от рук израильских военных, спровоцировали шквал критики в адрес Великобритании, не сумевшей обеспечить защиту прав и жизней палестинцев. Сохранению британского присутствия в регионе наилучшим образом удовлетворяло скорейшее достижение мирного сосуществования евреев и арабов в рамках тех или иных административных единиц, которые могли быть созданы на основе Плана раздела Палестины ООН [Гулынская 2017, с. 61–62].

Первая арабо-израильская война продолжалась до 23 марта 1949 г. Израилю удалось расширить свою территорию на 6,7 тыс. кв. км и установить контроль над западной частью Иерусалима. Восточный Иерусалим и Западный берег р. Иордан оказались под контролем Трансиордании, сектор Газа – Египта. Война завершилась заключением двусторонних перемирий между Израилем и соседними арабскими странами: Египтом, Ливаном, Сирией. Подписание соответствующего соглашения с Трансиорданией состоялось 3 апреля 1949 г. на о. Родос. Документом, в частности, признавалось право на установление власти короля Абдаллы в центральной Палестине [Аганин 2003, с. 80].

Арабо-еврейское противостояние в Палестине несомненно стало ключевой причиной утраты Великобританией своего престижа

¹⁴ 9 апреля 1948 г. в результате нападения еврейских нерегулярных военных формирований на арабскую деревню Дейр Ясин были убиты, по разным оценкам, от 150 до 254 мирных жителей, в том числе женщин, детей и стариков.

и влияния в арабском мире: поддержка, оказанная Соединенным Королевством еврейской иммиграции, и провал всех попыток привести конфликтующие стороны к согласию, нанесли непоправимый урон облику этой западной державы в восприятии региональной общечеловечности. Главными виновниками поражения в Первой арабо-израильской войне население арабских стран назвало правящие режимы, преследовавшие собственные цели в ущерб делу защиты Палестины. Великобритания открыто обвинялась в поддержке создания государства Израиль и пренебрежении интересами арабов Палестины. Ярко выраженные антибританские, антисионистские настроения населения арабских стран в 1930–1970 гг., в совокупности с популярной в те годы идеей арабского национализма, сделали невозможным тесное сотрудничество с Великобританией какого-либо регионального государства.

Литература

- Аганин 2003 – Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания / Отв. ред. В.А. Исаев; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. М.: Асти-издат, 2003. 412 с.
- Гулынская 2017 – Гулынская Е.В. Иордано-британские отношения в контексте региональной политики 1946–1957 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 153 с.
- Ланда 2016 – Ланда Р.Г. История Иордании: XX век / Ред. М.С. Баландин; Ин-т востоковедения РАН. М.: Изд-во МБА, 2016. 248 с.
- Рыбаков 1997–2008 – История Востока. Т. 4, кн. 2 / Редкол.: Р.Б. Рыбаков [и др.]; Ин-т востоковедения. М.: Восточная лит., 1995–2008. 574 с.
- Соколов 1978 – Соколов Д. Палестинская трагедия и истоки палестинского движения сопротивления (1917–1949 гг.) // Палестинский сборник / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский; Акад. наук СССР. Л.: Наука, 1978. Вып. 26 (89). С. 3–21.
- Abadi 1982 – Abadi J. Britain's withdrawal from the Middle East, 1947–1971: the economic and strategic imperatives. Princeton: The Kingdon Press, 1982. 283 p.
- Shlaim 1988 – Shlaim A. Collusion across the Jordan: King Abdullah, the Zionist movement, and the partition of Palestine. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1988. 676 p.
- Shlaim 2007 – Shlaim A. Lion of Jordan: the life of king Hussein in war and peace. L.: Penguin Books, 2007. 697 p.

References

- Abadi, J. (1982), *Britain's withdrawal from the Middle East, 1947–1971: the economic and strategic imperatives*. The Kingdon Press, Princeton, USA.
- Aganin, A.R. and Solovieva, Z.A. (2003), *Sovremennaya Iordaniya* [Modern Jordan]. Asti-izdat, Moscow, Russia.

- Goulynskaya, E.V. (2017), *Iordano-britanskie otnosheniya v kontekste regional'noi politiki 1946–1957 gg.* [Jordanian-British relations in the context of regional politics during 1946–1957]: Ph.D. Thesis, History, Moscow, Russia.
- Landa, R.G. (2016), *Istoriya Iordanii. XX vek* [History of Jordan. 20th century]. MBA, Moscow, Russia.
- Rybakov, R.B. (1995–2008), *Istoriya Vostoka* [History of the East], vol. 4, part 2. Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Shlaim, A. (1988), *Collusion across the Jordan: King Abdullah, the Zionist movement, and the partition of Palestine*. Columbia University Press, New York, USA.
- Shlaim, A. (2007), *Lion of Jordan: the life of king Hussein in war and peace*. Penguin Books, London, UK.
- Sokolov, D. (1978), “Palestinian tragedy and the origins of Palestinian resistance movement (1917–1949)”, in Piotrovskii, B.B., ed., *Palestinskii sbornik* [Palestinian anthology], vol. 89, issue 26, Nauka, Leningrad, USSR, pp. 3–21.

Информация об авторе

Елена В. Гулынская, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; evgoulynskaya@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Goulynskaya, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq, Moscow, Russia, 125993; evgoulynskaya@yandex.ru

УДК 324

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-89-98

Механизм ограничения электоральной конкуренции между российскими политическими партиями

Анатолий В. Курочкин

*Набережночелнинский институт (филиал) Казанского федерального
университета, Набережные Челны, Россия, kurochkin.tolik@bk.ru*

Аннотация. В статье исследованы особенности процесса институционализации политических партий, которые стремятся принять участие в федеральных и региональных выборах. Особое внимание уделено ограниченной электоральной конкуренции. Оригинальность статьи заключается в том, что в ней выявлены негативные тенденции развития институциональных рамок как в партийной, так и в избирательной системах, сложившихся в Российской Федерации. Автор отмечает, что институциональная основа в применении на выборах некоторых политических технологий отрицательно сказывается на субъективных партийных правах, а также на возможностях самих членов политических партий.

Ключевые слова: политическая партия, политическая институционализация, политический институт, партийная система, политические технологии, выборы, российские политические партии

Для цитирования: Курочкин А.В. Механизм ограничения электоральной конкуренции между российскими политическими партиями // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 89–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-89-98

The limitations mechanism of electoral competition between Russian political parties

Anatoly V. Kurochkin

*Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russia; kurochkin.tolik@bk.ru*

Abstract. In this article, the author researches into the features of the process of institutionalization process of political technologies that are used by parties in federal and regional elections. The author paid special attention to limited electoral competition.

© Курочкин А.В., 2020

The originality of the article lies in the fact that it reveals negative trends in the development of the institutional framework both in the party and in the electoral systems that have developed in the Russian Federation. The author notes that the institutional basis for the application of certain political technologies during elections negatively affects the subjective party rights, as well as the capabilities of the participants of political parties themselves.

Keywords: political party, political institutionalization, political institution, party system, political technologies, elections, Russian political parties

For citation: Kurochkin, A.V. (2020), "The limitations mechanism of electoral competition between Russian political parties", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International relations" Series*, no. 1, pp. 89–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-89-98

Существование в рамках одной системы нескольких партий неизбежно приводит к политической конкуренции по различным вопросам, в том числе по работе с электоратом. Если избирательный процесс служит основным способом легитимации власти, равно как и партийное участие в нем, то соперничество между организациями, которые получили возможность контактировать с избирателями, должна строиться на принципах электоральной конкуренции [Трегубов 2016; Шапиро 2001].

Однако электоральная конкуренция может возникать далеко не только между политическими партиями. Это зависит от особенностей национальной избирательной системы, от влияния партийных структур на власть и на электорат. Тем самым в качестве участников, между которыми возникает электоральная конкуренция, могут выступать как отдельные лица, так и группы (малые и большие), в том числе избирательные блоки и союзы.

В силу такого широкого понимания термина «электоральная конкуренция» соперничество между партиями на выборах традиционно рассматривают в плоскости предметной (или межпартийной) конкуренции [Куценко 2004; Медведева 2012]. Как и в экономическом, так и в политическом плане подобная разновидность конкуренции позволяет установить, кто является субъектом электорального процесса, каковы его предпочтения и ресурсы, способствующие получению голосов избирателей.

Однако на базе такого подхода актуализируется другая классификация электоральной конкуренции в зависимости от ее структуры. В силу этого на политическом рынке могут возникать: чистая (совершенная) электоральная конкуренция, монополистическая и олигополистическая формы конкуренции [Гончаров 2008, с. 51].

Процируя рассматриваемое понятие на российскую политическую систему, исследователи констатируют наличие как общих, так и специальных признаков ограниченной электоральной конкуренции. Так, к первой группе относятся явления и процессы, характерные для любой системы с так называемой контролируемой демократией. К их числу традиционно относят [Мурашева 2010; Дюгурова 2009]:

- значительное влияние (вмешательство) органов исполнительной власти в электоральные процессы;
- зависимость от бюрократических структур институтов, отвечающих за организацию и проведение выборов;
- чрезмерная зависимость политических партий от регистрационных процедур, в том числе для получения права на участие в определенных выборах;
- неопределенный объем административного контроля над партийной деятельностью, в том числе в области имущества и финансов, необходимых для реализации электоральных функций;
- ограниченная возможность партий оспаривать решения власти, в том числе по вопросам собственной деятельности.

Специальные признаки ограниченной электоральной конкуренции демонстрируют особенности, свойственные определенной избирательной системе, сложившейся в стране. Тем самым они формируют уникальный облик электоральных процессов, происходящих в каждом отдельно взятом государстве. В этом плане Российская Федерация представляет собой богатый эмпирический пласт, характеризующий электоральную конкуренцию по ограниченному типу.

Впрочем, наличие регистрации вовсе не означает, что политическая партия сможет составить электоральную конкуренцию. В силу изменений, происшедших в партийной системе Российской Федерации за 2012–2014 гг., количество зарегистрированных партий значительно увеличилось (до 77 – в 2014 г., до 61–63 партий – в 2019 г.).

Одновременно с этим ужесточились условия допуска партийных организаций до выборов – как федеральных, так и региональных. Среди существенных ограничений следует выделить:

- необходимость прохождения так называемого муниципального фильтра, выражающегося в обязанности большинства партий, претендующих на регистрацию избирательными комиссиями субъектов федерации, собирать подписи муниципальных депутатов и избранных глав муниципальных образований (от 5 до 10% с распределением голосов по территориям и обязательным нотариальным заверением);

- сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения партии на выборы, при этом наблюдается чрезмерная зарегулированность данной процедуры со стороны органов, отвечающих за организацию избирательного процесса (определен даже цвет пасты для авторучек, при помощи которых заполняются подписные листы, введены запреты на использование сокращений мест проживания избирателей и т. п.);
- сложные и противоречивые правила агитации с сокращенными сроками, приходящимися преимущественно на период, когда избиратели отсутствуют в месте постоянного жительства (летние месяцы, начало осени);
- ограничительные требования к открытию и использованию банковских счетов, необходимых для финансирования партийных действий на выборах;
- усеченная возможность оспаривания партиями отказов в регистрации на выборах, при этом осложненная короткими сроками и неустоявшейся доказательственной базой, которую суды могут признать в качестве основания для удовлетворения партийных жалоб;
- введение так называемой федеральной квалификации для партий, представленных в Государственной думе Российской Федерации либо в региональных законодательных собраниях. Тем самым «парламентские партии» получили преференцию в виде отсутствия обязанности по сбору подписей избирателей.

Традиционно в экономической теории причины ограничения конкурентной среды сводятся к двум группам [Гордеев 2007, с. 111; Ведин 2007]:

- 1) факторы, вызванные публично-правовыми образованиями (государством, муниципальным образованием);
- 2) факторы, спровоцированные непосредственными участниками рынка (компаниями, предпринимателями, деловыми ассоциациями).

Аналогичным образом строится механизм ограничения электоральной конкуренции в политической системе, но с определенной спецификой. В частности в отличие от экономических отношений, государство и участники электоральных процессов могут сражаться, представляя собой в сущности единый субъект. Таковым в современной российской политической системе является доминирующая партия, которая обладает не только большинством депутатских мандатов в федеральном и региональных парламентах, но и осуществляет кадровый контроль над органами, олицетворяющими другие ветви власти.

В связи с этим мнения исследователей расходятся. Одни полагают, что подобная связь между так называемой партией власти и государственными институтами не имеет очевидного характера [Саква 2015]. Например, обратный эффект в виде административного контроля за партийной политикой отмечает И.И. Назаров [Назаров 2014]. Паритетный характер подобной взаимосвязи оценивает Э.А. Кочкарова [Кочкарова 2019]. Представители теории элит вовсе не акцентируют внимание на партийно-политической форме, сводя рассматриваемые отношения к межличностным властным особенностям [Гильманов 2017].

В институциональном значении факт первостепенности – партии или кадров – не имеет принципиального значения. Как со стороны законодательного органа, так и в плоскости деятельности специальных органов исполнительной власти партийные организации подвергаются одинаковому ограничительному воздействию. Принимая очередные поправки в действующее законодательство, Федеральное Собрание РФ продолжает наделять Министерство юстиции РФ широкими полномочиями по трактовке условий существования политических партий. Это выражается в целом комплексе подзаконного (преимущественно ведомственного) нормотворчества, направленного на установление дополнительных ограничений в регистрации партийных структур, а также в их допуске к избирательному процессу.

Подобная монополизация политической системы имеет естественный характер [Никитина 2005]. Любая доминирующая корпорация будет стремиться к устранению конкурентов. Примечательно, что в экономической теории признается факт заинтересованности к ограничению конкуренции со стороны так называемых компаний-аутсайдеров [Васильев, Воробьев 2008, с. 132].

В политической плоскости наблюдается схожая картина, когда партии, обладающие парламентскими местами, легитимируют властные решения, направленные на ограничение электоральной конкуренции. Примером этого может служить голосование в Государственной думе РФ за законопроект по введению «муниципального фильтра» на региональных и местных выборах. Помимо фракции «Единая Россия», данный документ поддержали и депутаты от КПрФ (против выступили депутаты от фракции ЛДПР и от партии «Справедливая Россия»)¹.

Суть указанного ограничения сводится к обязанности кандидатов (в том числе партий), претендующих на участие в региональных

¹ «КПрФ ополчилась на муниципальный фильтр» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2019-03-18/3_7533_kprf.html (дата обращения 06 июля 2019).

и местных выборах, собрать подписи депутатов муниципальных представительных органов и избранных глав муниципальных образований в количестве от 5 до 10%. Точную цифру устанавливает субъект Российской Федерации в своем избирательном законодательстве. Учитывая тот факт, что большинство мест в муниципальных представительных органах принадлежит депутатам от партии «Единая Россия», возникает противоречивое правило: доминирующая партия определенным образом дает согласие на участие в выборах своим конкурентам².

Подобный шаг был вызван либерализацией партийной системы за счет снижения в 2012 г. регистрационных требований (по количеству региональных отделений, по численности партийных членов и т. п.). Вследствие этого зарегистрированных партий в Российской Федерации стало больше, что подразумевало усиление их конкуренции на выборах. Однако практически одновременное ужесточение избирательного законодательства как на федеральном, так и на региональном уровнях повлекло фактическую невозможность реализации партийных прав и свобод. Примечательно, что пострадавшими от данной политической технологии стали кандидаты от КПРФ, голосовавшие за введение «муниципального фильтра»³.

Таким образом, ограничение электоральной конкуренции происходит как в интересах правящей партии, так и с согласия конкурирующих парламентских партий, вынужденных идти по коалиционному пути в целях достижения общих политических целей.

Если представлять выборы как одну из форм политического рынка, то его ключевые игроки, подобно экономическим акторам, стремятся закрепить собственное положение и установить дополнительные барьеры для «входа» других конкурентов. При этом подобная технология выражается как в институциональных условиях [Зазнаев 2005], так и в политических установках, направленных на низовой уровень (т. е. муниципальные образования).

Желание стабилизировать политическую обстановку в стране сродни желанию экономических доминант упорядочить уровень цен на рынке определенного товара или услуги. В условиях ограниченной конкуренции электорату предлагаются лишь те полити-

² «Муниципальный фильтр преодолели меньше половины» [Электронный ресурс]. URL: <http://journalufa.com/12441-municipalnuy-filtr-preodoleli-menshe-poloviny.html> (дата обращения 06 июля 2019).

³ «КПРФ помогут пройти муниципальный фильтр на президентских выборах в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/135216> (дата обращения 06 июля 2019).

ческие партии, чьи программы при прочих равных условиях могут уступать другим политическим предложениям. Тем самым избиратель вынужден приобрести тот «политический товар», который имеется в наличии, либо отказываться от участия в его приобретении (в виде снижения явки на выборах).

Вместе с тем, если следовать постулатам экономической теории, в ситуации ограниченной конкуренции могут быть заинтересованы все участники [Карибов 2012, с. 77]. Эта специфика возникает в условиях «рецессии», влекущей снижение спроса на товар (услугу) [Петров 2006; Бородин 2005]. При сохранении производственных мощностей на прежнем уровне неизбежна ситуация, когда участники рынка начинают согласованные действия в пользу необходимости «замораживания» цен. Именно такая мотивация движет политическими партиями, соглашающимися с появлением новых ограничений в электоральном процессе. Однако лишь сравнительно небольшая доля из них, не участвуя в законотворческой деятельности, вынуждена следовать тем институциональным рамкам, которые устанавливают крупные игроки политического рынка.

Это объясняет статистику ЦИК РФ о непропорциональном соотношении количества партий, имеющих право принимать участие в федеральных и региональных выборах, с партиями, которые в результате получают регистрацию на таких выборах. Даже в плоскости тех, кто желает стать игроком в избирательном процессе, оказывается довольно малое число партийных организаций, которые подают заявление в ЦИК РФ или в центральные избирательные комиссии субъектов РФ (25 из 75 – в 2016 г. на федеральных парламентских выборах, 12 из 61 – в 2019 г. на парламентских выборах в Республике Татарстан [Зазнаев, Гарипов 2012]).

Получается, что ограниченная электоральная конкуренция строится, не нарушая принципов, обозначенных в Конституции и в отраслевом законодательстве. В российских условиях она приобретает исключительно административно-бюрократический оттенок [Зазнаев, Гарипов 2012], предопределяющий возможность органов, отвечающих за организацию избирательного процесса, создавать и применять правила, препятствующие партиям становиться участниками конкурентной политической среды.

Первичное ограничение возможностей по участию в выборах происходит при обращении к сущности категории «политическая партия». В российской институциональной среде данное понятие всегда имело неоднозначный характер. Так, несмотря на признаки общественного объединения, партии понимались и в качестве специальных субъектов избирательного процесса, и как равноправ-

ные структуры на фоне других избирательных блоков и союзов. Поэтому введение обязательной государственной регистрации для организаций, претендующих на статус политической партии, служит ключевым ограничением предполагаемой электоральной конкуренции.

Литература

- Бородин 2005 – *Бородин К.Г.* Современные агропродовольственные рынки: конкуренция, интеграция, регулирование: Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 345 с.
- Васильев, Воробьев 2008 – *Васильев Е.П., Воробьев И.Н.* Совершенная конкуренция и монополия: теоретические пределы // Современная конкуренция. 2008. № 2 (8). С. 130–135.
- Ведин 2007 – *Ведин Н.В.* Диалектика сотрудничества и конкуренции в хозяйственной эволюции общества: Дис. ... д-ра экон. наук. Казань, 2007. 286 с.
- Гильманов 2017 – *Гильманов В.В.* Методы исследования современных российских партий как механизмов электорального рекрутирования правящих элит и лидеров // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 172–182.
- Гончаров 2008 – *Гончаров Л.А.* Современная межпартийная конкуренция в политической практике России и Германии. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2008. 137 с.
- Гордеев 2007 – *Гордеев В.А.* Конкуренция и ее развитие: политэкономический аспект: Дис. ... д-ра экон. наук. Иваново, 2007. 298 с.
- Дюгурова 2009 – *Дюгурова А.И.* Теоретический инструментарий анализа партийных систем // Система ценностей современного общества. 2009. № 8. С. 33–38.
- Зазнаев 2005 – *Зазнаев О.И.* Политическая институционализация: концептуальный анализ // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2005. № 4. С. 70–73.
- Зазнаев, Гарипов 2012 – *Зазнаев О.И., Гарипов Р.Ф.* Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 156–159.
- Карибов 2012 – *Карибов А.П.* Постиндустриальные перспективы развития конкуренции и монополии // Власть. 2012. № 8. С. 76–79.
- Кочкарова 2019 – *Кочкарова Э.А.* Некоторые вопросы взаимодействия органов государственной власти и политических партий // Modern Science. 2019. № 4-1. С. 201–206.
- Куценко 2004 – *Куценко А.Г.* Межпартийная политическая конкуренция (российский и международный опыт): Дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 165 с.
- Медведева 2012 – *Медведева В.К.* Политическая конкуренция и избирательный процесс // Вопросы политологии. 2012. № 2 (6). С. 44–49.

- Мурашева 2010 – *Мурашева Е.Е.* Политический центр в партийных системах разного типа // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. № 1. С. 77–89.
- Назаров 2014 – *Назаров И.И.* «Партия власти»: системный анализ представительства в государственных органах власти // Про пунс. Современные политические процессы. 2014. № 1 (13). С. 24–38.
- Никитина 2005 – *Никитина Н.Н.* Дialeктика конкуренции и монополии: Дис. ... канд. экон. наук. Уфа, 2005. 190 с.
- Петров 2006 – *Петров М.А.* Стратегия развития конкуренции в банковском секторе экономики: Дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 2006. 418 с.
- Саква 2015 – *Саква Р.* Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // Политическая наука. 2015. № 1. С. 60–72.
- Трегубов 2016 – *Трегубов Н.А.* Конкуренция на выборах и мотивы голосования: дискурс и практика // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. № 10. С. 328–352.
- Шапиро 2001 – *Шапиро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 54–64.

References

- Borodin, K.G. (2005), “*Modern agri-food markets. Competition, integration, regulation*”, D. Sc. Thesis, Economics, Moscow, Russia.
- Dyugurova, A.I. (2009), “Theoretical tools for analyzing party systems”, *Sistema tsennoستي sovremennogo obshchestva*, no. 8, pp. 33–38.
- Gilmanov, V.V. (2017), “Methods of research of modern Russian parties as mechanisms for electoral recruitment of ruling elites and leaders”, *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, vol. 6, no. 2A, pp. 172–182.
- Goncharov, L.A. (2008), *Sovremennaya mezhpartiinaya konkurentsia v politicheskoi praktike Rossii i Germanii* [Modern interparty competition in the political practice of Russia and Germany], E.A. Bolkhovitinov Publishers, Voronezh, Russia.
- Gordeev, V.A. (2007), “*Competition and its development: the political and economic aspect*”. D. Sc. Thesis, Economics. Ivanovo, Russia.
- Karibov, A.P. (2012), “Post-industrial prospects of competition and monopoly development”, *Vlast*, no. 8, pp. 76–79.
- Kochkarova, E.A. (2019), “Some questions of the interaction of public authorities and political parties”, *Modern Science*, no. 4-1, pp. 201–206.
- Kutsenko, A.G. (2004), “*Inter-party political competition (Russian and international experience)*”. Ph.D. Thesis, Political Sciences. Moscow, Russia.
- Medvedeva, V.K. (2012), “Political competition and the electoral process”, *Voprosy politologii*, vol. 6, no. 2, pp. 44–49.

- Murashva, E.E. (2010), "Political center in party systems of different types", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*, no. 1, pp. 77–89.
- Nazarov, I.I. (2014), "The Party of Power". A system analysis of representation in state authorities", *Pro nunc: Sovremennye politicheskie protsessy*, vol. 13, no. 1, pp. 24–38.
- Nikitina, N.N. (2005), "*The dialectic of competition and monopoly*". Ph.D. Thesis, Economics, Ufa, Russia.
- Petrov, M.A. (2006), "*Strategy for the development of competition in the banking sector of the economy*". D. Sc. Thesis, Economics, Saratov, Russia.
- Sakwa, R. (2015), "The Party and Power in Modern Russia: Between Representation and Mobilization", *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 60–72.
- Shapiro, I. (2001), "Rethinking the theory of democracy in the light of modern politics", *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 54–64.
- Tregubov, N.A. (2016), "Election competition and voting motives: discourse and practice", *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika*, no. 10, pp. 328–352.
- Vasiliev, E.P. and Vorobiev, I.N. (2008), "Perfect competition and monopoly: theoretical limits", *Sovremennaya konkurenciya* [Journal of Modern competition], vol. 8, no. 2, pp. 130–135.
- Vedin, N.V. (2007), "*The dialectic of cooperation and competition in the economic evolution of society*". D. Sc. Thesis, Economics, Kazan, Russia.
- Zaznaev, O.I. (2005), "Political institutionalization: a concept analysis", *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni A.N. Tupoleva*, no. 4, pp. 70–73.
- Zaznaev, O.I. and Garipov, R.F. (2012), "Constitutional and legal issues of identity for several state bodies and officials with branches of power of the Republic of Tatarstan", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 4, pp. 156–159.

Информация об авторе

Анатолий В. Курочкин, кандидат юридических наук, доцент, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского федерального университета, Набережные Челны, Россия; Россия, 423812, Набережные Челны, пр. Сююмбике, д. 10А; kurochkin.tolik@bk.ru

Information about the author

Anatoly V. Kurochkin, Cand. of Sci. (Law), assistant professor, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia; bld. 10A, Syuyumbike Av., Naberezhnye Chelny, Russia, 423812; kurochkin.tolik@bk.ru

Научная дипломатия в войнах,
революциях и конфликтах:
философский и социополитический аспекты

Николай В. Литвак

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия jourfr@mail.ru*

Аннотация. Статья рассматривает научную дипломатию – относительно новое явление в международной практике, которое оформилось только в XXI в. с появлением как самого термина, так и подразделений МИД. Однако по существу все началось уже с организации первого в современном виде института дипломатической службы во Франции в начале XVII в., после чего дипломатию стало возможным определять как деятельность суверенных субъектов международных отношений с целью закрепления в договоре общих для договаривающихся сторон обязательств. В настоящее же время происходит переоценка этого исторического опыта и новое развитие подходов к роли и месту науки во внешней политике и дипломатии. Востребованность науки наиболее ярко проявляется в периоды войн и конфликтов, которые в разных формах не прекращаются и сегодня. Это обуславливает актуальность проблемы. При этом субъективная активность политиков и ученых сочетается с объективными, самостоятельно развивающимися процессами политической борьбы, что приводит к сложным сочетаниям взаимоотношений политики и науки.

Ключевые слова: наука, дипломатия, научная дипломатия, дипломатическая служба

Для цитирования: Литвак Н.В. Научная дипломатия в войнах, революциях и конфликтах: философский и социополитический аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 99–108. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-99-108

Scientific diplomacy in wars, revolutions, and conflicts. Philosophical and socio-political aspects

Nikolay V. Litvak

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia, jourfr@mail.ru*

Abstract. The article studies scientific diplomacy – a relatively new phenomenon which took shape only in 21st century with the invention of the term itself and the foundation of the relevant department in Ministry of Foreign Affairs. However in fact, it already started with the development of the modern form of the institute of diplomatic service in France in the beginning of the 17th century. That defined diplomacy as activity of sovereign subjects of international relations with the goal of fixating in an agreement of common duties between participants. Currently that historical experience is being reevaluated and new approaches to the role and place of science in the foreign affairs policies and diplomacy are being developed. The demand for science is most clearly manifested during periods of war and conflict, which in various forms do not end still today. That explains the topicality of the issue. At the same time, subjective activities of politicians and scientists coexists with objective self-developing processes of political struggle what leads to complicated pairing of relationships between politics and science.

Keywords: science, diplomacy, scientific diplomacy, diplomatic service

For citation: Litvak, N.V. (2020), “Scientific diplomacy in wars, revolutions, and conflicts. Philosophical and socio-political aspects”, *RGGU Bulletin. Series “Political Science, History, International Relations”*, no. 1, pp. 99–108. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-99-108

«Научная дипломатия» как термин и направление внешнеполитической деятельности современных держав с началом нынешнего тысячелетия становится все более популярной, если не сказать «модной», все чаще включаемой в дипломатический дискурс. Согласно действующей сегодня «Венской конвенции о дипломатических сношениях», *задачи* деятельности дипломатов за рубежом («функции дипломатического представительства», п. 1 ст. 3) состоят, в частности:

- а) в представительстве аккредитующего государства в государстве пребывания;
- б) в защите в государстве пребывания интересов аккредитующего государства и его граждан в пределах, допускаемых международным правом;

- с) в ведении переговоров с правительством государства пребывания;
- д) в выяснении всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщения о них правительству аккредитуемого государства;
- е) в поощрении дружественных отношений между аккредитуемым государством и государством пребывания и в развитии их взаимоотношений в области экономики, культуры и науки»¹.

Появление в последние годы *видов* дипломатии (культурной, экономической, научной, спортивной, «цифровой» и др.), оформляемых в соответствующих должностях и подразделениях МИД, относится к решению задач двух последних пунктов. В 2010 г. Американская ассоциация содействия развитию науки (в 2008 г. учредившая Центр научной дипломатии) и Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе сформулировали три основных направления научной дипломатии:

- «Наука в дипломатии» – помощь науки (пониманию и) достижению внешнеполитических целей;
- «Дипломатия для науки» – дипломатическое содействие международному научному сотрудничеству;
- «Наука для дипломатии» – использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений.

Американцы же сформулировали концепцию «научной дипломатии», как использование научного сотрудничества для установления связей с обществами в условиях отсутствия других, политических средств сближения, имея в виду прежде всего мусульманские страны [Шестопад, Литвак 2016].

В то же время, если определять современную дипломатию как деятельность суверенных субъектов международных отношений, государств с целью определения (посредством переговоров) и закрепления общих для договаривающихся сторон обязательств, оформляемых в дипломатическом документе («дипломе», договоре) [Литвак 2018], то вовсе не все действия ученых и политиков, имеющие какое-либо отношение к международной проблематике, можно считать дипломатическими. Ситуация в этом смысле очень похожа на таковую с «народной», «общественной» и прочей «дипломатией». Конечно, политики, решая свои задачи (взятия и удержания власти разными способами и в различных целях),

¹ Венская конвенция о дипломатических сношениях. 18 апреля 1961 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения 11 ноября 2014).

стремились мобилизовать, использовать для этого и ученых, как любую другую часть социума. Но собственно дипломатической следует считать только такую деятельность, которая непосредственно нацелена на новые договоры. Все остальное, включая сбор информации, необходимый для переговоров, обоснования своей позиции, понимания позиции контрагента и тем более сразу нескольких, осуществляется ради этой главной цели. Конечно, попутно дипломатам ставятся и ими решаются и другие задачи, раз уж государственные служащие являются экспертами по иностранным государствам и проводят там значительную часть своей, во всяком случае профессиональной, жизни. Но отход от этого строгого определения приводит к тому, что все чаще любой факт научного сотрудничества объявляется элементом научной дипломатии, как можно предположить, в угоду моде на инновации. Есть и другое объяснение этому обстоятельству – наличие явных или латентных конфликтов, многочисленных локальных войн, революций, в условиях которых едва ли не любой (но теперь уже не только научный) акт сотрудничества рассматривается как шаг к менее напряженной обстановке и называется «дипломатическим». Однако, в действительности, дипломатической является только деятельность дипломатов, поощряющих, в соответствии с подпунктом «е» процитированной ст. 3, дружественные отношения между аккредитуемым государством и государством пребывания, в том числе и в области науки.

Между тем, исследование известных событий и процессов позволяет сделать некоторые замечания относительно и других социально-политических и философских взглядов на отношения между наукой и дипломатией, выявить не всегда очевидные аспекты научной дипломатии или того, что под ней понимается. Прежде всего следует обратить внимание на то, что дипломатическая служба – это один из исполнительных органов государства, что ставит весьма четкие границы ее самостоятельного значения в определении внешней политики, а также в ее осуществлении. Дипломатические агенты – прежде всего исполнители поручений высшего политического руководства. Однако тем значительнее их роль, как экспертов по странам пребывания и международным отношениям в целом, в сборе и подготовке специфической внешнеполитической, дипломатической информации, учитываемой при выработке внешней политики государства (поскольку внешняя политика вообще – это только элемент основной, внутренней политики).

Наиболее востребованной наука оказывалась в периоды революций и войн. Революция 1789 г. оказала огромное и разноплановое влияние не только на саму Францию, но и на весь остальной

мир, который попытался поставить новую власть в международную изоляцию. В этих условиях представители французской науки и культуры осуществили большую теоретическую и практическую работу для снятия этой блокады и возобновления коммуникации с внешним миром, доступа к новинкам культурного и научного развития, и, наконец, для перехода французской дипломатии в наступление. Историками науки уже много написано по поводу того, кого считать ученым до современной институционализации науки. В данном случае, отметим только, что предложения, которые были выдвинуты теми или иными конкретными дипломатами, политиками, писателями и затем внедрены, носят очевидный научный характер, кто бы ни был их реальный или предполагаемый автор. После «термидорианского переворота» новыми властями были радикально изменены место и роль дипломатии и дипломата. Дипломат и ученый Ф.-Ж. Ноэль в 1794 г. обосновал необходимость создания в каждом французском диппредставительстве библиотеки по всем отраслям знаний (языки, история, география, путешествия, право, статистика, естественные науки, литература), чтобы повысить эффективность работы сотрудников². Решение центра, принятое при рассмотрении этой инициативы, носило куда более широкий характер: дипломатическим агентам было предписано в качестве *основной деятельности* активно *собирать* для Франции в зарубежных странах книги, предметы, культурные и научные данные, «...изучать средства, которые способствовали бы процветанию в ней наивысших знаний... открытия, которые способствуют развитию промышленности...» и т. д. [Martin 2012]. Во всех подразделениях МИД появились специалисты по вопросам экономики и культуры, а дипломаты за рубежом получили подробные вопросники³, составленные крупным ученым (в том числе получившим за книгу «Путешествие в Египет и Сирию» золотую медаль от Екатерины Второй) и политическим деятелем К.-Ф. Вольнеем. Новый республиканский дипломат теперь не только исполнитель поручений, переговорщик, но и «эксперт» по *национальным интересам*, на которых отныне должны основываться международные отношения, «просвещенный путешественник», глубоко знающий страну пребывания, собирающий

² Sur la nécessité d'une bibliothèque diplomatique sous chaque légation, mémoire remis par François Noël au commissaire des Relations extérieures, pour être communiqué à la Commission d'instruction publique, 14 floréal an II/3 mai 1794 / MAE, C.P. Venise, 251, fol. 165.

³ Volney C.-F. de Ch. *Questions de statistique à l'usage des voyageurs / Œuvres complètes de Volney*. Paris: Bossange. 1821. Vol. 6. P. 383–402.

надежные статистические данные и т. п., т. е., по существу, *ученый*-политолог, экономист, историк.

Французские философы, социологи, политологи, лингвисты смогли с самого начала революции поставить язык в центр *внутри-политической борьбы*, сделать его (употребление слов, стилистику) индикатором принадлежности к той или иной политической силе, а затем перенести эту проблематику и на международные дела. Руководители республиканского этапа революции настаивали на верховенстве разума в политике, а правильно размышлять означало, прежде всего, правильно говорить. За модель такого «правильного» французского языка были взяты научные языки медицины, химии, исследования природы. Внешняя политика и дипломатия были призваны распространять идеалы Республики, осуществлять, таким образом, цивилизаторскую миссию Франции в Европе⁴, воплощать концепцию верховенства французского языка, как универсального и доминирующего, которым пользуются остальные народы.

На этом революционном фоне один из крупнейших ученых своего времени (математик, физик, биолог, логик, этик, энциклопедист) – И. Кант выступил с радикальным концептуальным произведением, оказавшим влияние на последующие столетия. Показательно, что именно дипломаты новой Франции, непосредственно после выхода трактата «К вечному миру», обнаружили его, перевели с немецкого и одними из первых опубликовали (в 1796 г.) в научном, республикански ориентированном «Энциклопедическом журнале». Предложенная (прямо или косвенно) программа переустройства не только международных отношений, но и самих государств, обширна, если не сказать всеохватывающая, и основана на постулировании примата рационального (научного) подхода: «...естественное состояние... есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено»; «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским»; «...неопределенно международное право, установленное якобы на основе статутов по министерским проектам; в действительности оно есть слово, не подкрепленное делом, и покоится на договорах, содержащих уже в самом акте их заключения тайную предпосылку их нарушения»; «Если бы

⁴ *Chappey J.-L.* Entre communication et civilisation. Les langues et les dynamiques politiques entre République et Empire (1795-1808) [Internet]. URL: http://etudes-romantiques.ish-lyon.cnrs.fr/wa_files/Langues-Chappey.pdf (Accessed 09 June 2014).

по воле судеб какой-либо могучий и просвещенный народ имел возможность образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то такая республика служила бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы в соответствии с идеей международного права обеспечить, таким образом, свою свободу, и с помощью многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза»⁵ и т. д. Французские республиканцы продвигали кантовский тезис о «Европе народов» как обоснование мирного сосуществования республиканской нации с другими, которые пока таковыми не являются. Конечно, к тому, как затем Наполеон стал воплощать эту идею, И. Кант не имеет отношения. Но мы здесь показываем влияние ученого на развитие событий, а также потребность социума в обосновании, хотя, в частности Наполеон и его сторонники считали, что это они произвольно выбрали предлог, подходящий для их целей (как раз то, о чем Кант говорил в отношении современных ему дипломатов).

Через сто с небольшим лет история с международной изоляцией повторилась в отношении молодой советской республики. Основатель и первый лидер новой России В.И. Ленин выступил за самое широкое использование науки в интересах нового государства, включая возобновление международных научных связей, заложил основы ее качественно нового развития. Его «Набросок плана научно-технических работ» (апрель 1918 г.)⁶ [Ленин 1974], ставший основой для реорганизации деятельности Академии наук, декрет Совнаркома РСФСР об учреждении Научно-технического отдела при Высшем совете народного хозяйства (август 1918 г.)⁷, указание о создании Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) (1921 г.) и многие другие документы [Лапко, Люстерник 1970] свидетельствуют об осознании зависимости решения текущих и перспективных политических, экономических и социальных задач от степени вовлеченности в них науки. Сразу после революции, с началом Гражданской войны положение российских ученых стало близким к критическому, в течение нескольких лет многие из них просто не вынесли разного рода лишений и опасностей и умерли. Не сразу, но с 1920 г. для крупнейших специ-

⁵ *Кант И.* К вечному миру // Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 259–309.

⁶ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 228.

⁷ Декрет об образовании Научно-технического отдела при ВСНХ // Декреты Советской власти. Т. 3. М.: Политиздат, 1964. С. 212–213.

алистов удалось ввести натуральный академический паек, 500 из них – освободить от трудовой повинности и др. Кроме того, ввиду смены идеологической парадигмы, новая власть отдавала себе отчет, что для привлечения ученых к работе, тем более к сотрудничеству, с ними было необходимо только договариваться. И уже в начале 1918 г. Наркомпрос провел соответствующие переговоры с РАН, которые были длительными и непростыми, тем более, что требовалось нацелить науку на решение практических народно-хозяйственных задач и, в конечном счете, на социалистическое строительство. Итогом такой политики стало возобновление работы большим количеством ученых-естественников, которые, в свою очередь, предложили и внедрили такую, ставшую ведущей, форму организации науки, как научно-исследовательский институт (НИИ). И новая власть весьма быстро приступила к развитию их сети: с 1917 по 1922 г. число научно-исследовательских учреждений выросло втрое (правда, включая и новые – гуманитарного направления), их работа была поставлена на плановую основу. Также быстро росла численность научных кадров, тем более, что в 1925 г. была учреждена аспирантура. С началом еще Первой мировой войны резко сократились научные связи России с иностранной литературой, практически перестала поступать иностранная научная литература. В 1921 г. правительство издало специальный декрет об организации Центральной межведомственной комиссии по закупке и распределению иностранной литературы (Коминолит) при Наркомпросе с участием наркоматов внешней торговли и иностранных дел. Задачей Коминолита было «получение из-за границы всякого рода литературы, необходимой для РСФСР по всем отраслям знания, в первую очередь вышедшей начиная со второй половины 1914 г., сосредоточение всей заграничной литературы в соответствующих научных учреждениях и библиотеках, а также распределение и организацию рационального использования заграничной литературы всеми учреждениями и отдельными лицами»⁸. С введением нэпа эта комиссия была ликвидирована, но начатый процесс продолжился в новых формах. Также и сам ленинский переход к нэпу является результатом научного подхода к проблеме сохранения власти в конкретных условиях.

С началом Второй мировой войны критичность успехов ученых в гонке вооружений для самого существования стран достигла такого уровня, что власти были *вынуждены* отложить в сторону любые другие проблемы и сосредоточиться на всемерном содействии соответствующим научным усилиям. Это же относилось и к международному

⁸ Известия ВЦИК. 1921. 23 июня.

аспекту: дипломатия, разведка, общественные и личные контакты, все было подчинено одной цели – помогать своим ученым. Хотя собственно холодная война еще была впереди, проблемы атомного, а затем ракетного оружия уже решались в новых условиях, несмотря на то что будущие сверхдержавы-антагонисты были пока союзниками против общего врага. Конечно, Вторая мировая война и тем более холодная создали новые проблемы для международных связей Академии наук СССР. Однако в целом, все это время продолжался обмен научной литературой и контактами между учеными (в виде участия в научных форумах, стажировок и проч.). Новым стало осуществление совместных научных международных программ, самыми крупными и известными из которых стали совместный советско-американский полет «Союз–Аполлон» и создание совместной же орбитальной станции. Такой подход действует и сегодня: после крымских событий 2014 г. американцы, например, остановили долгосрочный совместный проект исследования Венеры. Но после использования личных связей между учеными двух стран НАСА возобновило сотрудничество, которое продолжается и теперь.

Таким образом, в периоды военно-политических конфликтов, войн, революций наука становится особенно востребованной политиками и ученые выступают соисполнителями новых подходов как к конкретным внешнеполитическим ситуациям, так и к международным отношениям и внешнеполитической деятельности государств в целом. Поскольку дипломатическая служба – это исполнительный инструмент государства, то ученые оказывают влияние и на нее. Современное развертывание инфраструктуры «научной дипломатии» в МИД и загранпредставительствах передовых в научном смысле стран представляет собой очередной подъем влияния науки на социум, международные отношения и дипломатию.

Литература

- Лапко, Люстерник 1970 – *Лапко А.Ф., Люстерник Л.А.* Ленин, наука и просвещение // Успехи математических наук. 1970. Т. 25, вып. 2 (152). С. 15–79.
- Литвак 2018 – *Литвак Н.В.* Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 163–172.
- Шестопал 2016 – *Шестопал А.В., Литвак Н.В.* Научная дипломатия: Опыт современной Франции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 106–114.
- Martin 2012 – *Martin V.* Les enjeux diplomatiques dans le Magasin encyclopédique (1795–1799): du rejet des systèmes politiques à la redéfinition des rapports entre les nations [Internet]. *La Révolution française*. 2012. No. 2. URL: <http://lrf.revues.org/610> (Accessed 25 Aug. 2014).

References

- Martin, V. (2012), “Les enjeux diplomatiques dans le Magasin encyclopédique (1795–1799): du rejet des systèmes politiques à la redéfinition des rapports entre les nations ” [Internet], *La Révolution française*, no. 2, available at: <http://lrf.revues.org/610> (Accessed 25 Aug. 2014).
- Lapko, A.F. and Lyusternik, L.A. (1970), “Lenin, science and enlightenment”, *Uspekhi matematicheskikh nauk*, vol. 25, no. 2, pp. 15–79.
- Litvak, N.V. (2018), “Modern diplomatic service as a reflexive institute”, *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 163–172.
- Shestopal, A.V. and Litvak, A.V. (2016), “Scientific diplomacy. Experience of modern France”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 5, pp. 106–114.

Информация об авторе

Николай В. Литвак, доктор социологических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76; jourfr@mail.ru

Information about the author

Nikolay V. Litvak, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119454; jourfr@mail.ru

Международные процессы в политике

УДК 327(477)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-109-121

Евроатлантический вектор в военной доктрине Украины в 1990 – начале 2019 г.

Александр С. Левченков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bohem2001@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы изменений в военной доктрине Украины в контексте евроатлантического вектора внешней политики Киева в постсоветский период. Военная доктрина соседнего государства является одним из документов, изменения в которых не просто отражают внешнеполитический курс, но и прямо влияют на геополитическую обстановку и баланс сил в регионе. Фиксация в военной доктрине новых целей и задач внешней политики закрепляет стремление трансформировать сложившуюся систему взаимоотношений между государствами, а включение в доктрину конкретных противников и исходящих от них угроз свидетельствует о повышении уровня нестабильности в международных отношениях.

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники свидетельствуют о том, что на протяжении большей части рассматриваемого периода Украина придерживалась концепции многовекторности, попытки отказа от которой в сторону евроатлантизма, тем не менее, несколько раз предпринимались в 2002–2010 гг. Евромайдан 2014 г. привел к власти сторонников евроатлантической интеграции, в результате чего новая военная доктрина Украины зафиксировала окончательный отказ от внеблокового статуса страны и высокий уровень напряженности в отношениях с Российской Федерацией и стала одним из препятствий созданию эффективной системы региональной безопасности.

Ключевые слова: внешняя политика, военная доктрина, евроатлантическая интеграция, НАТО, постсоветское пространство, региональная безопасность, Украина

Для цитирования: Левченков А.С. Евроатлантический вектор в военной доктрине Украины в 1990 – начале 2019 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 109–121. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-109-121

© Левченков А.С., 2020

Euro-Atlantic vector in the military doctrine of Ukraine in the 1990s – early 2019

Alexander S. Levchenkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bohem2001@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the main stages of changes in the military doctrine of Ukraine in the context of the Euro-Atlantic vector of Kiev's foreign policy in the post-Soviet period. The military doctrine of the neighboring state is one of the documents, changes in which not only reflect changes in the foreign policy, but also directly affect the geopolitical situation and the balance of power in the region. The fixation in the military doctrine of new goals and objectives of foreign policy reinforces the desire to transform the existing system of relations between states, and the definition in the doctrine of the opponents and threats emanating from them indicate an increase of the level of instability in the international relations.

Available sources bear evidence that for most of the period under review, Ukraine adhered to the concept of multi-vector approach, the attempts to abandon which towards Euro-Atlanticism, however, were made several times in 2002–2010. Euromaidan of 2014 brought to power the supporters of Euro-Atlantic integration, as a result of which the new military doctrine of Ukraine fixed the final rejection of the non-aligned status of the country and the high level of tension in relations with the Russian Federation and became one of the obstacles to the creation of an effective system of regional security.

Keywords: Euro-Atlantic integration, foreign policy, military doctrine, NATO, post-Soviet space, regional security, Ukraine

For citation: Levchenkov, A.S. (2020), Euro-Atlantic vector in the military doctrine of Ukraine in the 1990s – early 2019. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 109–121. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-109-121

Глубокий политический кризис в Украине в конце 2013 – начале 2014 г., вошедший в историю под названием «Евромайдан» и завершившийся в феврале 2014 г. отстранением от власти президента Виктора Януковича, привел к кардинальной коррекции внешнеполитического курса страны в сторону евроатлантизма. Данный разворот оказал существенное влияние на позиции ключевых акторов современных международных отношений и стал частью самого острого и продолжительного за весь постсоветский период обострения между Россией и Североатлантическим альянсом, по-

литику которого в отношении Москвы российское руководство в настоящее время классифицирует как «архаичные времён холодной войны концепции сдерживания, блоковой философии»¹.

Вопрос о военно-политической концепции независимой Украины был поднят украинскими политиками еще в период, непосредственно предшествовавший распаду Советского Союза. Так, в разделе «Внешняя и внутренняя безопасность» принятой Верховным Советом Украинской ССР 16 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Украины подчеркивалось, что ее внешняя политика будет основываться на принципах нейтралитета и внеблоковости, и страна будет обладать безъядерным статусом².

Хотя Декларация о государственном суверенитете не имела статуса конституционного акта, она, тем не менее, оказала большое влияние на содержание целого ряда последующих документов, касающихся, в том числе, внешней политики и военной доктрины Украины. Толчком к дальнейшему документальному оформлению военно-политической концепции украинской политической элиты послужила активизация процесса распада СССР после неудачной попытки путча в Москве 19–21 августа 1991 г. 24 августа 1991 г. Верховный Совет УССР принял решение о проведении Всеукраинского референдума по вопросу независимости. А уже 11 октября, не дожидаясь референдума, запланированного на 1 декабря, украинский парламент утвердил Концепцию обороны и строительства Вооруженных Сил Украины, в которой вновь подчеркивались безъядерный статус Украины, ее приверженность нейтральной, внеблоковой политике³.

В первые годы независимости при Леониде Кравчуке (1991–1994) Украина не имела сколько-нибудь оформленной военно-политической концепции или доктрины. Отчасти это объяснялось тем, что Североатлантический альянс не выработал четкого видения места и роли нового независимого государства в рамках своих геостратегических координат, Российская Федерация также не

¹ Путин заявил о важности отказа от холодной войны для решения конфликта РФ–НАТО [Электронный ресурс] // Интерфакс, 4 июля 2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/667825> (дата обращения 04 июля 2019).

² Декларация про державний суверенітет України [Электронный ресурс] // Законодавство України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/55-12> (дата обращения 02 июля 2019).

³ Постанова Верховної Ради України «Про Концепцію оборони та будівництва Збройних Сил України» [Электронный ресурс] // Законодавство України. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T165900.html (дата обращения 02 июля 2019).

определила в тот период свои координаты внешнеполитической активности на постсоветском пространстве, будучи занятой многочисленными внутренними проблемами. Наконец, сама украинская властная элита была в большей степени поглещена укреплением собственных позиций внутри страны.

В целом, на протяжении более чем двух десятилетий после распада Советского Союза, независимая Украина придерживалась сформулированной при втором украинском президенте Леониде Кучме (1994–2004) концепции многовекторности внешней политики – балансировании между Россией и Западом. Такая ситуация изначально устраивала и Россию, и США, которые в начале 1990-х гг. скоординированными усилиями добились отказа Киева от обладания ядерным арсеналом и присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия. Согласно Будапештскому меморандуму, подписанному Россией, США, Великобританией и Украиной 5 декабря 1994 г., последняя признавалась безъядерным государством, получившим совместные гарантии безопасности.

Однако вакуум, образовавшийся после распада советского блока в Центральной и Восточной Европе, а также отсутствие у России на протяжении 1990-х гг. внятной стратегии внешней политики, в том числе и в отношениях с соседними постсоветскими странами, привели к постепенной активизации политики США и НАТО в регионе.

Первая редакция военной доктрины Украины была принята 19 октября 1993 г. и подтверждала концепцию внеблоковости при проведении внешней и оборонной политики, а также статус безъядерного государства⁴. Обсуждение документа сопровождалось ожесточенными спорами украинских парламентариев, в среде которых уже тогда прослеживались признаки раскола по линии Запад–Юго-Восток. С одной стороны, столкнулись интересы группы депутатов, которые считали скороспелым и необдуманным согласие на отказ от тактического ядерного оружия. С другой – им противостояли представители Донецкой, Луганской и ряд других восточных областей Украины, по мнению которых трактовки безъядерного статуса страны были расплывчатыми, и в целом проект доктрины не исключал дальнейшего сближения Украины с НАТО⁵.

⁴ Постанова Верховної Ради України «Про Воєнну доктрину України» від 19 жовтня 1993 року № 3529-ХІІ [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3529-12> (дата обращения 02 июля 2019).

⁵ Военная доктрина Украины не принята: Парламентарии остались недовольны проектом [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/46084> (дата обращения 02 июля 2019).

Показательно, что в июле 1993 г. Верховная Рада утвердила «Основные направления внешней политики Украины». В документе подчеркивалось, что в рамках развития двусторонних связей с приграничными государствами наибольшее внимание Украина будет уделять отношениям с Россией, исходя из особенностей исторического развития и специфики геоэкономического и геополитического положения. Однако далее отмечалось, что Киев будет стремиться к расширению своего участия в Совете Североатлантического сотрудничества и Североатлантической ассамблее. Подчеркивалось, что провозглашенное намерение стать нейтральным и внеблоковым государством нуждается в адаптации к новым условиям, и при этом не исключается наращивание взаимодействия с такими международными организациями как СБСЕ, НАТО и др.⁶ В феврале 1994 г. был заключен рамочный договор Украины с НАТО, Киев стал участником программы «Партнерство ради мира», а также поддержал желание стран Центральной и Восточной Европы интегрироваться в альянс.

Следуя концепции многовекторности, Украина в период Леонида Кучмы развивала военно-политические контакты с НАТО более интенсивно, чем с Россией. В 1994–1999 гг. Украина в рамках программы «Партнерство ради мира» неоднократно допускала на свою территорию подразделения стран-членов альянса, которые организовывали военные маневры, а украинские военные участвовали в учениях на территории США. На Мадридском саммите НАТО в 1997 г. Киев подписал «Хартию об особом партнерстве Украины и НАТО». Стороны обменялись представительствами. 4 ноября 1998 г. была утверждена «Государственная программа сотрудничества Украины с НАТО на период до 2001 года». Украинские военные начали принимать участие в совместных учениях с НАТО, а ограниченные военные контингенты из Украины в первой половине 2000-х гг. участвовали в военных операциях альянса в Афганистане и Ираке. Это происходило на фоне активизации усилий России, Беларуси и Казахстана по формированию основ системы коллективной безопасности на пространстве СНГ, была создана организация Договора о коллективной безопасности, от участия в которой Киев с самого начала дистанцировался. Украина приняла самое деятельное участие в создании новой органи-

⁶ Постанова Верховної Ради України «Про Основні напрями зовнішньої політики України» 2 липня 1993 року № 3360-XII [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/ru/3360-12> (дата обращения 02 июля 2019).

заций на постсоветском пространстве – ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова), которую отечественные исследователи классифицировали как ориентированную на развитие евроинтеграционного потенциала и евроатлантического сотрудничества государств-участников в противовес россицентричным интеграционным инициативам на постсоветском пространстве [Пивовар 2008, с. 218].

В 2002 г. со стороны украинского руководства прозвучали официальные заявления о стремлении вступить в НАТО. 23 мая 2002 г. решение об этом было принято Советом национальной безопасности и обороны Украины и впоследствии утверждено указом украинского президента⁷. Наконец, 15 июня 2004 г. была утверждена новая военная доктрина⁸, в которой впервые предпринималась попытка отказаться от принципа внеблоковости: доктрина определяла одной из задач внешней и оборонной политики Украины евроатлантическую интеграцию вплоть до вступления в НАТО. Однако через месяц своим же указом украинский президент данное положение изъясил, заменив на более мягкую формулировку о расширении сотрудничества⁹. Причин было несколько: опасения обострения отношений с Москвой, которая выразила серьезную озабоченность, неготовность самого альянса дать Киеву конкретные обещания, а также отсутствие консенсуса по этому вопросу в украинском обществе и политических элитах, значительная часть которых негативно или с непониманием восприняла столь резкий и не мотивированный какими бы то ни было реальными угрозами внешнеполитический разворот. Западные СМИ в то время преимущественно распространяли точку зрения о том, что изменение позиции Леонида Кучмы было обусловлено именно российским фактором и невнятной позицией альянса на заседании комиссии

⁷ Кучма подписал указ о вступлении Украины в НАТО [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/944616> (дата обращения 02 июля 2019).

⁸ Указ Президента України «Про Военну доктрину України» 15 червня 2004 року № 648/2004 [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/648/2004> (дата обращения 02 июля 2019).

⁹ Указ Президента України «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 6 липня 2004 року “Про дальший розвиток відносин з НАТО з урахуванням результатів засідання Комісії Україна–НАТО на найвищому рівні 29 червня 2004 року”» [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/800/2004> (дата обращения 03 июля 2019).

Украина–НАТО на высшем уровне в конце июня 2004 г. в рамках Стамбульского саммита¹⁰.

Приход к власти в Украине Виктора Ющенко (2005–2010) традиционно связывается с резким поворотом в сторону расширения взаимодействия с евроатлантическими структурами. В апреле 2005 г. «оранжевый» президент вернул тезис о полноправном членстве в НАТО как стратегической цели украинской военной доктрины¹¹. Это означало отказ от краеугольного положения первых лет независимости о внеблоковом статусе и военном нейтралитете государства и вызвало серьезную озабоченность со стороны Российской Федерации. Отношения между Украиной и Североатлантическим альянсом перешли в плоскость так называемого интенсивного диалога по вопросу членства в организации и необходимых для этого реформ в соответствии со стандартами НАТО. Виктор Ющенко неоднократно заявлял о скором получении Плана действий по членству в НАТО (ПДЧ). Впрочем, как показало дальнейшее развитие событий, страны-члены альянса оказались далеко не единодушны в своем стремлении поддержать вступление Украины в их ряды, многие, особенно крупнейшие государства так называемой старой Европы – Германия, Франция и некоторые другие не хотели обострять отношения с Россией ради сближения с проблемной страной, не соответствующей ни НАТОвским стандартам, ни критериям отсутствия на ее территории иностранных баз и потенциальных территориальных споров. В итоге предложение Вашингтона о подключении Грузии и Украины к ПДЧ было отклонено по инициативе Германии и Франции.

Фактически военную доктрину Виктора Ющенко можно рассматривать как нацеленную на дальнейшее изменение баланса сил в Восточной Европе, итак постоянно меняющегося в связи с расширением НАТО на Восток. Под угрозой оказывались как позиции Москвы, так и в целом довольно зыбкое равновесие в Черноморском регионе, тем более что планы Киева по интеграции в Североатлантический альянс и тесные контакты самого украинского лидера с Вашингтоном толкали команду Виктора Ющенко к обострению отношений с Россией по вопросам статуса и Сева-

¹⁰ Украина передумала идти в НАТО и Евросоюз [Электронный ресурс] // BBCRussian.com. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3927000/3927721.stm (дата обращения 03 июля 2019).

¹¹ Указ Президента України «Питання Воєнної доктрини України» 21 квітня 2005 року № 702/2005 [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/702/2005> (дата обращения 03 июля 2019).

стополя, и условий пребывания российского Черноморского флота в Крыму. На тесную взаимосвязь геополитических интересов и внутренней политики США с позицией Киева в то время обращали внимание не только российские, но и украинские международники и политологи¹².

Именно при Викторе Ющенко пика своей активности достигла деятельность в ГУАМ, в уставных документах и решениях которой были сформулированы задачи евроатлантически ориентированной части украинских политических элит. К таким важнейшим задачам можно отнести евроинтеграцию и стремление к вступлению в НАТО, реализация новых подходов к урегулированию кризисов на постсоветском пространстве, включая замену российских миротворцев и фактическое исключение России из процессов урегулирования в Приднестровье и на Южном Кавказе, минимизация транспортной и энергозависимости от Москвы, в том числе посредством строительства и запуска новых транспортных магистралей и трубопроводных сетей в обход российской территории [Левченков 2012, с. 221–225]. Страны-члены ГУАМ, включая Украину, на официальном уровне поддержали позицию Тбилиси в ходе августовского конфликта в Южной Осетии в 2008 г., хотя дальнейшего продолжения в конкретных действиях данная позиция практически не получила.

Вопрос о вступлении в НАТО и, как следствие, отказ от внеблокового статуса, стал одной из причин раскола украинского общества, большая часть которого, согласно опросам, данную инициативу не поддерживало¹³. Этим воспользовались политические противники Виктора Ющенко, провалившего к тому же социально-экономическую политику и все больше теряющего популярность. Серьезный скепсис относительно целей внешней политики Украины этого периода высказывали и некоторые украинские исследователи, отмечавшие, что государственная программа развития вооруженных сил Украины на 2006–2011 гг. фактически отводила им роль резерва НАТО, что не отвечало национальным интересам в сфере обороны [Кузьмук 2013].

¹² Украинские власти готовят почву для конфликта в Крыму [Электронный ресурс] // ForPost Новости Севастополя. URL: <https://sevastopol.su/node/6082> (дата обращения 05 июля 2019).

¹³ Ставлення українців до зовнішньополітичного вектору розвитку країни, 24 грудня 2007 [Электронный ресурс] // Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». URL: <https://dif.org.ua/article/stavlennya-ukraintsiv-do-zovnishnopolitichnogo-vektoru-rozvitku-kraini> (дата обращения 03 июля 2019).

В итоге видение военно-политической ориентации Украины, предложенное действующим президентом, не нашло достаточной для удержания его политического влияния поддержки в обществе. Сокрушительное поражение возглавляемых Виктором Ющенко политических сил в первом туре президентских выборов 17 января 2010 г. продемонстрировало, в том числе, необходимость коррекции внешней политики и ее военно-политической составляющей. Напротив, соперники действующего президента уделили в своей предвыборной кампании большое внимание необходимости нормализации отношений с Российской Федерацией и проведению более взвешенного внешнеполитического курса. Новый президент Виктор Янукович (2010–2014) инициировал подготовку закона «Об основах внутренней и внешней политики», который был принят украинским парламентом 1 июля 2010 г., и в котором, в частности, положение о евроатлантической интеграции было исключено из перечня приоритетов национальных интересов страны¹⁴.

В соответствии с новыми принципами была разработана, принята Верховной Радой и утверждена указом президента Украины 8 июня 2012 г. новая редакция военной доктрины¹⁵. Эту редакцию можно было расценивать как оставляющую возможности для развития сотрудничества Киева с евроатлантическими структурами, но все же не направленную, в отличие от доктрины Виктора Ющенко, на изменение баланса сил в восточноевропейском и крымско-черноморском регионе. Вместе с тем, современные российские исследователи отмечают, что и после 2010 г. сотрудничество Украины с НАТО продолжалось достаточно активно и динамично, что было вызвано стремлением украинской политической верхушки компенсировать связями с альянсом влияние Москвы [Курьлев 2015, с. 35]. Однако, как показывали опросы общественного мнения, в целом украинское общество, в отличие от евроинтеграции, прохладно относилось к идее о сближении с альянсом. В частности, в 2012 г., согласно опросам фонда «Демократическая инициатива»,

¹⁴ Вступил в силу Закон «Об основах внутренней и внешней политики», принятый Верховной Радой 1 июля 2010 года по инициативе главы государства [Электронный ресурс] // Законодавство України. URL: <https://news.liga.net/politics/news/vstupil-v-silu-zakon-ob-osnovakh-vnutrenney-i-vneshney-politiki> (дата обращения 04 июля 2019).

¹⁵ Указ Президента України «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 8 червня 2012 року “Про нову редакцію Воєнної доктрини України”» [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/390/2012#n6> (дата обращения 03 июля 2019).

вступление в НАТО поддерживало 17% опрошенных, при этом лишь 13% опрошенных считали интеграцию в альянс лучшим способом обеспечения безопасности¹⁶.

После отстранения Виктора Януковича от власти в 2014 г. новое украинское руководство сразу же заявило о своей приверженности не только евроинтеграционному вектору, но и вступлению в Североатлантический альянс. Об этом, в частности, вскоре после формирования правительства переходного периода заявил временный президент Украины Александр Турчинов, а в Верховной Раде был зарегистрирован первый в послемайданный период законопроект об отмене внеблокового статуса и возвращения положения о вступлении в НАТО¹⁷. Президент Петр Порошенко, в свою очередь, в конце 2014 г. повторно инициировал рассмотрение преследуемого те же цели законопроекта, который был принят и утвержден 23 декабря того же года¹⁸. Важно отметить, что внесение данного законопроекта состоялось сразу после визита украинского лидера в Польшу, одну из стран альянса, наиболее последовательно поддерживавших украинский евроатлантизм.

2 сентября 2015 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины одобрил новую редакцию военной доктрины Украины, которая 24 сентября 2015 г. была утверждена указом президента страны № 555/2015¹⁹. Суть доктрины, выраженная в пункте 3 Общих положений, согласно которому она направлена «...на противо-

¹⁶ Україна напередодні саміту НАТО в Чикаго: що маємо й на що сподіваємось!», 17 травня 2012 [Электронный ресурс] // Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». URL: <https://dif.org.ua/article/ukraina-na-peredodni-samitu-nato-v-chikago-shcho-maemo-y-na-shcho-spodivamos> (дата обращения 03 июля 2019).

¹⁷ Турчинов рассказал о страшном сне Путина и желании украинцев вступить в НАТО [Электронный ресурс] // NEWSru.com. URL: <https://www.newsru.com/world/03apr2014/turchinov.html> (дата обращения 05 июля 2019).

¹⁸ Закон України «Про внесення змін до деяких законів України щодо відмови України від здійснення політики позаблоковості» от 23.12.2014 № 35-VIII [Электронный ресурс] // Законодавство України. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T140035.html (дата обращения 06 июля 2019).

¹⁹ Указ Президента України № 555/2015 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року “Про нову редакцію Воєнної доктрини України”» [Электронный ресурс] // Президент України – Офіційне інтернет-представництво. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/5552015-19443> (дата обращения 01 июля 2019).

действие агрессии со стороны Российской Федерации, достижение Украиной критериев, необходимых для обретения членства в Европейском Союзе и Организации Североатлантического договора...»²⁰. Таким образом, впервые в военной доктрине Киева был указан конкретный противник, которым оказалась Россия, что было указано в последующих положениях документа. Была поставлена цель достижения к 2020 г. полной совместимости вооруженных сил Украины со стандартами армий-членов Североатлантического альянса. При этом ключевыми тенденциями, влияющими на военно-политическую обстановку в регионе вокруг Украины, были признаны в числе прочих «активная дестабилизирующая внешняя политика и политика безопасности Российской Федерации в отношении соседних государств, а также международных организаций, включая НАТО и ЕС... информационная война Российской Федерации против Украины»²¹. В перечне актуальных военных угроз для Украины в доктрине отмечались, в числе прочих, «вооруженная агрессия и нарушение территориальной целостности Украины... наращивание военной мощи Российской Федерации в непосредственной близости к государственной границе Украины...» и т. д.²² Наряду с другими законодательными инициативами и решениями, принятыми в период президентства Петра Порошенко (включая закрепление стратегического курса на получение полноправного членства в НАТО на конституциональном уровне), военная доктрина Украины стала одним из документов, углубивших противоречия между Киевом и Москвой и способствующих росту напряженности в отношениях России и Североатлантического альянса. Положения, зафиксированные в военной доктрине 2015 г., безусловно оказались выгодными военным и деловым кругам США и их союзникам в Европе, зависимым от военно-промышленного производства, так как переход на стандарты НАТО требует от Украины перевооружения, связанного с колоссальными расходами. В частности, только в 2018 г. объем гособоронзаказа, по официальным данным украинского Совбеза, вырос на 37% по сравнению с предшествующим периодом²³.

²⁰ Указ Президента України № 555/2015 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року “Про нову редакцію Воєнної доктрини України”» [Электронный ресурс] // Президент України – Офіційне інтернет-представництво. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/5552015-19443> (дата обращения 01 июля 2019).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Перевооружение ВСУ по стандартам НАТО – длительная работа, реформа будет продолжена после 2020 г. – Полторак [Электронный ресурс] //

Возобновление гонки вооружений и сосредоточение вблизи российских границ дополнительных контингентов альянса, необходимость размещения которых объяснялась в Вашингтоне и Брюсселе отсылками к «российской агрессии» в Украине, поставили крест, по крайней мере на ближайшую перспективу, на попытках формирования всеобъемлющей системы коллективной безопасности в Евразии и ускорили процесс трансформации постбиполярной системы международных отношений в целом. При этом на фоне неудачных попыток социально-экономических реформ в Украине и с учетом тесных экономических отношений с Россией многие страны-члены НАТО в Европе не проявляли заинтересованности в дальнейшем вовлечении в конфликт с Москвой, ограничившись санкционным давлением. На эту специфику уже в первые годы конфликта обращали внимание, к примеру, исследователи из стран Вышеградской группы, отмечая, что если Польша выражала большую заинтересованность в поддержке антироссийской политики украинского правительства и укреплении оборонного потенциала НАТО в регионе Центральной и Восточной Европы, то Венгрия, Словакия и Чехия особой активности в формировании жесткой позиции ЕС в отношении России не проявили. В результате Киев получил очередной отказ от предоставления ПДЧ и участия в Программе расширенных возможностей [Kucharczyk, Mesežnikov 2015].

Военная доктрина и другие документы периода Петра Порошенко, наряду с проводимой с 2014 г. военной операцией против самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик, привели к усилению милитаризации, росту военных расходов, крайне негативно сказывающемуся на состоянии экономики Украины и благосостоянии ее граждан. Затягивание конфликта на Донбассе и отсутствие прогресса в выполнении Минских соглашений (достижению понимания с Москвой препятствуют в том числе и положения самой военной доктрины, в которой конфликт на юго-востоке страны представляется как российско-украинский, а не внутренний, требующий, по мнению Москвы, прямого диалога Киева и самопровозглашенных республик) также стало одной из важных причин, приведших к потере популярности команды Петра Порошенко и его поражению на президентских выборах весной 2019 г.

Интерфакс-Украина. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/503907.html> (дата обращения 05 июля 2019).

Литература

- Кузьмук 2013 – *Кузьмук А.И.* Эволюция Военной доктрины Украины (1993–2012 гг.) // Армия и общество. 2013. № 2 (34). С. 20–30.
- Курьлев 2015 – *Курьлев К.П.* Внешнеполитическая концепция Украины в условиях формирования европейской системы безопасности: 1991–2014 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: РУДН. 2015. 49 с.
- Левченко 2012 – *Левченко А.С.* ГУАМ во внешнеполитической концепции президента Украины В.А. Ющенко (2005–2010 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: «Исторические науки. История России». 2012. № 4 (84). С. 219–230.
- Пивовар 2008 – *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции: Исторический очерк. СПб.: Алетейя. 2008. 317 с.
- Kucharczyk, Meseżnikov 2015 – *Diverging Voices, Converging Policies: The Visegrad States' Reactions to the Russia-Ukraine Conflict* / Ed. by J. Kucharczyk, G. Meseżnikov. Warsaw: Heinrich-Böll-Stiftung. 2015. 216 p.

References

- Kucharczyk, J. and Meseżnikov, G., eds. (2015), *Divergent voices, converging politicians: the reaction of the Visegrad States to the Russian-Ukrainian conflict*, Heinrich-Böll-Stiftung, Warsaw, Poland.
- Kurylev, K.P. (2015), “*Foreign Policy concept of Ukraine in the conditions of formation of the European security system: 1991–2014*”, *D. Sc. Thesis, History*, RUDN, Moscow, Russia.
- Kuzmuk, A.I. (2013) “Evolution of the Military doctrine of Ukraine”, *Armiya i obshchestvo*, vol. 34, no. 2, pp. 20–30.
- Levchenkov, A.S. (2012), “GUAM in the foreign policy concept of the President of Ukraine V. A. Yushchenko (2005–2010). *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Historical Sciences. History of Russia”*, vol. 84, no. 4, pp. 219–230.
- Pivovarov, E.I. (2008), *Postsovetskoe prostranstvo: al'ternativy integratsii: Istoricheskii ocherk* [Post-Soviet space: integration alternatives. Historical essay], Alethea, Saint Petersburg, Russia. 2008.

Информация об авторе

Александр С. Левченко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; bohem2001@mail.ru

Information about the author

Alexander S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; bohem2001@mail.ru

Желтый уровень опасности

Наталья Б. Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, protozoga@mail.ru*

Аннотация. Постоянно увеличивающееся присутствие Китая в мире, его новая геополитическая роль и амбиции вызывают опасения у остальных игроков на международной арене. Некоторые страны боятся попасть в экономическую зависимость от Китая, другие же, более крупные, видят в усилении КНР угрозу закрепившейся после окончания холодной войны расстановке политических сил в мире. В статье предпринимается попытка анализа причин и обоснованности тревог в отношении внешнеполитического курса Китая со стороны США и России как двух глобальных держав. Несмотря на то что термин «желтая опасность» был введен в научный оборот еще в XIX в., наибольшую актуальность он приобретает именно по мере усиления роли КНР. Автор выдвигает гипотезу о том, что наделение негативными смыслами внешнеполитического курса Китая может зеркально отразиться на действиях его правящей элиты, что неизбежно повлияет на внешнюю политику государства. Теоретическая база исследования представлена трудами Дж. Александера, Дж.Г. Мида, М. Вебера, Т. Парсонса, Ч. Кули, Ту Вэймина, С. Хантингтона. Эмпирическую базу составили данные социологических опросов, на основании которых автор предпринял попытку оценить отношение к Китаю в США и России.

Ключевые слова: Китай, Россия, США, внешняя политика, международные отношения, кодирование смыслов, спираль означения, «желтая опасность»

Для цитирования: Помозова Н.Б. Желтый уровень опасности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 122–134. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-122-134

Yellow warning

Natalia B. Pomozova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
npomozova@mail.ru*

Abstract. Among other players in the international arena China causes concerns over its ever-expanding presence in the world, its new geopolitical role and ambitions. Some countries are afraid of becoming economically dependent on China, while others, larger ones, see the strengthening of the PRC as a threat to the alignment of political forces in the world that has consolidated since the end of the Cold War.

The article attempts to analyze the causes and validity of the anxieties regarding the foreign policy of China in the United States and Russia as two global world powers.

Despite the fact that the term “yellow peril” was introduced into scientific circulation as early as the 19th century, it acquires greater relevance precisely with the increasing role of the PRC.

The author hypothesizes that endowing negative senses with China’s foreign policy can mirror the actions of its ruling elite, what necessarily can affect the state’s foreign policy.

The theoretical basis of the research is represented by the works of J. Alexander, G.H. Mead, M. Weber, T. Parsons, C. Cooley, Tu Weimin, S. Huntington.

The empirical base was the data of opinion polls, following which, the author made an attempt to assess the attitude towards China in the United States and Russia.

Keywords: China, Russia, USA, foreign policy, international relations, coding of meanings, spiral of noting, “yellow peril”

For citation: Pomozova, N.B. (2020), “Yellow warning”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 122–134. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-122-134

Введение

Экономические темпы роста Китая, его увеличивающаяся военная мощь, демографический прирост, новая роль на международной арене – все это постоянно провоцирует рассуждения на тему потенциальной угрозы, которую представляет Китай для других государств. Несмотря на исправно работающую машину пропаганды и заверения властей КНР в том, что «мирное раз-

вите» Китая несет благо для всех, и международный порядок, претерпевающий множество сложностей, нуждается в китайской мудрости, многие политики и эксперты видят Китай как «желтую опасность».

Термин «желтая опасность», впервые предложенный французским публицистом П.Л. Болье, довольно быстро закрепился в общественно-политической лексике западных стран. Несмотря на то что термин зародился во Франции, наибольшее распространение он получил в таких государствах, как Германия, Британская империя, США, чьи интересы на Востоке были достаточно обширны. В середине XIX в., когда его впервые ввели в оборот, в качестве потенциально опасных народов выступали не только китайцы, но и японцы. Сегодня, говоря о «желтой опасности», в первую очередь подразумевают самую многочисленную нацию земного шара. И тем больше возрастает чувство тревоги на фоне стремительного развития Китая, который уже претендует на мировое лидерство в некоторых важнейших сферах, чем менее понятной представляется эта страна не только населению других государств, но и экспертному сообществу, которое пытается разгадать замыслы, наполняющие выступления китайских лидеров. Вестернизация оказала значительное влияние на многие сферы жизни КНР, как и советская модель государственности, однако Китай давно нашел свой собственный путь. С. Хантингтон видит природу, истоки неизбежного конфликта Восточной Азии и Запада, прежде всего в различии культур и путей развития: если ранее в Азии преобладало стремление к вестернизации и все прогрессивное ассоциировалось с Западом, то в настоящее время восточноазиатские страны не только не пренебрегают аутентичными традициями, но и видят в них вектор своего развития [Хантингтон 2003].

Руководство КНР позиционирует свою страну как глобальную сверхдержаву, что соотносится с идентичностью «китаецентризма», только уже не в привычном, а в совершенно ином ракурсе – то есть не закрытой для внешнего мира страны, которая не нуждается в активном взаимодействии с другими государствами, а наоборот, страны, сделавшей огромный рывок в развитии собственной экономики, страны с устойчивой политической системой, основанной на понятных народу ценностях, страны, которая не только готова быть вовлеченной в глобальные мировые процессы, но и стоять в их авангарде, взяв на себя ведущую роль в международной политике и бросая тем самым вызов США [Помозова 2018а, с. 157]. Внешнеполитический дискурс китайской элиты демонстрирует готовность экстраполировать вовне социализм с китайской спецификой, доказавший свою эффективность внутри страны.

Практика – единственный критерий истинности

Россия и Китай – страны с социалистическим прошлым, что обуславливает во многом похожие ценностные и идеологические установки в этих двух государствах в определенный исторический период. Однако, когда стало очевидно, что принципы коммунистической власти исчерпали себя как в экономической, так в политической и социальной областях, Россия и Китай, встав на путь реформ, пошли совершенно разными дорогами. В России в качестве метода экономической трансформации была выбрана прямая приватизация государственной собственности. В Китае прежде всего развивалось не государственное, а частное производство, которому были созданы благоприятные условия для успешной конкуренции на рынке [Помозова 2012, с. 210]. В результате, регионы современного унитарного Китая имеют больше экономической свободы и автономии от центра, чем регионы федеративной России, что внесло свой вклад в дело «китайского экономического чуда».

Осознав необходимость реформ, китайская политическая элита отказалась следовать как российскому, так и западному примеру. Экономические трансформации не сопровождались резкой сменой политического строя, отказом от коммунистической символики, что помогло избежать перелома в общественном сознании китайских граждан, а попытки массовых волнений «прогрессивной молодежи» были жестко пресечены властями – все это позволило удержать страну от радикальных потрясений, обеспечив ей эволюционный путь развития.

М.К. Горшков и Ли Пэйлинь отмечают: «Достоинством данной (китайской) реформационной модели является соединение подготовленной стратегии и активности преобразований, опыта и поучительных уроков прошлого; применение правильных мер привело к тому, что реформа помогла сохранить общественную стабильность» [Горшков, Пэйлинь 2012, с. 18].

В результате, Китай продемонстрировал миру жизнеспособность уникальной модели «социализма с китайской спецификой», которая легла в основу национальной внутривнутриполитической стратегии. «Китайская специфика» распространилась и на сферу внешней политики, где КНР, отходя от завета Дэн Сяопина «держаться в тени и ничем не проявлять себя», впервые после окончания холодной войны предлагает миру новую модель международных отношений – «Сообщество единой судьбы всего человечества», которая призвана сменить западную систему и искоренить ее главный недостаток – стремление к однополярности и гегемонизму. Готовый взять на себя значительную экономическую ответствен-

ность за судьбу развивающихся стран Китай, протягивая руку финансовой помощи, не предлагает нуждающимся государствам смену политического режима, чем противопоставляет свою логику видения системы мирового порядка западной.

В итоговом коммюнике четвертой пленарной сессии ЦК КПК 19-го созыва, завершившейся 31 октября 2019 г., описываются преимущества китайской системы управления, а также, помимо подтверждения приверженности идее строительства сообщества единой судьбы всего человечества, говорится о намерении продвигать социалистическую культуру и «вдохновлять людей во всем мире исповедовать общую идеологию и ценности». Такая риторика сразу же вызвала значительные опасения у западных аналитиков, рассматривающих Китай как серьезную угрозу действующей системе международного порядка.

Опасения России

В последнее время, особенно в условиях все более сложных отношений с Западом, в России Китай позиционируется как ее главный партнер. Политический диалог между двумя странами сейчас действительно находится на высоком уровне. Президенты В.В. Путин и Си Цзиньпин, совершившие обмен высшими государственными наградами, регулярно признаются друг другу в дружбе и взаимном глубоком уважении.

На фоне бесконечных конфликтов с Америкой России выгодно иметь такого мощного партнера, как Китай, который и сам находится в состоянии торговой войны с США. Исследование фонда «Общественное мнение» показало, что в 2017 г. 62% россиян считали Китай «самым дружественным» России государством. Для сравнения, в 2014 г. так считало 54% опрошенных¹.

Текущая интенсивность межгосударственного диалога, транслирование средствами массовой информации образа Китая как надежного товарища несколько нивелировали опасения россиян, связанные с китайской экспансией на Дальнем Востоке и в Сибири. По данным опросов, проведенных фондом «Общественное мнение», в 2013 г. 15% россиян видели угрозу территориальной целостности своей страны в мигрантах из Китая². Однако данные Росстата не

¹ Социологический опрос: О России и странах мира [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Mir/13624> (дата обращения 31 мая 2019).

² Социологический опрос. О территории России и ее целостности [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Politika/11086> (дата обращения 31 мая 2019).

подтверждают этих опасений и по статистике, в 2017 г. территорию России покинуло большее количество мигрантов, чем прибыло³. Тем не менее, как отмечает В.Г. Гельбрас: «Разные высокопоставленные лица, будто специально усиливая панические настроения в обществе, не дают точного убедительного ответа ни на вопрос, сколько же китайских мигрантов на самом деле находится в России, ни на вопрос об интенсивности их притока» [Гельбрас 2001, с. 76].

И все-таки, если посмотреть на поведение Китая чуть более внимательно, станет понятно, что России не стоит питать иллюзий в отношении азиатского товарища. Главный экономический партнер для КНР, безусловно, США. Результатом серьезной взаимозависимости явились торговые войны между двумя государствами, оказывающие значительное влияние на мировую экономическую обстановку в целом. Тем не менее, несмотря на все разногласия, именно с США Китай готов выстраивать диалог двух «равновеликих держав».

Говоря о человеческом капитале Китая во внешней политике, необходимо отметить, что процент основных руководителей МИД КНР, работавших по дипломатической линии в США и Западной Европе, с конца 90-х гг. по настоящее время был стабильно высоким – их большинство по сравнению со специалистами, получившими опыт работы в других странах. Начиная с 2003 г., образование в США и Западной Европе стало признаком тех, кто назначался в руководство МИД КНР [Помозова 2018б, с. 29]. Это является еще одним существенным индикатором внешнеполитических приоритетов Китая.

Не случайно эксперты, которые работали по поручению Президента Путина над новой программой развития России до 2020 г., обозначили Китай как главную угрозу.

Стремительный экономический рост Китая, объемы экспорта дешевых товаров, прирост населения, связанная с ним массовая миграция и, наконец, специфика восточного менталитета – все это представляет угрозу для России в глазах ее жителей. При этом такое мнение, по сути, не подтверждено реальными действиями правительства КНР – наоборот, в последние годы российско-китайские отношения сделали большой дипломатический прорыв и достигли уровня стратегического партнерства.

В.Б. Кашин отмечает: «Значительный рост числа россиян, испытывающих опасения в отношении КНР, не связан с какими-либо

³ Данные о международной миграции [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения 31 мая 2019).

негативными событиями в российско-китайских отношениях. Речь идет, скорее, о последствиях мировоззренческого шока, связанного с неожиданным появлением новой сверхдержавы прямо на восточных границах России» [Кашин 2011].

Опасения США

Конфронтация США и КНР обострилась еще в 50-е гг. в связи с союзническими обязательствами Америки перед Тайванем. По мере усиления экономических позиций Китая, внешне они становятся более острыми и при этом приобретают новые формы, самой яркой из которых можно считать торговую войну. По данным социологических исследований, проведенных центром изучения общественного мнения Pew Research Center в 2018 г., 38% американцев положительно относятся к Китаю, что на 6% меньше по сравнению с показателями прошлого года, при этом число тех, кто выражает негативное отношение к КНР осталось неизменным с прошлого года – 47%⁴. Учитывая открытую конфронтацию администрации Д. Трампа с Китаем и соответствующее позиционирование Поднебесной в американских СМИ, такую статистику можно считать внешнеполитическим успехом КНР.

Опасения американцев связаны с большим количеством внешнего долга Китая (62%), кибератаками (58%), негативным влиянием КНР на экологическую ситуацию в мире и потерю рабочих мест американцами (по 51%), пренебрежение Китаем прав и свобод человека (49%), дефицитом товарооборота с США (48%)⁵.

Угроза китайской экспансии также является предметом обсуждений в западных СМИ. Эмигрируя в развитые страны, китайцы создают там не просто общины, но и собственные районы, экспортируя, таким образом, не только товары, но и культуру.

⁴ Социологический опрос: American attitudes toward China turn slightly less positive [Отношение американцев к Китаю становится немного менее позитивным] [Электронный ресурс]. URL: http://www.pewglobal.org/2018/08/28/as-trade-tensions-rise-fewer-americans-see-china-favorably/pg_2018-08-28_views-of-china-01-2/ (дата обращения 31 мая 2019).

⁵ Социологический опрос: Americans most concerned with debt, cyberattacks from China [Американцев больше всего беспокоит внешний долг и кибератаки из Китая] [Электронный ресурс]. URL: http://www.pewglobal.org/2018/08/28/as-trade-tensions-rise-fewer-americans-see-china-favorably/pg_2018-08-28_views-of-china-04-2/ (дата обращения 31 мая 2019).

Своих детей они предпочитают отдавать в «китайские» школы, что позволяет им не ассимилироваться с населением страны проживания, сохраняя китайскую идентичность. Такой важный для Китая инструмент «мягкой силы» вызывает небезосновательные опасения, учитывая, что в китайской традиции заложена мысль о том, что «Китай – там, где живут китайцы». Эта философия может распространиться, например, на Сингапур, который примерно на 75% населен представителями основной китайской этнической группы хань. В результате исследования, проведенного французской социологической компанией IFor, выяснилось, что более половины французов и американцев (56 и 55% соответственно), а также 41% немцев и 40% британцев считают Китай скорее конкурентом своей страны, нежели партнером⁶.

Профессор Гарвардского университета Ту Вэймин отмечает: «Может показаться, будто бы разумное зерно есть в предположении о том, что, поскольку по милости Запада Китай находился в униженном положении более века, его принципиальным мотивом для “перекраивания” мирового порядка является месть. Воспоминания о тихоокеанском театре боевых действий времен Второй мировой и корейской войн – не говоря уже о вьетнамской – придают правдоподобие мифу о “желтой угрозе”. Эмиграция состоятельных китайцев из Юго-Восточной Азии, Тайваня и Гонконга в Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию создают впечатления наличия некоего “китайского заговора” с целью изменить соотношение сил и захватить контроль над ценными финансовыми ресурсами в глобальном сообществе. Эти широко распространенные предположения, мифы и впечатления создают искусственно раздутое, искаженное представление об интеграции Китая в мировое сообщество как о его целенаправленной стратегии модернизации» [Вэймин 2012, с. 10].

Получившая большую популярность и вызвавшая множество споров, теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона говорит о неизбежном конфликте Восточной Азии и Запада. «Экономическое развитие Восточной Азии изменит баланс сил между Азией и Западом, особенно Соединенными Штатами. Удачный экономический рост порождает уверенность в себе и агрессивность со стороны тех стран, в которых он существует и приносит выгоду. Богатство, как и власть, считается доказательством добродетели, демонстрацией морального и культурного превосходства» [Хантингтон 2003, с. 152].

⁶ Социологический опрос: Россияне и европейцы разошлись во мнениях о политике Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20180910/1527977137.html> (дата обращения 31 мая 2019).

Яркой иллюстрацией к данной теории представляются торговые войны. И хотя, как показали социологические исследования, динамика опасений американцев в отношении Китая не продемонстрировала значительного скачка, следует учитывать, что страны находятся в начале конфликта, который имеет все основания к тому, чтобы стать затяжным. Для Д. Трампа вопрос не ограничивается экономическими расчетами, его цель заключается в том, чтобы всеми силами сдерживать Китай, не давая ему возможности пересмотреть систему международных отношений. Взаимозависимость двух экономик столь высока, что жесткие меры со стороны Америки могут помешать руководству КНР выполнить обещания, данные своему народу, что негативно скажется на уровне доверия к компартии внутри страны. Вполне вероятно, что за торговыми войнами может последовать новый этап конфронтации – гонка в области технологий. В случае обострения конфликта тревога у граждан США по отношению к КНР может существенно возрасти.

Опасность самореализации опасений

Итак, несмотря на то что в последнее время на фоне резкого ухудшения отношений с Западом в России склонны рассматривать Китай скорее как партнера, нежели врага, россияне все же воспринимают это государство как соседа, с которым выгодно дружить, но это не исключает ряда опасений, связанных с этой страной. Среди американцев превалирует негативное отношение к Китаю, и многие внешние угрозы в глазах граждан США связаны именно с КНР. Если говорить глобально, то главная опасность – новая расстановка сил на международной арене, изменение мирового порядка, уход от американоцентричной системы международных отношений, появление серьезного конкурента в претензиях на лидерство. Концепция «Сообщества единой судьбы всего человечества», активно продвигаемая руководством Китая, не может не настораживать политические круги США, а образ Поднебесной в глазах американцев может демонизироваться по мере нарастания конфронтации между двумя странами.

По мнению Дж.С. Александера, события сами по себе не создают травму, ибо они не являются от природы «хорошими» или «плохими». Реальные или воображаемые явления означаются как травматические не потому, что они действительно вредные, а потому, что эти явления обретают смысл зла, который нарушает коллективную идентичность [Alexander 2003, p. 32]. Таким образом, *смыслы* действий Китая на мировой арене подвергаются *кодированию* со стороны американской правящей элиты и средств массовой

информации, в результате чего к КНР формируется негативное отношение, полное страхов.

Ту Вэймин справедливо отмечает: «С тысячами политических диссидентов на Западе, всемирной поддержкой независимого Тайбэя и вполне эффективным воздействием Тайбэя на Капитолий радикальная, принципиальная инаковость Китая воспринимается американскими СМИ как угроза международной безопасности. Расхожая манера приписывать Китаю все смертные грехи, изображая его государством-изгоем, перенявшим эстафету у СССР в качестве “империи зла”, может стать таким пророчеством, которое само же себя реализует» [Вэймин 2012, с. 18].

О влиянии мнения окружающих на выбор идентичности и поведение индивида говорили М. Вебер [Вебер 1991], Т. Парсонс [Парсонс 2000], приверженцы теории символического интеракционизма, основанной Дж.Г. Мидом [Мид 2009], и многие другие исследователи.

Расширяя рамки символического интеракционизма и теории Дж.Г. Мида, можно предположить, что государство как субъект (его правящая элита), рефлексируя, также может испытывать влияние мнения *значимого другого*, т. е., с одной стороны, руководствоваться собственными интересами, продиктованными объективной политической ситуацией, а с другой стороны, «впитывать» совокупность установок других государств, в результате чего, в итоге, и будет сформирован внешнеполитический курс страны. В случае Китая США и Россия могут справедливо претендовать на роль *значимых других*.

Американский социолог Ч. Кули, автор теории *зеркального Я* (*зеркальной самости*), утверждал, что самосознание индивида, его ценностные ориентации как бы отражают зеркально реакции на них других индивидов: «Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью: мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д., и это самым различным образом на нас воздействует» [Кули 1994, с. 320–321].

Опираясь на методологию теории Ч. Кули, легко сделать предположение о возможности самореализации самых пессимистичных прогнозов внешнеполитического курса КНР. Если образ Китая будет *означен* как негативный и воспримется в других государствах как угроза и опасность, то это может *зеркально отразиться* на действиях правящей элиты КНР.

Заключение

Таким образом, политический накал, подогреваемый средствами массовой информации, прогнозирующими вместе с увеличивающимся могуществом Китая возрастание угрозы для других государств, общественное мнение, свидетельствующее о недоверии к Китаю со стороны американцев, политические дискуссии о неприемлемости действий Китая в Тибете, Синьцзян-уйгурском автономном районе – все это формирует неблагоприятный имидж Китая в мире. Конечно, предположения о том, что образ КНР будет *означен* в США как абсолютное зло (как это случилось с Северной Кореей, Ираком) в среднесрочной перспективе не представляются реалистичными. Тем не менее, негативное восприятие Китая значимыми другими политическими элитами увеличивает вероятность того, что правящая элита КНР, рефлексировав, может отчасти изменить внешнеполитический курс и наполнить концепцию «Сообщества единой судьбы всего человечества» совсем не теми смыслами, которые транслируются всему миру сейчас.

Литература

- Вебер 1991 – Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1991. 301 с.
- Вэймин 2012 – *Ту Вэймин*. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Полис: Политические исследования. 2012. № 1. С. 7–25.
- Гельбрас 2001 – *Гельбрас В.Г.* Сколько китайцев в России? // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 71–87.
- Горшков, Пэйлинь 2012 – Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь. М.: Новый хронограф, 2012. 512 с.
- Кашин 2011 – *Кашин В.* Призрачные угрозы [Электронный ресурс] URL: <http://fom.ru/blogs/10097> (дата обращения 31 мая 2019).
- Кули 1994 – *Кули Ч.* Социальная самость // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 320–321.
- Мид 2009 – *Мид Дж.Г.* Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. М., 2009. 290 с.
- Парсонс 2000 – *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Помозова 2012 – *Помозова Н.Б.* Сравнительный анализ формирования стратегии гражданской идентичности в России и Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 210–217.
- Помозова 2018а – *Помозова Н.Б.* Отражение внешнеполитического вектора в дискурсе докладов на XV–XIX съездах Коммунистической партии Китая //

- Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2018. № 6. С. 157–163.
- Помозова 2018б – Помозова Н.Б. О человеческом капитале Министерства иностранных дел Китая (на основе анализа биографий ключевых сотрудников в период с 1998 по 2018 г.) // Вестник Поволжского института управления. 2018. № 6. С. 22–29.
- Хантингтон 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 603 с.
- Alexander 2003 – Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.

References

- Alexander, J.C. (2003), *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 2003.
- Gelbras, V.G. (2001), “How many Chinese live in Russia?”, *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 71–87.
- Gorshkov, M.K. and Li Peilin, eds. (2012), *Rossiya i Kitai: izmeneniya v sotsial'noi strukture obshchestva* [Russia and China. Changes in the social structure of society], New Chonograph, Moscow, Russia.
- Huntington, S. (2003), *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. AST, Moscow, Russia.
- Kashin, V. (2011), *Prizrachnye ugrozy* [Phantom threats] [Online], available at: <http://fom.ru/blogs/10097> (Accessed 31 May 2019).
- Kuli, Ch. (1994), “Sotsial'naya samost'”, in Dobren'kov, V.I., ed., *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [Social selfhood. American Sociological thought], MGU, Moscow, Russia, pp. 320–321.
- Mead, J.G. (2009), *Izbrannoe: Sbornik perevodov* [Selected Translations Collection], RAS: INION, Moscow, Russia.
- Parsons, T. (2000), *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On Social Policy], Academic Project, Moscow, Russia.
- Pomozova, N.B. (2012), “Comparative analysis of the formation of a civic identity strategy in Russia and China”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 25, no. 4, pp. 210–217.
- Pomozova, N.B. (2018), “On the human capital of the Ministry of Foreign Affairs of China (based on an analysis of biographies of key employees from 1998 to 2018)”, *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, issue 6, pp. 22–29.
- Pomozova, N.B. (2018), “The reflection of the foreign policy vector in the discourse of reports at the XV–XIX congresses of the Chinese Communist Party”, *Gosudarstvennoye I municipalnoye upravlenie. Ucheniye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes], issue 6, pp. 157–163.
- Tu Weiming (2012), “The rise of ‘Confucian’ East Asia: the origins and historical meaning”, *Polis: Politicheskie issledovaniya*, issue 1, pp. 7–25.

Weber, M. (1991), M. Weber's works on sociology, religion and culture, issue 2, AS USSR, INION, All-Union Interagency Center on Humanity under the Presidium. Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья Б. Помозова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; promozova@mail.ru

Information about the author

Natalia B. Pomozova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; promozova@mail.ru

Международное сотрудничество России и США в космосе: куда мы направляемся?

Кайл Томашевский

*Миддлбери-колледж (Миддлбери, Вермонт), США,
kyletski21@gmail.com*

Аннотация. Статья рассматривает историю и современные проблемы международного сотрудничества в космосе между Россией и США. В истории наблюдаются моменты, когда относительно новые и нестабильные международные отношения либо укрепились, либо резко снизились. После распада СССР, несмотря на политические различия, Россия и США могли найти общий язык, вместе сосредоточиться на науке и технологии и создать новое поколение космического сотрудничества Международную космическую станцию. Этот международный проект является примером потенциала взаимного сотрудничества между двумя бывшими противниками. Однако сейчас планируется вывод из эксплуатации МКС в течение следующих пяти лет; мы опять находимся в критическом моменте в истории – либо мы дальше будем совместно работать в космосе, либо мы пойдем своей дорогой. Важнейшие факторы, определяющие будущее российско-американского сотрудничества в космосе – это современные противостоящие военные стратегии в России и США и новые возможности ведения бизнеса в частном секторе космической промышленности. Статья анализирует трудности сотрудничества в космическом пространстве, когда США и Россия поддерживают исключительно собственные военные стратегии, направленные друг против друга. Частный бизнес в космической отрасли активно развивается, особенно в Соединенных Штатах, и новые космические компании увеличиваются и развиваются до степени, где они не только будут влиять на проекты в космосе, а возможно возглавят национальные стратегические космические проекты. Эти факторы подчеркивают, что платформа, на которой международное сотрудничество в космосе может расти, действительно исчезает. Тем не менее, дипломатические пути были и всегда будут существовать, чтобы Россия и США мирно сотрудничали в политике, и в случае грамотного использования предотвратят конфронтацию в сфере космоса.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Америка, США, Россия, Российская Федерация, космос, международные отношения, исследование космоса

© Томашевский К., 2020

Для цитирования: Томашевский К. Международное сотрудничество России и США в космосе: куда мы направляемся? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 135–146. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-135-146

International cooperation between Russia and USA regarding space exploration. Where are we headed?

К. Tomaszewski

Middlebury College, Middlebury VT, USA, kyletski21@gmail.com

Abstract. This article is a reflection on the history and modern issues of the international cooperation in space between the United States and Russia. There are several key historic moments when rather new and extremely volatile relationship have either strengthened or rapidly declined. After the fall of the Soviet Union, despite political differences, the US and Russia were able to find common ground, focus scientific and technological efforts together, and spur a new generation of cooperation in space by building the International Space Station. This unprecedented international project is a great example of the potential of mutual cooperation between two former political foes. However, with the current plan to decommission the ISS within the next five years, we are again at a pivotal time in history to either further build this cooperative effort or go our separate ways. The leading factors to determine the future of Russian-American cooperation in space are current opposing strategic military objectives from both countries and new commercial business opportunities from private capital funding, specifically within the space industry. The article analyzes the difficulty of cooperating in space when both American and Russian national military interests are postured directly against each other. Private space businesses are in full swing, especially in America, and new space-related companies are expanding and growing to the point where they are on track to not only influence, but actually lead the national efforts in future strategic space projects. Both of these factors strongly indicate that the platform on which the cooperation in space could grow is indeed vanishing. Nevertheless, diplomatic channels have been and will always be a way to come together on policy issues for the United States and Russia, and if properly executed, can help keep our countries off the path to war from space.

Keywords: International cooperation, America, USA, Russia, Russian Federation, Space, International Relations, Space Exploration

For citation: Tomaszewski, K. (2020), "International cooperation between Russia and USA regarding space exploration. Where are we headed?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 135–146, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-135-146

Российско-американское сотрудничество в космосе: какие у него перспективы?

На рубеже XX–XXI вв. космос начинает открывать новые перспективы – новые пространства для обмена информацией, новые зоны контроля, новые возможности совершать научные открытия и т. д. Таким образом, освоение космоса входит в разряд приоритетных политических направлений, и участие в этом процессе стало показателем статуса страны как развитой великой державы. В 1990-х гг. космос был сферой практической политики. Острым вопросом, обсуждаемым на международной арене, оказался следующий: нужно ли реализовывать новые космические проекты в одиночестве или нужно сотрудничать друг с другом как коалиции?

Оглядываясь на историю межконтинентального космического партнерства между СССР и США, в 1950-х гг. абсолютно не было никаких перспектив на будущее мирное международное космическое сотрудничество. Спутник-1, разумеется, стал одной из важнейших побед Советского Союза в самом начале холодной войны с США. Потом появилась значимая фигура советской космонавтики – Ю.А. Гагарин. Скромный военный советский летчик из деревни, Ю.А. Гагарин как будто сошел со страниц научно-фантастического романа, став первым человеком в космосе. Более того, Гагарин подавал положительный пример для каждого молодого впечатлительного мальчика в СССР, вызывая страстное внутреннее желание стать космонавтом и гордо служить своей родине.

Гагарин стал символом и за границей, но не в положительном смысле – он стал символом советской мощности. В 1957 г. в Америке печатались негативные заголовки в газетах и журналах с целью усилить панику среди населения: «*Это поражение должно быть последним*» и «*Триумф коммунизма*», что усилило тревогу американцев за считанные часы. В США полет Гагарина вызвал настоящий трепет из-за того, что это был первый раз в истории, когда другая страна была вполне способна нанести критический военный удар из космоса. Американский президент Джон Ф. Кеннеди старался снизить международную напряженность во время инаугурации: «Пусть обе стороны ищут пути творить не ужасы, а создавать чудеса науки. Давайте же вместе исследовать звезды...»¹.

¹Официальная стенограмма инаугурационной речи президента США Дж.Ф. Кеннеди [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=91&page=transcript> (дата обращения 02 ноября 2019).

Тем не менее, холодная война продолжалась, а международные отношения СССР и США только ухудшались, особенно в сфере космических исследований.

Потребовалось радикальное отклонение от безнадежного политического маршрута обеих сторон для того, чтобы улучшить ситуацию между двумя державами. Распад Советского Союза привел к очень сложному периоду в истории, но ситуация дала международной политической атмосфере еще один шанс на построение новых перспектив в будущем космическом сотрудничестве. В то время практически все внимание международного научного сообщества, включая финансирование, было направлено на новый проект – Международную космическую станцию (МКС).

МКС – это пилотируемая орбитальная станция, используемая в качестве многоцелевого космического исследовательского комплекса. 2 ноября 2000 г., ровно в 10:52 по московскому времени, мы увидели очень важный шаг к светлому будущему – два космических корабля состыковались и с этого момента на борту МКС постоянно работают космонавты и астронавты. Далее было принято международное решение эксплуатировать станцию с 2009 г. экипажем в составе шести человек; на борту должны будут постоянно находиться два «Союза» – один российский космонавт и один американский астронавт [Марков 2008]. Это официальный международный договор, буквально указывающий на то, что Россия и США намерены и готовы мирно сотрудничать в космическом пространстве.

МКС, безусловно, привела к политическому сближению России и США не только в космосе, а также на мировой арене на Земле. На конференции, посвященной 20-летию МКС, генеральный директор Роскосмоса Дмитрий Рогозин сообщил следующее:

20 лет работы станции показали, что, несмотря на все противоречия и происки недоброжелателей, экономические сложности и социальные перемены, специалисты множества государств, объединенные одной мирной задачей, могут работать, делиться опытом, преодолевать сложности и находить компромиссы. А главное – все участники проекта показали свою готовность к взаимопомощи при решении задач самой невероятной сложности².

² ВЭС ВКС от 23 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesvks.ru/vks/article/mks-20-let-na-orbite-16373> (дата обращения 02 ноября 2019).

Также было четко показано, что крупные международные совместные идеи могут не только принести свои плоды, но и начать строить новое будущее с чистого листа. Космическое пространство создает основу для новых направлений международного сотрудничества, стремясь к существованию без мешающей ему политики. Человек по натуре исследователь, а космос нельзя исследовать в одиночку. Эксперт по международным сотрудничествам И. Прайк четко описывает общую картину, объясняя причины появления именно международных проектов. Обычно международное сотрудничество уменьшает стоимость любого проекта для каждого участника, хотя общая стоимость может увеличиваться. Плюс заключается в том, что чем больше участников в международном проекте, тем больше знания, опыта, устойчивости и избыточности, особенно в области безопасности³.

А что сейчас запланировано для этой самой дорогой в истории человечества искусственной структуре МКС? Планируется ее вывод из эксплуатации в 2024 г. и никакой настоящей замены пока не существует (идет только стадия планирования). Этого недостаточно, чтобы сохранить мирные отношения в космосе между Россией и США. Игорь Комаров – заместитель министра науки и высшего образования и генеральный директор Роскосмоса, объяснил в интервью:

Судьба станции, в которую 15 государств-участников вложили около 150 млрд долларов, волнует всех... Просто так взять и заменить страну-участника на частного партнера не получится. И я думаю, что совсем не это имеют в виду наши американские партнеры – речь идет о повышении коммерциализации МКС...⁴

Несмотря на это, администрация президента США Дональда Трампа намерена приватизировать американскую часть МКС.

Новые научные проекты в космосе всегда вызывают новую интенсивную волну внимания и интереса со стороны публики. Они обычно создают новые и интересные границы для человечества.

³Stepping-Stones to the Future of Space Exploration [Internet]. The National Academies of Science, Engineering, Medicine, The National Academies Press, 2004. URL: www.nap.edu/read/11020/chapter/8 (дата обращения 02 ноября 2019).

⁴Ячменникова Н. Полеты на планету Земля [Электронный ресурс]. Российская газета: федеральный выпуск. 2018. 4 ноября. № 77 (7540). URL: rg.ru/2018/04/11/generalnyj-direktor-roskosmosa-poletim-na-lunu-i-mars.html (дата обращения 02 ноября 2019).

Луна, Марс и другие планеты Солнечной системы должны быть более тщательно исследованы ради продвижения науки. Самая новая международная космическая программа – это орбитальная лунная станция Deep Space Gateway, являющаяся одним из наиболее логичных базисов нового международного космического партнерства, но также находящаяся только на этапе планирования и никаких конкретных шагов к реализации этого проекта пока нет. Как заявил пресс-секретарь российского посольства в США:

[Орбитальная лунная станция] логично станет продолжением МКС, как платформа для эффективного сотрудничества и партнерства, основанного на равенстве членов, взаимном доверии и уважении⁵.

Как предполагает доктор наук США по специальности космической политики и международных отношений Юрий Караш, говоря об этом проекте:

Логика космического идеализма предполагает, что США должны были бы сосредоточить все свои научно-технические, финансовые и промышленные ресурсы на решении этой задачи, попутно подключив к соответствующим работам инженерно-конструкторский потенциал российской космической отрасли, у которой имеются очень серьезные наработки в области подготовки миссии к Красной планете. При этом было бы логично оставить на долю России доставку с помощью «Союзов» американских экипажей на околоземную орбиту, в том числе и к будущим пилотируемым комплексам НАСА для полетов в «дальний космос»⁶.

Возникает вопрос – где это логичное сотрудничество?

На мой взгляд, сегодня два огромных вопроса мешают реализации потенциала долгосрочного сотрудничества в космосе между нашими державами – милитаризация космоса и использование частного капитала в его освоении.

Военные стратегические цели в космосе только отрицательно влияют на саму мысль международного сотрудничества и угрожают

⁵ Comment by Embassy's press secretary Nikolay Lakhonin [Электронный ресурс]. URL: https://washington.mid.ru/en/press-centre/news/comment_by_embassy_s_press_secretary_nikolay_lakhonin2/ (дата обращения 02 ноября 2019).

⁶ Караш Ю. Гонка в космосе эффективнее сотрудничества [Электронный ресурс]. East View Information Services. Независимая газета. 2010. 27 октября. URL: dlib.eastview.com/browse/doc/22712048 (дата обращения 02 ноября 2019).

нынешним космическим мирным договорам. Не совсем новой идеей является милитаризация космоса, развивающаяся с 1980-х гг. в СССР и США. Одной из первых космических военных программ является американская Стратегическая оборонная инициатива, объявленная в 1983 г., поскольку в этот период в США распространилась паника по поводу реальных «звездных войн» со стороны СССР.

Спустя 36 лет мы видим продолжение космических военных угроз с обеих сторон. Американская стратегия национальной обороны 2018 г. твердо утверждает, что «космос и киберпространство являются пространством боевых действий»⁷. Та же концепция прописана в военной доктрине РФ, разработанной в 2010 г. Более того, в 2015 г. российская армия интегрировала свои военно-воздушные силы с военно-космическими силами, в результате чего были созданы Воздушно-космические силы РФ. К 2020 г. США планируют создать совсем новый род войск вооруженных сил – Космические силы, чтобы участвовать в этой экстремальной конкуренции в космосе. Цель этого нового рода войск определил вице-президент США Майк Пенс в речи, подчеркнув угрозу, исходящую от противников США: «Их действия ясно дают понять: наши противники уже превратили космос в театр военных действий, и США не будут уклоняться от этого вызова»⁸.

Международная напряженность сильно влияет на эту сферу политики. Растет необходимость найти общий язык друг с другом. Единственный способ наладить диалог в космосе – это международный договор, который представляет международные правила для тех, кто участвует в космическом освоении.

Такой договор существует и действует. В 1967 г. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, был подписан СССР, США и Великобританией и вступил в силу в том же году. Государствам-участникам запрещено создавать и использовать любые объекты с ядерным оружием или любые другие виды оружия массового уничтожения в космосе⁹. Однако этот дого-

⁷U.S. Department of Defense. “National Defense Strategy 2018” [Электронный ресурс]. National Security Strategy Archive, 2018. URL: nssarchive.us/national-defense-strategy/ (дата обращения 02 ноября 2019).

⁸США намерены создать министерство космических сил [Электронный ресурс]. Москва 24. 09 августа 2018. URL: <https://www.m24.ru/news/politika/09082018/41686> (дата обращения 02 ноября 2019).

⁹United Nations. “Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies” [Электронный ресурс] Office for Outer Space Affairs, 1966.

вор не уточняет конкретных деталей производства обычного вооружения или уничтожения спутников. Проблема здесь заключается в том, что современная общественная мировая инфраструктура безусловно зависит от связей со спутниками и страны все больше и больше переживают за безопасность собственных спутников. Как законно можно защищать свои спутники в космосе? Если ответ – оружием, тогда неизбежно откроется новая дверь к новой эре гонки вооружений в космосе.

Пока Россия и США поддерживают свои цели и инициативы в космосе, не обращая много внимания на взаимные космические цели, будет невозможно ладить друг с другом в долгосрочной перспективе. Чтобы сохранить и продолжить международное сотрудничество в космосе, обе страны должны мирно и близко сфокусироваться на общих интересах и взаимных проблемах в космическом пространстве, например: удаление космического мусора, мешающего абсолютно всем, или установка международного управления спутниками, похожего на современное управление воздушным движением. Таким образом, будущая нейтральная космическая зона изменится к лучшему и международное сотрудничество сможет развиваться мирным путем, а не военным.

Второй самой актуальной и современной проблемой для российского и американского сотрудничества в космосе является роль частного капитала и его влияние на будущие планы в освоении космоса. Стоит отметить, что по оценкам экспертов на данный момент космическая индустрия в целом приблизительно стоит 350 млрд долларов и в течение следующего десятилетия вырастет до 1 трлн долларов¹⁰. Космический рынок только увеличивается и год за годом все больше крупных инвесторов начинают активно участвовать в космических сделках.

По поводу частных усилий в космическом бизнесе, не секрет, что Америка ведет в этом вопросе, а Россия относительно осталась в тени. С одной стороны, гонка в частном освоении космоса представляется эффективнее международного сотрудничества. В США быстрый рост приватизации в космическом пространстве положительно влияет на все экономическое положение страны, но возможно уменьшает потенциальные выгоды международного

URL: www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/introouterspacetreaty.html (дата обращения 02 ноября 2019).

¹⁰ Space: Investing in the Final Frontier [Электронный ресурс]. Morgan Stanley, 2 Jul 2019. URL: www.morganstanley.com/ideas/investing-in-space (дата обращения 02 ноября 2019).

сотрудничества с Россией. С другой стороны, американцы официально рассматривают международное космическое сотрудничество в рамках коммерческих интересов. Согласно Директивному документу НАСА 1360.2В, «каждое международное сотрудничество должно иметь определенную выгоду для НАСА и США». Это не просьба, а официальное требование от американского государства. Логично – когда нет выгоды, не имеет смысла сотрудничать ни с кем. Это проблема экономического типа, потому что международные проекты всегда требуют увеличения надзора, больше денег и, естественно, становятся более сложными по всем параметрам. МКС – это очень яркий пример, соответствующий данной проблеме.

Есть много разных успешных моментов в истории космического частного сектора в России и в Штатах. Одна из самых успешных компаний частного сектора в мире – это американская космическая компания SpaceX. Мы пришли к очень важному моменту в освоении космоса, особенно учитывая влияние частного капитала на потенциальные будущие международные космические проекты. Совсем недавно, 21 декабря 2015 г., компания SpaceX успешно запустила 11 Orbcomm-OG2 частных коммуникационных спутников, выполняющих американские государственные задачи, на околоземную орбиту¹¹. Самое главное – первые ступени ракет вертикально и без повреждений совершили посадку на мыс Канаверал во Флориде. Обычно ракетоносители либо сгорают во время возвращения на Землю, либо падают куда-то в океан и пропадают без вести. Представьте себе – вы прилетаете из России на Кипр в отпуск на новом самолете, который больше не будет использован. Так и было с ракетами до компании SpaceX.

По факту многоразовая ракета резко сокращает стоимость на полет в космос в сотни раз – это бесспорно. Стоимость ракеты Falcon 9 из компании SpaceX – 54 млн долларов, а стоимость топлива для одного полета – всего \$200,000, или 0.4% стоимости всей ракеты¹². Компания SpaceX вместе с другими американскими компаниями разрабатывает новые ракеты и новые технологии невиданными ранее масштабами и темпами. К 2022 г. Америка собирается больше

¹¹ Wall M. Wow! SpaceX Lands Orbital Rocket Successfully in History First [Электронный ресурс]. Space.com, Spaceflight, 22 Dec 2015. URL: www.space.com/31420-spacex-rocket-landing-success.html. (дата обращения 02 ноября 2019).

¹² Reusability [Электронный ресурс]. SpaceX. URL: www.spacex.com/reusability-key-making-human-life-multi-planetary (дата обращения 02 ноября 2019).

не покупать места в российских ракетах и российские ракетные двигатели. Первый раз в течение последнего десятилетия мы наблюдаем эту отмену зависимости американцев от России, и, скорее всего, она склонна вести к изоляции в международных космических отношениях. Мой прогноз – мы в ближайшее время увидим резкую переориентацию власти в космической промышленности с российской стороны к американской, где американцы пойдут дальше и глубже в космос без русских партнеров. США не будут зависеть от России и без необходимости международный диалог о будущем в космосе постепенно прекратится.

Следовательно, современные проблемы международного сотрудничества в космосе рассматриваются в качестве противоречия. Суть в том, что военные задачи и борьба за безопасность всегда перевешивают все остальные цели в космосе. Обе стороны формально пытаются удержать международные космические проекты, как МКС, но одновременно за кулисами каждый готовится к космическому военному действию, согласно собственной военной доктрине. Из-за этих факторов, я предполагаю, что скоро наступит очень сложный период для наших стран в космической отрасли. Как прогнозируют эксперты по международным отношениям Эжен Ромер и Ричард Сокольский¹³, российско-американский диалог должен быть восстановлен, особенно включая темы контроля над вооружениями, стратегической стабильности и регулирования соревнований в космосе и киберпространстве. Ромер и Сокольский уточняют, что без серьезного разговора между нашими странами, международные отношения будут только ухудшаться.

Подводя итоги можно сказать, что международное сотрудничество в космосе между РФ и США всегда было сложной политической темой по всем обстоятельствам. В США 26 марта 2019 г. вице-президент Майк Пенс, выступающий в качестве главы Национального космического совета США, заявил, что американские астронавты вернутся на Луну в течение следующих пяти лет:

И чтобы все было ясно, скажу прямо – следующая женщина или мужчина на Луне будет американцем на американских ракетах, запу-

¹³ *Rumer E., Sokolsky R. Thirty Years of U.S. Policy Toward Russia: Can the Vicious Circle Be Broken? [Электронный ресурс]. Carnegie Endowment for International Peace, 20 Jun 2019. URL: [carnegieendowment.org/2019/06/20/thirty-years-of-u.s.-policy-toward-russia-can-vicious-circle-be-broken-pub-79323](https://www.carnegieendowment.org/2019/06/20/thirty-years-of-u.s.-policy-toward-russia-can-vicious-circle-be-broken-pub-79323) (дата обращения 02 ноября 2019).*

щенным из американской почвы... Президент приказал НАСА и ее администратору Джим Бриденстин достичь этой цели любой ценой¹⁴.

Опять же, здесь мы явно видим, что Россия и Роскосмос, в частности, не входят в будущие американские космические планы, что способствует деградации международного сотрудничества в космосе.

Важно понять, что когда речь идет о России и США, мы говорим о будущем человечества и отношения между этими странами прямо влияют на все уголки мира. Учитывая историю последних 50-ти лет, позитивный и эффективный прогресс действительно существует в этой новой сфере для человечества, но сейчас наши страны буквально находятся на грани важного момента в истории будущего. Что дальше? Все началось с холодной войны, а чем закончится? Время, безусловно, покажет и раскроет историю будущего современного международного сообщества. Очевидно, что сотрудничеству необходимо распространиться и на территории космоса. Несмотря на взаимные военные угрозы с обеих сторон, формальные международные организации, ведущие к настоящему миру на свете и за ее пределами, никуда не денутся. В этом есть надежда на будущее – мир без реальных «Звездных войн».

Литература

Марков 2008 – Марков Ю. Россия и США: сотрудничество в космосе. *East View Information Services*. Наука в России. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: dlib.eastview.com/browse/doc/18545699 (дата обращения 31 октября 2019).

References

Markov, Yu. (2008), "Russia and USA. Cooperation in space" [Online]. *East View Information Services, Nauka v Rossii*, no. 3, available at: dlib.eastview.com/browse/doc/18545699 (Accessed 31 Oct 2019).

¹⁴ Remarks by Vice President Pence at the Fifth Meeting of the National Space Council (Huntsville, AL) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-fifth-meeting-national-space-council-huntsville-al/> (дата обращения 02 ноября 2019).

Информация об авторе

Кайл Томашевский, магистр (русский язык), Миддлбери-колледж, Центр языков Сандерленд, Миддлбери, Вермонт 05753, США; kyletski21@gmail.com
Information about the author

Information about the author

Kyle Tomaszewski, Master of Arts in Russian, Middlebury College, Sunderland Language Center, Middlebury VT 05753, USA; kyletski21@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 29.03.2020.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 9,7. Усл. печ. л. 9,3.

Тираж 1050 экз. Заказ № 862

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru